ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
РУССКІЙ

ФРАНК-МАСОНЪ

(Свободный каменьщикъ).

1908 г. № 1.

(Печатается въ количествѣ только 250 экз).

ОГЛАВЛЕНІЕ № 1-го.

Для послѣдующихъ выпусковъ въ портфелѣ редакціи имѣются слѣдующія статьи:

Метапсихозъ **Пастора Губалке.**—Масонскіе разговоры **Лессинга.**—Письма о Розенкрейцерахъ N N.—Что такое теософія **Брамана Роу.**—Что такое масонство N N.—Введеніе къ изученію оккультныхъ наукъ **д-ра К. Дюпреля.**—Введеніе въ алхимію **П. Ч.**—Изложеніе Каббалы **Бишофа.**—„Два пути" и „Семь порталовъ **Е. П. Блавацкой.**—Изъ переписки г-жи Блавацкой.

Предполагается изданіе по отдѣльной подпискѣ „Исторіи Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго" въ 5-ти томахъ, выпущенной по повелѣнію Императора Павла. Изданіе это въ настоящее время представляетъ библіографическую рѣдкость.

Русскій Франк-Масонъ.

1908 г. № 1.

Москва, февраля 1 дня 1908 г.

Наше время—время великаго духовнаго томленія и ожесточенности! Непроглядная тьма объяла умы, ибо нарождается новое будущее, котораго люди не видятъ еще, и умираетъ старое—прошедшее, которое имъ не нужно больше! Порывы великой бури ожесточили сердца, ослѣпили умы, и люди, не видя ни умирающаго прошлаго, ни нарождающагося будущаго, обратились противъ опустѣвшихъ алтарей, ибо не находятъ тамъ болѣе Бога; обратились другъ противъ друга, ибо не умѣютъ болѣе находить въ ближнемъ лицо брата своего!

Жизнь внезапно исполнилась внутренняго напряженія, мучительнаго и жестокаго! И въ этомъ напряженіи, подобномъ порыву изсушающаго вихря въ пустынѣ, томится и бьется ослѣпленный умъ и ожесточенное сердце: въ предсмертной тоскѣ отыскиваетъ человѣкъ новое неба и новыхъ боговъ, передъ которыми онъ могъ бы преклониться и къ ногамъ которыхъ могъ бы сложить тяготу своего непониманія и ослѣпленія.

Возстаетъ братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына, народъ на народъ...... борются и гибнутъ за счастье — кто свое личное, кто общественное; кто за спасеніе духа, кто за спасеніе плоти — но никто не знаетъ и не можетъ сказать — въ чемъ счастіе и гдѣ спасеніе! Каждый даетъ формулы для другихъ непригодныя! Сильные губятъ и гибнутъ въ борьбѣ за эти формулы; слабые—въ ужасѣ и изнеможеніи сбиваются въ стадо, позорно-равнодушное какъ къ вечерней зарѣ прошлаго, такъ и къ грядущей утренней зарѣ будущаго!

Здѣсь, на порогѣ прошедшаго и будущаго, въ послѣднюю стражу ночи, въ предразсвѣтной мглѣ грядущей утренней зари — мы ставимъ наше знамя и громко призываемъ братьевъ нашихъ остановиться и пристально вглядѣться въ окружающую мглу.

Еще не всѣ огни погашены, братья! Не всѣ алтари еще разрушены! Стоятъ еще нѣкоторые храмы и бьются еще сердца, обвѣваемыя Духомъ любви Бога живаго!

Есть братья еще очаги знанія свободнаго отъ партійныхъ предразсудковъ и отъ вліянія скоропреходящихъ настроеній... Есть еще убѣжища, гдѣ всѣ измученные, ослѣпленные, негодующіе и озлобленные, недоумѣвающіе и растерявшіеся—могутъ найти покой, отдыхъ и равновѣсіе.

Царство Духа и Истины не отъ міра сего и всякій стучащій отъ глубины сердца въ двери этого царства будетъ впущенъ туда и тамъ найдетъ ключъ и разгаду тому, что окружаетъ его въ царствѣ міра сего.

Въ откровеніяхъ великихъ религій, озаренныхъ лучами божественной славы; въ построеніяхъ великихъ геніевъ, отмѣченныхъ печатью божественнаго разума; въ подвигахъ самоотверженія, навѣянныхъ Божественной Любовью и высшею справедливостью; въ ослѣпительныхъ и неожиданныхъ интуиціяхъ и въ соприкосновеніяхъ съ міромъ абсолютнаго—найдетъ ищущій законы, управляющіе ходомъ развитія человѣчества и въ нихъ—въ законахъ этихъ—почерпнетъ онъ пониманіе настоящаго и силу къ перенесенію его!

Вотъ этимъ-то исканіямъ въ области откровеній прошлаго и интуицій будущаго и посвящается нашъ журналъ, который долженъ сдѣлаться органомъ братскаго объединенія всѣхъ ищущихъ отвѣта на запутанные и сложные вопросы безумной современной жизни. Поэтому въ идеальной и самой общей схемѣ програма нашего журнала должна касаться слѣдующихъ кардинальныхъ вопросовъ.

1) Изученіе законовъ природы. Познаніе и развитіе скрытыхъ духовныхъ силъ человѣческой личности.

2) Сравнительное изслѣдованіе и изученіе религій и философіи всѣхъ странъ, временъ и народовъ.

3) Установленіе истиннаго Богопознанія „въ Духѣ и Истинѣ" по завѣтамъ Христа.

4) Нравственное самоусовершенствованіе и установленіе всечеловѣческаго Братства „въ Духѣ и Истинѣ", безъ различія положеній и состояній.

Само собою разумѣется, что эта программа не можетъ быть достигнута даже при громадныхъ затратахъ и при колективныхъ усиліяхъ большого количества послѣдователей.

И, тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что редакція ясно созыаетъ всю громадность задачи, она приступаетъ къ ней съ твердымъ намѣреніемъ осуществить и выполнить хотя бы только малѣйшую часть ея.

Время летитъ; въ ужасающемъ ураганѣ сплелись и кружатся вокругъ земли мрачныя тѣни отрицанія и богоборчества. Зарево пожаровъ, громъ выстрѣловъ и взрывовъ, волны крови—потрясаютъ грудь земли! Въ этой непроглядной тьмѣ никто не имѣетъ права зажигать свѣтъ только для себя и ставить его подъ спудъ; никто не имѣетъ права отказываться отъ работы, потому что она велика и непосильна! Лучше сдѣлать часть, хотя бы и ничтожную, чѣмъ отказаться отъ работы и уподобиться рабу лукавому и нерадивому, зарывающему въ землю ввѣренный ему талантъ! Ибо теперь, кто не идетъ впередъ — идетъ назадъ, никогда этотъ афоризмъ не былъ болѣе справедливымъ.

Дальнѣйшая задача *нашего журнала—но не самая главная*—воскресить лучшія гуманитарныя идеи духовнаго масонства XVIII вѣка, указать на ихъ вѣчное непреходящее содержаніе, въ которомъ содержится и ключъ будущаго. Это одна изъ практическихъ цѣлей нашего журнала, который именно поэтому и принялъ на себя названіе „Русскій Франк-Масонъ“ и именно поэтому выставилъ своею программой вышеприведенныя *четыре основныхъ правила совершеннаго масонскаго пути.*

Эти четыре принципа, вмѣстѣ и по частямъ, одушевляли въ продолженіе почти шести столѣтій милліоны лучшихъ умовъ, давали успокоеніе десяткамъ милліоновъ измученныхъ сердецъ и связывали въ одно цѣлое тысячи и десятки тысячъ лучшихъ людей своего времени. И теперь эти принципы, по-прежнему, поражаютъ своею глубиной и теперь при ихъ помощи, по-прежнему, раскрываются ослѣпленныя очи человѣка и прозрѣваютъ они Законы Бога, въ рукахъ Котораго всѣ времена и сроки.

———

Собственно говоря, начало духовнаго рожденія нашихъ, такъ называемыхъ, образованныхъ классовъ должно считаться съ эпохи открытаго появленія масонства въ Россіи — со временъ Новикова (1780-е года). Существуетъ мнѣніе, что до Новикова даже изящная литература наша носила мертвенный византійско-московскій характеръ, и только начиная съ Но-

викова она вовлеклась въ кругъ западно-европейскихъ идей и черезъ то сдѣлалась—или начала дѣлаться—литературою европейскою. Этотъ вопросъ, весьма интересный, мы впослѣдствіи разработаемъ въ нашемъ журналѣ; здѣсь же отмѣтимъ, что всѣ гуманитарныя идеи западно-европейскаго міровоззрѣнія, проникли въ сознаніе русскаго общества только и исключительно черезъ посредство франк-масонства. Семейные архивы, біографіи и мемуары выдающихся масоновъ конца XVIII и начала XIX столѣтія не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что всѣ принципы, легшіе въ основаніе великихъ реформъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, сдѣлались возможными къ проведенію въ жизнь исключительно благодаря дѣятельности франк-масоновъ въ Россіи, насадителемъ которой является, какъ мы упомянули, Новиковъ.

Темныя стороны дѣятельности политической фракціи франк-масонства, связанныя съ памятною всѣмъ исторіею декабристовъ, надолго опустили передъ русскимъ обществомъ покрывало на тотъ источникъ, изъ котораго оно впервые почерпнуло широкой рукой все лучшее, что могла дать ему западно-европейская мысль, въ ея самыхъ глубокихъ первоисточникахъ. Обнаружить эту связь духовнаго родства романо-латинскихъ расъ съ расою славянской, наша задача,—и задача тѣмъ болѣе неотложная, что въ славянской расѣ заложены всѣ необходимые элементы для дальнѣйшаго прогресса человѣчества; латинско-романскія расы уже исчерпали провиденціальную потенцію ихъ историческаго самоопредѣленія и къ истинно-духовному прогрессу человѣчества, очевидно, прибавить ничего уже не могутъ......

Здѣсь мы останавливаемся. Широкіе горизонты открываются нашему умственному взору, и настоящее получаетъ окраску временнаго преходящаго эпизода въ общемъ ходѣ работъ Небеснаго Строительства......

Снова мы обращаемъ вниманіе всѣхъ друзей истины на вышеприведенные четыре главныхъ пункта нашей программы — **четыре основы совершеннаго масонскаго пути**—и зовемъ всѣхъ, въ комъ живъ Богъ и жива душа человѣческая, примкнуть къ намъ на общую работу, которая въ настоящее безвременье болѣе чѣмъ необходима.

Повторяемъ: мы вполнѣ сознаемъ всю огромность задачъ, которыя мы себѣ намѣтили; но мы вовсе не обѣщаемъ

охватить ихъ всѣ. Успѣшность нашихъ усилій въ этомъ направленіи зависитъ отъ сочувствія Общества и отъ прилива къ журналу работоспособныхъ сотрудниковъ.

Два слова о содержаніи статей и о credo редакціи.

Лицо, ставшее во главѣ редакціи, исповѣдуетъ чистѣйшій спиритуализмъ, слѣдовательно, такова будетъ и основная тенденція журнала, пока его будетъ вести названное лицо. И, однако, читателямъ предстоитъ не разъ увидѣть въ журналѣ статьи противоположнаго направленія. Это обусловливается тѣмъ, что журналъ „Русскій Франк-Масонъ" есть органъ свободныхъ исканій, свободной независимой мысли и охотно удѣлитъ мѣсто всякому мнѣнію, которое съ искреннею вѣрою и чистотою помысла будетъ направлено на поиски истины.

Редакція охотно будетъ отзываться на всѣ безъ исключенія запросы своихъ подписчиковъ и очень бы желала установить между ними постоянный и живой обмѣнъ мнѣній, для чего и откроетъ, если понадобится, особый отдѣлъ подъ заглавіемъ „Обмѣнъ мнѣній". Статьи для этого отдѣла должны присылаться въ возможно сжатой формѣ.

Редакція, въ заключеніе, проситъ сообщать ей обо всѣхъ семейныхъ архивахъ, въ которыхъ находятся документы, письма и бумаги, относящіеся къ исторіи масонскаго движенія въ Россіи и, если возможно, присылать ей копію съ этихъ документовъ. Постепенное накопленіе такихъ данныхъ дастъ возможность редакціи, со временемъ, опубликовать ихъ въ систематизированномъ видѣ и способствовать всестороннему освѣщенію вопроса и дѣятельности Масонскаго Ордена въ Россіи.

Да поможетъ намъ въ нашихъ начинаніяхъ Великій Строитель Вселенной и Всеправедливый Промыслитель всяческаго бытія.

Редакція.

Тайныя Общества и Франк-Масонство.

Не было и нѣтъ, кажется, еще ни одного союза или общества на земномъ шарѣ о цѣляхъ и дѣятельности котораго ходили бы такія преувеличенныя и разнорѣчивыя мнѣнія, какъ объ Орденѣ Франк-Масоновъ или Свободныхъ Каменщиковъ.

Съ одной стороны, поклонники и адепты Ордена въ самыхъ горячихъ и восторженныхъ выраженіяхъ излагаютъ его доктрины и задачи; указываютъ, и весьма основательно и справедливо, всю ту сумму добра и пользы, которую принесла дѣятельность Ордена, а съ другой стороны—раздаются самыя ярыя нападки и обвиненія Ордена въ самыхъ ужасныхъ и тягчайшихъ преступленіяхъ, какія только можетъ придумать человѣческій умъ.

Временами дѣятельность Ордена какъ бы стихаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ и ожесточенная полемика объ немъ; временами вспыхиваетъ горячимъ ключомъ жизнь Ордена, поднимаются со дна его дремлющія силы и мы видимъ Орденъ во главѣ наиболѣе свѣтлыхъ, наиболѣе гуманитарныхъ теченій человѣческой мысли. Подобно гигантскому факелу вспыхиваетъ дѣятельность Ордена и освѣщаетъ самые темные уголки жизни, самыя запутанныя проблемы мысли; послѣ этихъ вспышекъ волны просвѣщенія и гуманизма долго еще широкими волнами разливаются вокругъ пункта первоначальной вспышки. Такъ было у насъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи, такъ было и вездѣ, гдѣ Ордену удалось поставить свое дѣло въ благопріятныя условія.

Я нисколько не преувеличу, если скажу, что истинная просвѣщенность Россіи, истинная образованность въ области науки и искусства—истинная образованность въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь—началось въ Россіи только въ XVIII столѣтіи, послѣ недолговременной и кипучей дѣятельности Новикова, одного изъ высокопросвѣщеннѣйшихъ масоновъ, въ истинномъ и самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

И тѣмъ не менѣе, у насъ въ Россіи слова „фармазонъ", „якобинецъ", бунтовщикъ, вольтерьянецъ—все это синонимы, обозначавшіе человѣка въ высшей степени опаснаго, приблизительно то же самое, что мы понимаемъ теперь подъ названіемъ—анархистъ.

Гдѣ же корень этого страшнаго противорѣчія во взглядахъ на Масонство и въ оцѣнкѣ его дѣятельности? Лежатъ ли причины отри-

цательнаго отношенія къ Масонству въ немъ самомъ или же въ несовершенствѣ общественнаго строя, который не можетъ вмѣстить и принять въ себя масонскихъ идеаловъ?

Прежде чѣмъ дѣлать попытку отвѣтить на поставленный выше вопросъ, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе въ сторону общихъ причинъ и выяснить себѣ какъ психологическія, такъ и соціальныя условія, въ силу которыхъ обыкновенно возникаютъ такъ называемыя Тайныя Общества.

Тайныя Общества и союзы мы встрѣчаемъ у всѣхъ безъ исключенія народовъ, во всѣ времена, начиная отъ самой глубокой древности и вплоть до нашихъ дней.

Обыкновенно, эти замкнутые кружки людей, несмотря на все кажущееся разнообразіе ихъ формъ, возникаютъ при условіяхъ очень сходныхъ у всѣхъ народовъ, и всегда можно отыскать въ ихъ исторіи тѣ основные моменты, которыми обусловливается это возникновеніе. Общества и союзы политическіе—соціальные, образовываются обыкновенно въ тѣ эпохи, когда въ народѣ возникнетъ обостреніе и рознь между отдѣльными его группами и классами: между аристократіей и народомъ, между правящими классами и управляемыми, между побѣдителями и побѣжденными и т. п.; короче—во всѣхъ случаяхъ, когда въ общественномъ организмѣ возникаетъ трещина, расколъ между господствующими и подчиненными; когда сила начинаетъ смѣшиваться съ правомъ и гдѣ интересы—матеріальные или духовные—слабыхъ попираются и нарушаются болѣе сильною частью населенія.

Въ этихъ случаяхъ Тайныя Общества возникаютъ, какъ необходимое и вполнѣ логическое дополненіе къ законамъ страны, начинающимъ ограждать интересы только сильныхъ или имущихъ. Является новый законъ негласный, но написанный въ сердцахъ всѣхъ обиженныхъ и слабыхъ и этотъ новый законъ находитъ своихъ истолкователей, комментаторовъ и исполнителей въ Тайныхъ Обществахъ. Противъ явной силы и безправія выступаетъ сила тайная, опирающаяся на понятіе справедливости и равенства и несущая съ собою осужденіе и часто наказаніе.

Въ большинствѣ случаевъ эти тайные союзы имѣли всегда и вездѣ высокую цѣль освобожденія порабощенныхъ отъ духовнаго, политическаго, соціальнаго или иноземнаго гнета.

Въ зависимости отъ того насколько порабощающія силы въ обществѣ стремились теоретически обосновать себя и опереться на общія положенія философіи права,—въ зависимости отъ того и тайные союзы выставляли свою идеологію, свои концепціи права и справедливости; при чемъ самыя общія предпосылки, изъ которыхъ исходили при такихъ построеніяхъ, подчеркивали ту или другую сторону, въ зависимости отъ того, противъ какого рода притѣсненій выступало Тайное Общество. Въ основу кладутся то идеи

національизма, то идеи улучшеннаго правопорядка и общественныхъ взаимоотношеній, то идеи, ниспровергающія тѣ или иные религіозные догматы религіи притѣснителей; или же, наконецъ, совершенно оригинальныя мистическія идеи, результатомъ которыхъ должно было послѣдовать совершенное обновленіе общественнаго строя въ тѣхъ или другихъ его деталяхъ.

Вторая категорія тайныхъ союзовъ, это—религіозно-мистическіе. Здѣсь точно такъ же заложена идея извѣстнаго духовнаго первородства. Идеи и представленія, значительно ушедшія впередъ, возвышающіяся надъ среднимъ уровнемъ философскихъ и религіозныхъ представленій своихъ современниковъ; или отколовшіяся и ушедшія въ сторону, противоположную имъ; или же, наконецъ, идеи, гонимыя и непонятныя современникамъ—вотъ что составляло, составляетъ и будетъ составлять, такъ сказать, душу и духъ тайныхъ религіозно-нравственныхъ и мистическихъ Тайныхъ Обществъ.

Вѣрованія и представленія, не выносившія столкновенія съ дѣйствительностью и принужденныя отступить при столкновеніи съ ней, замыкаются въ тѣсномъ кружкѣ своихъ послѣдователей а ждутъ времени своего признанія и призванія, чтобы выйти къ страдающимъ, измученнымъ, недоумѣвающимъ и растерявшимся и сказать всѣмъ имъ новое слово и указать новый путь.

Итакъ, съ этой стороны Тайныя Общества можно разсматривать, какъ убѣжище, гдѣ новая мысль, новая идея, новое вѣрованіе—уходятъ какъ въ крѣпость отъ столкновенія съ грубою дѣйствительностью и отъ насилія такъ называемаго здраваго смысла своей эпохи. Идея можетъ быть плодотворна и можетъ развить изъ себя весь циклъ заключающихся въ ней возможностей лишь въ атмосферѣ свободы, дружества и братскаго уваженія! Тайное Общество давало эту атмосферу и соединяло вокругъ данной идеи, или цѣлаго цикла идей—тѣхъ кто признавалъ эти идеи и работалъ въ ихъ сферѣ.

Однако не всегда Тайныя Общества были оазисами, въ которыхъ искали спасенія отъ жгучаго солнца дѣйствительности, идеи гонимыя или идеи опережавшія свою эпоху; не всегда они создавались и какъ убѣжища свободной мысли отъ притѣсненія толпы.

Есть еще одинъ типъ Тайныхъ Обществъ, который не довольствовался созданіемъ атмосферы свободы и братства для своихъ членовъ, но, кромѣ того, претендовалъ на перевоспитаніе современниковъ, на привитіе имъ тѣхъ идей и вѣрованій, которыя считались истинными и справедливыми въ нѣдрахъ самого Общества. Въ такихъ союзахъ совершалась двойственная работа: первая—разработка извѣстнаго цикла идей мистическихъ или религіозныхъ, которыя для современниковъ были невосpріемлемы; вторая—приспособленіе этихъ идей по возможности къ существующимъ уже религіознымъ и нравственнымъ понятіямъ большинства, съ цѣлью

поставить эти послѣднія понятія на сравнительно большую высоту. Вторая часть работы совершалась для пропаганды и для набора прозелитовъ новымъ воззрѣніямъ. Въ этихъ случаяхъ дѣятельность Общества сама собою распадалась, какъ принято выражаться, на эзотерическую — скрытую и на экзотерическую — открытую. Первая, какъ значительно опередившая современное міровоззрѣніе, естественно была достояніемъ только адептовъ Общества, а вторая— предлагалась всѣмъ ищущимъ, всѣмъ желающимъ — т.-е. ученикамъ а затѣмъ массамъ, и притомъ, какъ сказано, въ формѣ наиболѣе доступной для нихъ.

Итакъ, мы видимъ самую общую форму тайныхъ мистическихъ религіозныхъ Обществъ: посвященные и профаны; іерофанты— учителя и низшія ступени и толпа. Здѣсь мы находимъ новую идею—идею духовнаго первородства, основанную на обладаніи тайными знаніями, и идею „водительства", которое является не только правомъ, но и обязанностью „посвященныхъ": обязанностью ихъ передавать и открывать постепенно узнанныя ими „тайны знанія" и направлять къ развитію окружающихъ современниковъ.

Таковы всѣ ордена и союзы жреческіе, а также и масонскіе.

Здѣсь небезынтересно будетъ опредѣлить, кстати, какимъ путемъ можетъ возникнуть идея духовнаго первенства, идея законнаго и достойнаго обладанія тайной, которую посвященные считаютъ своимъ правомъ удерживать у себя и открывать лишь постепенно, частями по ихъ усмотрѣнію.

Чувство тайны и загадочности окружающей природы свойственно человѣку и неотъемлемо отъ него, какъ одинъ изъ самыхъ первѣйшихъ аттрибутовъ его разумности.

Чувствомъ недоумѣнія и ощущеніемъ тайны сопровождается первый опытъ ребенка; тѣмъ же чувствомъ сотрясается сердце при первыхъ шагахъ сознательной мысли при изученіи природы и это же чувство тайны и неизвѣданнаго сопровождаетъ человѣка при переходѣ за могильную грань, отдѣляющую тѣлесное бытіе отъ міра „непроявленнаго", отъ міра „вещей въ себѣ".

Вѣка, тысячелѣтія... человѣческая мысль мучительно, напряженно работаетъ надъ разъясненіемъ окружающихъ его тайнъ; и нѣтъ имъ конца и чѣмъ глубже человѣкъ проникаетъ въ сущность явленія, или чѣмъ шире онъ строитъ объясненія для наибольшаго количества явленій—тѣмъ тайна становится непроницаемѣе; загадки растутъ передъ человѣкомъ рядами, уходящими въ безконечность.

„Чѣмъ больше я узнаю, тѣмъ яснѣе начинаю понимать, что я ничего не знаю", восклицаетъ въ отчаяніи Сократъ... Но одинъ ли Сократъ? Нѣтъ! Та же нота, тотъ же основной мотивъ звучитъ въ выводахъ и положеніяхъ наиболѣе выдающихся умовъ, какъ въ области философіи, такъ и въ области познанія внѣшней окружающей насъ природы.

И, тѣмъ не менѣе, тайна, или тайны, требуютъ разрѣшенія. Цѣль человѣческаго существованія—раскрытіе и обнаруженіе тайны, его окружающей.

Тамъ, гдѣ умираетъ чувство желанія овладѣть тайной, исчезаетъ „познающій субъектъ", а слѣдовательно исчезаетъ для него и „познаваемая натура". Жизнь разумнаго существа, отказавшагося ради покоя мысли отъ познанія, превращается въ рядъ простыхъ приспособленій ко внѣшней средѣ; священный отблескъ духовнаго разума гаснетъ на челѣ такого человѣка; онъ превращается тогда въ рефлексирующее животное высшей культуры и та нація, въ которой у большинства ея членовъ погасло желаніе узнавать тайны, та нація перестаетъ существовать, какъ таковая, и превращается просто въ этнографическій матеріалъ и, вырождаясь, медленно сходитъ съ исторической арены. Такихъ примѣровъ умственнаго изнеможенія и вымиранія націй и культуръ исторія знаетъ очень много и примѣровъ искать, конечно, не придется.

Итакъ, чувство тайны и недоумѣнія является господствующимъ чувствомъ при столкновеніи человѣка съ природой. Все равно, изъ какой бы точки зрѣнія человѣкъ ни исходилъ, тайна идетъ за нимъ по пятамъ — какъ въ области религіозной и нравственной мысли, такъ и въ областяхъ философіи и естественно-научнаго знанія.

Изученіе тайны и выясненіе ея общими согласованными усиліями въ сферѣ свободной мысли, не стѣсненной рамками здраваго смысла современной эпохи, — вотъ первый психологическій моментъ, вліяніемъ котораго создается Тайное религіозно-мистическое Общество.

По мѣрѣ того, какъ покрывало тайны понемногу приподнимается передъ дружными согласованными усиліями членовъ Общества, въ немъ возникаютъ болѣе или менѣе вѣрныя или невѣрныя толкованія причинъ; вырабатываются теоріи, системы и концепціи, стремящіяся охватить и объяснить извѣстную часть тайнъ. Эти теоріи и системы, противопоставленныя обычному общему міропредставленію, оказываются для подавляющаго большинства чуждыми и непонятными. Является необходимость оградить тайну отъ пустого любопытства профановъ, отъ искаженія ея и осмѣянія умами неподготовленными и лишенными возможности понять новыя концепціи, новыя идеи, новыя представленія и вѣрованія. Здѣсь лежитъ второй психологическій факторъ къ организаціи Тайныхъ Обществъ религіозно-мистическаго характера. Лица, желающія вступить въ Общество, должны быть мыслящими и понимающими вещи, одинаково съ тѣми, которые такъ или иначе уже ознакомились съ вопросомъ. Поэтому кандидатъ или неофитъ долженъ прежде подготовиться къ воспріятію новаго и надлежащимъ образомъ тренировать свой умъ. Тайны—или, вѣрнѣе, узнанныя и добытыя объясненія тайнъ—раскалываются. Отдѣляется ядро и кристаллизуется въ

видѣ символическаго ученія, недоступнаго для пониманія непосвященныхъ, но заключающаго въ себѣ въ сжатомъ экстрактивномъ видѣ самыя общія коренныя предпосылки новыхъ истинъ. Затѣмъ идетъ ученіе для неофитовъ, въ которомъ излагаются вторичныя посылки новыхъ ученій по возможности на языкѣ старыхъ вѣрованій. Таковъ процессъ образованія эзотерической и экзотерической части каждаго ученія.

Итакъ, общечеловѣческое стремленіе овладѣть тайной бытія и натуры, стремленіе сохранить чистоту уже добытыхъ тайнъ, желаніе сообщить эту тайну другимъ и внести поправку въ существующее уже міропониманіе — вотъ четыре психологическихъ фактора, въ силу которыхъ возникаютъ Тайныя религіозно-мистическія Общества, происходитъ ихъ первоначальная организація на посвященныхъ и неофитовъ и почему въ нихъ возникаетъ сознаніе духовнаго первенства и начинается ихъ цивилизаторская дѣятельность.

Принимая во вниманіе еще и вышеуказанные соціальные факторы, мы не ошибемся, если скажемъ, что исторія Тайныхъ Обществъ есть въ то же время исторія національнаго или общественнаго сознанія данной страны или даннаго народа, гдѣ кристаллизуются передовыя идеи въ области науки, религіи и искусства, гдѣ накапливаются и хранятся новыя знанія до тѣхъ поръ, пока въ нихъ наступитъ надобность для народа.

Я долженъ отмѣтить здѣсь одно обстоятельство, чтобы не быть ложно понятымъ.

Говоря о внутренней основѣ, объ идеяхъ, служащихъ ядромъ, около котораго стягиваются Тайныя Общества, я подчеркивалъ, что эти—идеи, обыкновенно, опередившія міропониманіе своихъ предшественниковъ. Не слѣдуетъ однако думать, что эти идеи всегда дѣйствительно *опередившія*. Какъ умственное, такъ и нравственное развитіе человѣчества на всемъ протяженіи его исторіи отнюдь не совершалось однообразнымъ и непрерывно-поступательнымъ темпомъ. Очень часто приходится видѣть, какъ культура какого-либо народа, достигши извѣстной высоты, вдругъ начинаетъ падать и вырождаться; начинается попятное движеніе и, въ концѣ-концовъ, свѣтъ мысли, горѣвшій чуднымъ и яркимъ блескомъ, потухаетъ. Эти катаклизмы въ области мысли обыкновенно совершаются подъ давленіемъ внѣшнихъ событій: нашествіе иностранныхъ завоевателей; перемѣна климата и стихійныя бѣдствія; продолжительныя войны внѣшнія и внутреннія и т. п.; при чемъ я совершенно оставляю пока безъ упоминанія еще глубокія причины космическія—мистическаго происхожденія,—о которыхъ надѣюсь поговорить съ читателемъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Перечисленныя причины, такъ сказать, характера внѣшняго; и вліяніе ихъ сказывается на протяженіи длинныхъ періодовъ лѣтъ. Ихъ мы можемъ наблюдать въ Греціи, культура которой, вспыхнувши яркимъ

свѣтомъ, затѣмъ упала и выродилась; затѣмъ Римская имперія, подвергшаяся той же участи; арабская и мавританская культуры среднихъ вѣковъ и мн. др. Въ болѣе раннихъ періодахъ, такъ сказать, въ сѣдой древности, то же явленіе мы можемъ наблюдать на судьбѣ древняго Вавилона, Ассиріи и др. Это какъ будто историческій законъ: народы растутъ, мужаютъ, развиваютъ пышную культуру, затѣмъ дряхлѣютъ и умираютъ, передавая знамя культуры и знаній въ руки какой-либо другой болѣе молодой націи, которая принимаетъ наслѣдство и, въ свою очередь, повторяетъ тотъ же неизбѣжный циклъ.

Изъ народовъ, которыхъ мы встрѣчаемъ на зарѣ нашей исторіи, не подвергся такому процессу исторической старости и распада только одинъ — еврейскій; но эта исключительная судьба куплена имъ цѣною добровольнаго отчужденія себя отъ семьи всѣхъ остальныхъ народовъ и отъ общечеловѣческаго прогресса. Впрочемъ, это отчужденіе начинаетъ проходить и еврейская народность, какъ кажется, наконецъ, начинаетъ вовлекаться въ водоворотъ исторіи и начинаетъ кое-что утрачивать изъ идей юдаизма, дѣлавшихъ его неподатливымъ и окаменѣлымъ стражемъ отживпшихъ идей.

Такимъ образомъ, на аренѣ историческаго самосознанія мы непрестанно улавливаемъ взаимодѣйствіе и борьбу трехъ категорій идей.

Первая—идеи господствующія, въ которыхъ отражается средняя высота міровоззрѣнія данной эпохи. Эта группа идей находится въ тѣсномъ союзѣ съ тѣмъ, что принято называть здравымъ смысломъ и онѣ выражаютъ собою, или, вѣрнѣе говоря, санкціонируютъ собою максимумъ самосознанія данной націи въ областяхъ религіи, нравственности, науки и искусства. Съ другой стороны, эти идеи призваны освящать собою максимумъ внѣшняго благополучія и приспособленности для данной націи въ цѣломъ, и для обезпеченныхъ и правящихъ классовъ ея въ частности. Эти идеи составляютъ собою консервативный балластъ націи, необходимый для огражденія ея отъ слишкомъ быстрыхъ и порывистыхъ движеній впередъ, могущихъ нарушить цѣлость національнаго тѣла.

Вторая категорія — идеи, представляющія собою уклоненіе отъ средняго міровозрѣнія и принадлежащія не большинству, а меньшинству или отдѣльнымъ кружкамъ и личностямъ. Это—идеи, опережающія свое время и составляющія, такъ сказать, будущее богатство націи, несущія съ собою обновленіе въ области религіи, нравственности и искусства. Но постольку, поскольку эти идеи уклоняются отъ требованій и предпосылокъ здраваго смысла и средняго міровоззрѣнія данной эпохи, постольку онѣ являются преждевременными и подвергаются гоненію и противодѣйствію.

Третья категорія. Идеи, стоящія выше или ниже средняго міровоззрѣнія,—это безразлично,—но являющіяся отголоскомъ, обломкомъ или частью иного міровоззрѣнія, иной культуры—прошедшаго

или подвергшагося изгнанію изъ данной территоріи, вліяніемъ причинъ внѣшнихъ.

Изучающій исторію человѣческихъ знаній и въ особенности исторію философіи можетъ наблюдать весьма любопытное явленіе— борьбу между собою различныхъ системъ и идей, гдѣ онѣ поочередно одерживаютъ верхъ другъ надъ другомъ и попеременно являются то подъ видомъ заблужденій и суевѣрій, то подъ видомъ истинъ, получая въ различныя эпохи совершенно разныя значенія.

Я отмѣчаю это обстоятельство для того, чтобы читатель, приступая къ оцѣнкѣ идей и ученій, составляющихъ, такъ сказать, душу Тайныхъ Обществъ, не упускалъ изъ виду, что идеи эти могутъ опираться какъ на свое прошедшее, такъ и на будущее, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онѣ — идеи — несомнѣнно не будутъ общепризнанными. Разница будетъ лишь въ томъ, что идеи, имѣющія прошлое, могутъ быть раздѣляемы и большинствомъ, но проникать въ жизнь и воздѣйствовать на нее онѣ не въ состояніи подъ давленіемъ насилія со стороны меньшинства, которое въ данную эпоху оказалось почему-нибудь сильнѣе большинства. Идеи же, имѣющія и будущее, всегда являются достояніемъ только меньшинства.

Итакъ, въ общемъ, вотъ каковы историческія и психологическія основанія для возникновенія тайныхъ религіозныхъ мистическихъ Обществъ и вотъ каковы идеи, которыя всегда мы можемъ найти въ основаніи ихъ ученій.

Обобщая еще болѣе эту точку зрѣнія и принимая во вниманіе еще и эволюцію идей нравственныхъ, правовыхъ и политическихъ, мы можемъ поставить еще болѣе широкую формулировку и можемъ сказать, что отличительною чертою этихъ Обществъ является стремленіе составить необходимое дополненіе къ политической, религіозной и соціальной жизни націи; стремленіе внести поправку къ недостаткамъ существующаго строя и предоставить отдѣльнымъ личностямъ большую сумму свободы въ области науки и религіозно-мистическихъ переживаній, т.-е. Общества эти, другими словами, принимали подъ свою защиту ту часть индивидуальной свободы, которая подвергалась насильственному сжатію и терпѣла гоненіе со стороны здраваго смысла большинства и со стороны средняго міровоззрѣнія данной эпохи.

Едва ли нужно говорить здѣсь объ отрицательныхъ сторонахъ того массоваго здраваго смысла, который я имѣю здѣсь въ виду. Злоупотребленіе и излишняя надежда на этотъ коллективный здравый смыслъ есть страшная язва человѣческаго духа. Чтобы не утомлять вниманія читателей, возьму прямо изъ памяти 3—4 крупныхъ историческихъ примѣра, которые наиболѣе ясно и выпукло освѣтятъ мою мысль.

Коллективный здравый смыслъ осудилъ ученіе Сократа и казнилъ его смертью.

Коллективный здравый смыслъ силою заставилъ Галилея въ 1615 году отречься отъ ученія о шарообразности земли; кстати замѣтимъ, что Пиѳагоръ утверждалъ шарообразность земли за 500 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.

Ученіе о солнечныхъ пятнахъ было провозглашено арабскимъ ученымъ Авиценою въ Кордовѣ въ 1053 г.; но коллективный здравый смыслъ признавалъ въ средніе вѣка это ученіе ересью и жегъ за наго на кострахъ.

Коллективный здравый смыслъ призналъ богохульствомъ ученіе Христа и распялъ Его. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи здравый смыслъ стоитъ, какъ кажется, и теперь приблизительно на той же позиціи.

Эти примѣры достаточно освѣщаютъ поднятый вопросъ, а потому я прекращу здѣсь и дальнѣйшее разсмотрѣніе общихъ причинъ, вызывающихъ къ жизни Тайныя Общества. Впрочемъ, еще небольшая оговорка. Мнѣ могутъ поставить въ вину то, что я совершенно упускаю изъ виду чисто политическія причины образованія Тайныхъ Обществъ, какъ бы не придавая этимъ послѣдимъ причинамъ никакого значенія.

Это до извѣстной степени справедливо. Въ настоящемъ очеркѣ я имѣлъ въ виду лишь тѣ концепціи и идеи Тайныхъ Обществъ, которыя тѣсно связаны съ извѣчными и непреходящими вопросами человѣческаго духа. Идеи же политическія или служащія лозунгомъ той или другой общественной партіи, класса или группы имѣютъ преходящій временный характеръ. Быстро возникаютъ эти Общества, выполняютъ свое служебное назначеніе и также быстро угасаютъ или реформируются въ новыя Общества, съ новыми программами, съ новыми лозунгами, сообразно запросамъ времени. Мы же главнымъ образомъ будемъ разсматривать Общества, въ основу которыхъ кладутся не интересы отдѣльныхъ классовъ, не лозунги борющихся партій, а первичныя идеи, такъ сказать, постулаты того или другого общаго міропониманія. Поэтому-то я и подчеркивалъ усиленно, что предметомъ этого очерка служатъ преимущественно, и главнымъ образомъ, Тайныя Общества религіозно-мистическія.

На самомъ дѣлѣ, изо всѣхъ идей, которыя руководятъ человѣческими поступками, религіозныя идеи и идеи мистическаго сознанія оказываютъ на человѣческій умъ вліяніе наиболѣе сильное, наиболѣе устойчивое и наиболѣе длительное. Время ихъ воздѣйствія на человѣческіе умы въ иныхъ случаяхъ опредѣляется иногда не только столѣтіями, но прямо тысячелѣтіями.

Эти первичныя идеи, въ которыхъ самосознаніе всего человѣчества стремится формулировать великія тайны бытія человѣка и

его отношеній къ природѣ и къ Верховной Первопричинѣ бытія,— эти идеи обладаютъ глубокою мистическою властью надъ человѣческими умами и сердцами, надъ нравственностью народныхъ массъ и отдѣльныхъ личностей. Онѣ направляютъ весь историческій путь развитія мысли; онѣ руководятъ религіей, наукой, искусствомъ и поэзіей.

Теперь мы нѣсколько ознакомились съ психологическими и историческими моментами, вліяніемъ которыхъ складываются и развиваются Тайныя религіозно-мистическія Общества, и можемъ приступить къ рѣшенію вопроса, поставленнаго въ началѣ этого очерка, а именно: гдѣ лежатъ причины той враждебности и отчужденности, которую высказываетъ большинство по отношенію къ Масонскому Союзу и его дѣятельности?

Я началъ настоящій очеркъ словами: не было и нѣтъ, кажется, ни одного Тайнаго Общества, о которомъ не циркулировало бы такихъ противорѣчивыхъ мнѣній, какъ Франк-Масонскій Орденъ. Можно прибавить къ этому еще, что никакое другое Общество не вызывало къ себѣ столько вражды и преслѣдованій.

Въ будущей книжкѣ нашего журнала мы начинаемъ печатаніе извѣстнаго масонскаго Катехизиса, составленнаго знаменитымъ критикомъ-философомъ Лессингомъ. Въ этомъ Катехизисѣ Лессингъ, какъ въ фокусѣ, собралъ всѣ основные принципы масонства, которые впослѣдствіи легли въ основу гуманизирующаго вліянія Ордена на современниковъ—и, знакомясь съ этими идеями все болѣе и болѣе, кажется страннымъ тотъ тонъ непримиримой враждебности и тѣ яростныя нападки, которымъ Орденъ подвергается со стороны большинства.

Однако этому обстоятельству есть объясненіе!

Въ дѣйствительности есть причины, и очень основательныя, въ силу которыхъ подобное отношеніе къ Ордену является только естественнымъ и логическимъ.

Какъ религіозно-мистическое Общество, Франк-Масонскій Союзъ или иначе — Союзъ Свободныхъ Каменщиковъ — въ той формѣ и организаціи, какая существуетъ въ настоящее время, можно считать существующимъ около 300 лѣтъ. Цифра для жизни частнаго союза весьма почтенная. Но она имѣетъ за собою еще и, такъ сказать, доисторическій періодъ, который обнимаетъ собою время также не менѣе трехъ столѣтій. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ организаціей, душу которой должны составлять идеи и міропониманіе, несомнѣнно, имѣющія подъ собою глубокую психологическую и историческую правду, жизненную, устойчивую и имѣющую значеніе не временное и не преходящее.

Каковы же были эти идеи, которыя служили и по сейчасъ еще служатъ скрѣпляющимъ цементомъ для огромнаго сообщества людей. Несомнѣнно на первый взглядъ одно: идеи эти,—разъ онѣ должны были замыкаться въ предѣлахъ Тайнаго Союза,—не могли подчинить своему вліянію большинство, т.-е., другими словами, идеи эти были для большинства или недоступны, или непонятны, или органически противны.

Вскрывая основы и сущность ученія франк-масоновъ и доходя до корней его, мы къ великому нашему удивленію находимъ, что основныя предпосылки ученія, ихъ коренныя идеи, это—идеи чистѣйшаго христіанизма и гуманности. И такъ какъ эти предпосылки, проникнутыя чистѣйшимъ духомъ Евангелія, духомъ самой широкой всечеловѣческой терпимости не укладывались въ рамки государственной и соціальной жизни, гдѣ процвѣтало католичество, или гдѣ интересы Церкви были принесены въ жертву интересамъ государства, то естественно вполнѣ, что принципы чистаго христіанизма, черпающіе свое начало прямо и непосредственно изъ Евангелія — должны были казаться большинству, или господствующимъ группамъ, нежелательными и вредными для существовавшаго общественнаго строя.

Эти основныя идеи, являвшіяся въ то же время конечными цѣлями, которыя были намѣчены себѣ Франкъ-Масонскимъ Союзомъ, были слѣдующія—формулирую ихъ въ самой сжатой формѣ:

1) Насажденіе вѣры въ существованіе Бога и въ безсмертіе души.

2) Признаніе всеобщаго братства людей, какъ дѣтей Единаго Бога-Отца.

3) Стремленіе къ Истинѣ и познанію законовъ Бога, Которому слѣдуетъ поклоняться, по словамъ Христа, въ Духѣ и Истинѣ.

4) Насажденіе Евангельской любви къ ближнему.

5) Нравственное и духовное усовершенствованіе людей и стремленіе къ улучшенію благосостоянія неимущихъ.

Вотъ пять тезисовъ. Всѣ они основаны на Евангеліи, и, тѣмъ не менѣе, какъ всѣ они, такъ и каждый изъ нихъ, при попыткѣ ихъ практическаго осуществленія велъ за собою цѣлую соціальную программу, которая непремѣнно должна быть столкнуться или съ интересами Церкви или съ интересами государства.

Масоны очень хорошо понимали, что эти тезисы могли во всякій моментъ сдѣлаться боевыми лозунгами той или другой реформаторской или революціонной партіи; но они также видѣли съ несомнѣнностью и то, что ни одинъ изъ этихъ лозунговъ не можетъ прочно привиться и сдѣлаться достояніемъ сознанія большинства до тѣхъ поръ, пока кореннымъ образомъ не перевоспитается природа человѣка. Не вливаютъ вино новое въ мѣхи старые, иначе мѣхи разорвутся и вино будетъ пролито и потеряно. Никакія формы

общественныхъ отношеній, самыя возвышенныя, не могутъ облагородить и сдѣлать святымъ человѣка, не родившагося свыше и не несущаго въ самомъ себѣ свѣта братской любви и живого чувства любви къ Богу и Истинѣ.

Поэтому масоны предпочитали работать въ спокойной атмосферѣ своихъ ложъ, чтобы воспитать въ этихъ чувствахъ своихъ членовъ. Увеличивая ихъ число и заботливо работая надъ воспитаніемъ ихъ нравственнымъ и духовнымъ, масонство надѣялось съ теченіемъ времени создать въ обществѣ большинство, проникнутое вышеуказанными идеями и, такимъ образомъ,—въ общественномъ строѣ, гдѣ большинство состояло бы изъ людей, искренно исповѣдающихъ эти идеи,—сами собою народились бы благожелательныя братскія взаимоотношенія, исполненныя любви и правды.

При такомъ ходѣ дѣлъ не было бы мѣста ни борьбѣ партій, ни борьбѣ личностей. Старыя формы отношеній, основанныя на эгоизмѣ, сами собою отпали бы, сдѣлавшись ненужными и лишними.

„Царство мое не отъ міра сего", говорилъ Христосъ; вслѣдъ за нимъ и масонство заботливо отстраняло себя отъ дѣлъ „міра сего" и искало Царствія Божія внутри человѣка, оставляя борьбу политическихъ идей на долю различныхъ партій.

Вѣруя, что „все остальное приложится само", масонство отстранялось отъ критики существующаго государственнаго строя и ставило себѣ обязанностью принимать существующія власти такими, какъ они есть, основываясь на словахъ Христа: „Божіе Богу — Кесарево Кесарю".

Такимъ образомъ, масонство отожествляло свои идеалы съ идеалами Евангелія и стремилось къ глубокому мистическому преобразованію человѣчества путемъ пробужденія „Царствія Божія внутри насъ". Это и была та пресловутая работа надъ „обтесываніемъ *дикаго* камня", подъ которымъ понималось духовное существо человѣка, затемненное пеленою эгоизма, отторгающаго человѣка отъ союза и слиянія съ его первоисточникомъ—Богомъ.

Такова въ самыхъ сжатыхъ чертахъ преобразовательная мистическая работа, намѣченная себѣ первоначальнымъ масонствомъ. Основныя предпосылки, на которыя опирались вышеприведенныя традиціи, были, конечно, еще болѣе глубоки и мистичны. Онѣ захватывали собою самыя глубокія стороны общихъ концепцій о происхожденіи бытія, природы и человѣка, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; объ отношеніи человѣка къ Богу, о загробной судьбѣ человѣчества и т. п. Всѣмъ этимъ вопросамъ и ихъ историческимъ развитіямъ въ масонствѣ будетъ посвященъ рядъ статей въ нашемъ журналѣ со ссылками на подлинные источники, доходящіе до XIV и даже XIII столѣтія.

Все сказанное относится однако къ первоначальному чистому трехстепенному масонству. Последнее возникло сначала и организовалось изъ членовъ, носившихъ слѣдующія названія.

1) Ученикъ—это первая масонская степень масонства, на которой изучаются принципы вступленія въ жизнь: любовь къ людямъ и справедливость.

2) Вторая ступень — подмастерье или товарищъ. На этой ступени изучается, какъ долженъ масонъ вести себя въ жизни. Здѣсь главная цѣль—самопознаніе во всѣхъ отношеніяхъ, охватывающее всю совокупность наукъ о человѣкѣ, включая сюда и философію и религію. Особое вниманіе направлено на этику, на борьбу со своими страстями и эгоизмомъ, извращающими нашу земную жизнь.

3) Третья степень—мастеръ. Здѣсь предполагается зрѣлый возрастъ, приближающійся къ старости. Голосъ эгоизма и страстей потухъ и мастеръ долженъ руководить молодыхъ членовъ, а съ другой стороны онъ готовится къ концу земной жизни и къ дѣятельности, лежащей за предѣлами смерти. Проблемы личнаго безсмертія, проблемы универсальности и солидарности духовной жизни во всей вселенной — вотъ главные предметы занятій этой степени.

Какъ видитъ читатель, программа эта, покоящаяся на предпосылкахъ глубокого мистическаго познанія, очень широка и охватываетъ собою всю сумму возможныхъ дѣятельностей въ области знанія и въ области духовно-нравственной.

О мистической сторонѣ масонскаго ученія я не буду говорить въ этомъ вступительномъ очеркѣ, такъ какъ подробному и постепенному разъясненію этого вопроса посвященъ весь журналъ. Сказаннаго же пока достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о нравственномъ обликѣ и духовныхъ задачахъ, которыя ставитъ себѣ „Истинное и справедливое трехстепенное Іоанническое Масонство". Открывши эти основныя черты его характера, условимся теперь съ читателемъ для краткости называть его мистическимъ, или, спиритуальнымъ или просто Іоанническимъ Масонствомъ.

Теперь мы подходимъ довольно близко къ тому, что составляетъ отрицательныя стороны масонства. Вопреки общераспространенному мнѣнію, Масонскій Орденъ по существу своему, по идеѣ и по духу—составляетъ федеративный организмъ, въ которомъ отдѣльнымъ его территоріальнымъ частямъ, такъ называемымъ „провинціямъ", предоставляется почти неограниченная свобода въ дѣлѣ направленія работъ и развитія традицій и во внутреннемъ самоуправленіи. Съ другой стороны, неограниченная терпимость къ мнѣніямъ личности и къ выбору той или иной дороги въ изысканіяхъ ложилась и въ основу отношенія ложъ къ своимъ членамъ, и все это при одномъ только условіи: признанія и строгаго соблюденія требованій, указанныхъ выше пяти основныхъ правилъ. Это обстоятельство при-

дало большую пестроту устройству масонскихъ ложъ въ разныхъ пунктахъ земного шара и способствовало широкой разработкѣ ими самыхъ разнообразныхъ вопросовъ философіи, естественныхъ наукъ и религіи. Но, съ другой стороны, эта слишкомъ большая автономія и малая централизація отдѣльныхъ частей Ордена привели къ тому, что многія ложи стали впадать въ область вопросовъ, значительно отклоняющихся отъ духа первоначальнаго чистаго масонства.

Легкость, съ которою отдѣльные братья, пользующіеся авторитетомъ, могли направлять работу ложъ въ ту или другую сторону, повлекла за собою созданіе новыхъ дополнительныхъ системъ и „степеней", а затѣмъ отдѣльныя личности стали дѣлать небезуспѣшныя попытки обратить Орденъ въ орудіе для достиженія цѣлей чисто-политическаго характера.

При той слабой централизаціи, о которой было упомянуто, эти попытки часто имѣли успѣхъ и напр. въ XVIII вѣкѣ мы видимъ, что въ Англіи Орденъ временно подвергся жестокому гоненію за то, что одна изъ его новыхъ самочинныхъ фракцій задалась цѣлью возстановить династію Стюартовъ.

Тенденція эта съ теченіемъ времени разрасталась все болѣе и болѣе. Приходится въ обширныхъ размѣрахъ наблюдать такое явленіе: наскоро устраивается организація со внѣшнимъ масонскимъ ритуаломъ, объявляется высшею степенью—и непремѣнно старѣйшею—масонства, въ которой сокрыты самыя глубокія тайны мистическаго знанія; затѣмъ ловкимъ маневромъ этотъ самочинный союзъ вступаетъ въ связь съ общемасонскою организаціей и подъ флагомъ всего Ордена, а иногда и съ его помощью, осуществляетъ свои политическія цѣли.

Эти новыя „высокія степени" и самочинныя „системы", то вплетавшіяся въ масонство, то отпадавшія отъ него по минованіи надобности, дали широкій просторъ для предпріимчивости разныхъ честолюбцевъ и политическихъ авантюристовъ. Ко времени великой французской революціи уже ясно обнаружилось уклоненіе большей части Масонскаго Союза въ политическую дѣятельность и даже близкое участіе союза во многихъ революціонныхъ актахъ.

Мы не будемъ заниматься въ настоящей статьѣ подробнымъ разборомъ дѣйствій Ордена во время французской революціи, такъ какъ это дѣло послѣдующихъ статей въ нашемъ журналѣ; здѣсь мы ограничимся лишь констатированіемъ факта. Дальнѣйшее направленіе дѣятельности Ордена во Франціи все болѣе и болѣе клонилось въ сторону политики и, въ настоящее время, мы находимъ Великую Французскую Провинцію Ордена всецѣло погруженною въ водоворотъ политической борьбы. На нашихъ глазахъ масонство захватило во Франціи въ свои руки дѣло народнаго просвѣщенія, провело „отдѣленіе Церкви отъ государства", настояло на конфискаціи церковныхъ имуществъ, получило сильное вліяніе въ арміи.

Но, увы... Съ грустью приходится отмѣтить, что религіозность во Франціи упала, рабочій вопросъ виситъ въ странѣ страшнымъ кошмаромъ; вырожденіе націи идетъ впередъ быстрыми шагами и то и дѣло вскрываются нарывы общественнаго устройства, то въ видѣ Панамскаго процесса, то въ видѣ процесса Дрейфуса. Здѣсь масонство не исполнило своихъ великихъ завѣтовъ и не внесло свѣта нравственнаго и духовнаго развитія въ людей.

Итакъ, уклоненія отъ завѣтовъ масонства были. Были, кромѣ того, и совершенныя извращенія, и съ грустью приходится констатировать, что эти уклоненія и извращенія, въ настоящее время, количественно совершенно подавляютъ тѣ ложи, которыя остались вѣрными завѣтамъ спиритуальнаго масонства. Теперь можно все масонство раздѣлить на двѣ неравныхъ части. Первая—врядъ ли будетъ ошибкой сказать девять десятыхъ всего масонства — это фракція масонства политическаго, которая отрекшись отъ завѣтовъ мистическаго познанія, стремится къ улучшенію внѣшнихъ соціальныхъ формъ жизни, и совершенно отвергая мистическую сторону, проводитъ полный индифферентизмъ въ дѣлѣ нравственнаго и духовнаго развитія своихъ членовъ. Здѣсь мы находимъ уже не широкую взаимную терпимость въ вопросахъ религіи и нравственности, но полное равнодушіе, переходящее въ атеизмъ и доходящее до преслѣдованія всякихъ религіозныхъ убѣжденій.

Вторая—меньшая фракція—Іоанническое Трехстепенное Масонство, составляющее едва одну десятую часть, которая сохранила въ чистотѣ всѣ религіозныя, мистическія и научныя традиціи первоначальнаго масонства и которая, по существу, только и должна носить это названіе. Связь обѣихъ этихъ фракцій чисто внѣшняя и она настолько слаба, что мѣстами переходитъ въ открытый антагонизмъ и отрицаніе одною фракціею права другой называться Масонскимъ Орденомъ.

Мы, въ этомъ случаѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ становимся на сторону меньшинства, т.-е. Іоанническаго Масонства, которое сохранило всѣ лучшія спиритуальныя и мистическія традиціи.

Протестъ значительной части истиннаго масонства противъ „высокихъ степеней“ и „самочинныхъ“ пристроекъ къ орденской организаціи начались давно и порождали много ожесточенныхъ споровъ. Острота и тяжесть этихъ разногласій усугублялись въ значительной степени еще и яростными нападками и клеветами на Орденъ извнѣ, благодаря образу дѣйствій и политической дѣятельности разныхъ „высокихъ степеней“, „Великихъ Востоковъ“, „Капитуловъ“ и т. п.

Въ этой двойственности масонства, въ его раздѣленіи и заключается причина столь противорѣчивыхъ отзывовъ и отношеній къ Масонскому Союзу со стороны какъ правительствъ, такъ и част-

ныхъ лицъ. Съ одной стороны, идеальный христіанинъ, съ другой— изступленный изувѣръ, не останавливающійся даже передъ ритуальнымъ человѣческимъ жертвоприношеніемъ, кровожадный политическій авантюристъ, поклоняющійся въ глубинѣ сердца Сатанѣ и силамъ Зла — вотъ два мнѣнія о масонахъ, и средняго между ними нѣтъ!

Итакъ, причина ожесточеннаго отрицательнаго отношенія къ масонству: его извращеніе, „высокія степени“, политическая дѣятельность и разныя „басни“ о происхожденіи самочинныхъ системъ.

Намъ предстоитъ теперь трудная задача дать въ своемъ журналѣ историческій матеріалъ, который помогъ бы непредубѣжденнымъ умамъ сдѣлать надлежащую оцѣнку возвышеннымъ традиціямъ Истиннаго Трехстепеннаго Масонства, а съ другой стороны — помогъ бы разобраться въ отрицательныхъ сторонахъ политическаго масонства. Объ этомъ мы современемъ будемъ бесѣдовать съ читателями въ слѣдующихъ выпускахъ журнала „Русскій Франк-Масонъ“.

П. А. Ч—въ.

ХРОНИКА.

Въ началѣ января 1908 г. въ Москвѣ состоялся съѣздъ представителей нѣсколькихъ иногороднихъ теософическихъ кружковъ въ Россіи.

На этомъ маленькомъ съѣздѣ обсуждался вопросъ о тактикѣ теософической пропаганды въ Россіи и, кромѣ того, вопросъ о вступленіи объединенныхъ русскихъ кружковъ въ теософическій союзъ, въ качествѣ филіальнаго русскаго отдѣла этого союза. Участники съѣзда пришли къ заключенію о преждевременности такого вступленія и вообще о нежелательности подчинять теософическое движеніе въ Россіи директивамъ изъ Англіи.

Мы очень одобряемъ это рѣшеніе уже по одному тому, что въ средѣ самого Теософическаго Общества начался крупный внутренній расколъ. Мы не говоримъ объ отколовшихся американскихъ вѣтвяхъ союза, но подразумѣваемъ то крупное коренное разногласіе, которое возникло между новоизбранною предсѣдательницею Общества—г-жею Безантъ и между вице-президентомъ этого Общества, старѣйшимъ и наиболѣе уважаемымъ членомъ Общества — г. Синнетомъ. Г-нъ Синнетъ отказался быть вице-президентомъ въ Обществѣ, если оно будетъ изображать изъ себя секту, управляемую невидимыми и никому неизвѣстными начальниками-махатмами, дающими тонъ дѣятельности Общества помимо вѣдома, а можетъ быть, и помимо воли, его членовъ.

Ставить русскіе кружки въ зависимость отъ директивъ такого Общества, которое само накануиѣ крупнаго внутренняго потрясенія,—конечно, преждевременно.

Между г-жею Безантъ и г. Синнетъ въ настоящее время идетъ на столбцахъ газетъ рѣзкая обличительная полемика по поводу нѣкоторыхъ странныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ избранію г-жи Безантъ въ предсѣдатели. Переписка обострилась до такой степени, что нѣкоторые старые теософы прямо заявляютъ о необходимости отдѣлиться отъ Общества „подъ знаменемъ г. Синнета“.

Въ Варшавѣ образовался „Союзъ свободомыслящихъ“, которому, пришлось для своей легализаціи, по требованію начальства, дать торжественную формулу отреченія отъ всякаго соприкосновенія къ масонству.

И, тѣмъ не менѣе, несмотря на это отреченіе, цѣли, которыя намѣтило себѣ Общество свободомыслящихъ, чрезвычайно напоминаютъ программу дѣйствій политическаго масонства во Франціи. Пока главное, объ чемъ они намѣрены хлопотать, это—отдѣленіе церкви отъ государства и установленіе гражданскаго брака вмѣсто церковнаго.

Точно такимъ же началомъ открылась во Франціи полоса отдѣленія церкви отъ государства или, вѣрнѣе говоря, изгнанія церкви и фанатическаго гоненія на всѣхъ, кто рисковалъ публично высказывать себя христіаниномъ. Эта полоса озлобленной нетерпимости противъ христіанства еще слишкомъ свѣжа у всѣхъ на памяти, чтобы о ней много распространяться, и надо желать одного, чтобы это печальное изувѣрство не повторилось и у насъ.

Въ Парижѣ вызываетъ всеобщее удивленіе своими опытами нѣкто д-ръ Рамо Сараксъ. Опыты эти производятся имъ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей и напоминаютъ собою опыты факировъ и іоговъ. Какъ всегда, мнѣнія объ этихъ чудесахъ д-ра Саракса раздѣлились: одни въ изумленіи, другіе утверждаютъ, что все это ловкій обманъ. Лично намъ кажется подозрительною слишкомъ однообразная программа г. Саракса и слишкомъ постоянная удача. Вѣдь психическія силы не машина и постоянная программа съ постояннымъ успѣхомъ, въ этомъ дѣлѣ, можетъ внушить недовѣріе, а даже отвращеніе.

Въ непродолжительномъ времени предполагается при редакціи журнала „Ребусъ“ прочесть нѣсколько систематическихъ лекцій по вопросамъ психизма, медіумизма и по исторіи спиритизма.

Лекціи эти предполагается сдѣлать безплатными для подписчиковъ журналовъ: „Ребусъ“, „Вопросы Психизма“ и „Русскій Франк-Масонъ“.

О желаніи слушать эти лекціи слѣдуетъ заявлять въ редакцію заблаговременно.

Агасферъ.

(Мистическая трагедія).

Ф. Ліенгардта.

(Переводъ съ нѣмецкаго г-жи Л. А. Ленгольдъ).

Часть I.

(Въ одномъ дѣйствіи).

Дѣйствующія лица первой части.

Агасферъ.
Іоаннъ } его
Вероника } дѣти.
Никодимъ.

Первый }
Второй } друзья
Третій } Агасфера.

Мѣсто дѣйствія:—Іерусалимъ. Время:—день крестной смерти Христа.

Сцена изображаетъ плоскую кровлю восточнаго дома, съ которой открывается видъ на панораму Іерусалима. Вокругъ разложены цыновки для сидѣнія. У края кровли растетъ пальма. Агасферъ, статный старикъ, съ длинной бородой, полный жизни и внутренняго огня; это выражается въ его быстромъ, частомъ расхаживаніи взадъ и впередъ по кровлѣ въ нетерпѣливомъ движеніи рукъ, которыми онъ безпрестанно потираетъ одна о другую. Онъ выходитъ изъ дому на кровлю. Утренняя заря занимается.

Агасферъ (надѣвъ на себя молитвенные ремни, склоняется до земли и простираетъ руки къ небу. Іегова-Саваоѳъ! Богъ всемогущій! Тебя молю я. Ниспошли къ намъ огонь изъ пустыни, низойди къ намъ въ силѣ Твоей, зажги скалистыя вершины Моава, чтобы онѣ пылали подобно огненнымъ жертвенникамъ вокругъ святого Твоего града. Богъ Израиля! Ты обѣтовалъ народу Твоему, что онъ попретъ ногами всѣхъ язычниковъ, что онъ сокрушитъ ихъ невѣріе,

какъ левъ сокрушаетъ зубами кости; что онъ смететъ съ лица земли ихъ легіоны, какъ метла сметаетъ пыль съ кровли житницы... Нынѣ день Пасхи, Іегова-Саваоѳъ! Услышь гласъ Твоего народа въ день Твоей священной Пасхи, Господь силъ небесныхъ. Когда низвергнешь ты во прахъ это римское отродье, Ты, гнѣвно низвергнувшій въ море коней и ратниковъ Египта? Скоро ли попрешь Ты стопами живущаго среди насъ лжеучителя, соблазняющаго народъ Твой? Ты видишь: Израиль рушится, какъ сложенная изъ извести стѣна. Ты видишь: заговорщики бродятъ съ коварнымъ своимъ ученіемъ по странѣ—и ослабляютъ въ народѣ то, что было его силой—живущую въ его сердцѣ ненависть. Сокруши противящихся имени Твоему, Господь Саваоѳъ... Возврати намъ нашу великую ненависть... Даруй намъ могущество!... Даруй намъ могущество!.. Даруй намъ могущество!.. Аминь. Молчаніе. Агасферъ снимаетъ съ себя ремни, подходитъ къ краю кровли и смотритъ, держа надъ глазами руку внизъ. Онъ прислушивается, наклонивъ, словно хищный звѣрь, голову на бокъ и начинаетъ затѣмъ расхаживать по кровлѣ, волоча ноги, потирая руки и качая головой.

Агасферъ: (кричитъ, наклонясь къ ведущей внизъ лѣстницѣ). Іоаннъ! (Затѣмъ снова расхаживая по кровлѣ). Еще тьма притаилась на склонѣ Масличной горы... Уличная пыль еще не вздымается. Ни единая башня не озарена еще первыми лучами разсвѣта. (Прислушиваясь). Это собаки лаютъ на улицѣ:— а тамъ, верблюды людей пришедшихъ къ празднику Пасхи, изъ желтой пустыни—спокойно лежатъ на окраинѣ блѣднаго города, среди темныхъ шатровъ... О, Іерусалимъ—Сіонъ—градъ Давида! Превратись въ градъ мертвыхъ, говорю я тебѣ, если ты не въ силахъ пробудиться къ борьбѣ и гнѣву... О, будь у меня когти хищнаго звѣря!.. Но сегодня —нѣчто чуется въ воздухѣ... какой-то трепетъ пробѣгаетъ по немъ... (Вздрагиваетъ отъ холода, кутается въ свою одежду, надвигаетъ на лобъ головную повязку и смотритъ по направленію къ свѣтлѣющему востоку). Что я вижу—небесныя врата Іудеи окрашены кровью! Какъ тогда! Какъ тогда, въ Египетской странѣ, были окрашены кровью врата каждаго еврея!... Но Господь-Саваоѳъ—гдѣ же Твой пасхальный агнецъ? (Входитъ Іоаннъ-юноша).

Агасферъ. Іоаннъ-отрокъ мой, слушай, что я скажу тебѣ. Бѣги въ городъ—прислушайся къ тому, что тамъ говорятъ. Пойми меня... тамъ можетъ статься, что-нибудь приключилось... можетъ статься, что за эту ночь какая-либо бѣда выползла изъ своей норы...

Іоаннъ. Что же такое могло тамъ случиться?

Агасферъ. Какъ могу я это знать? Кто знаетъ о томъ, что можетъ случиться? Я лежалъ на своей постели и спалъ. Но душа

моя бродила по свѣту. Бѣги въ городъ, узнай тамъ. Ступай къ колодцамъ, къ погонщикамъ верблюдовъ, ступай на площади, лови на лету каждое несущееся по воздуху слово—и приходи опять сюда. Я—старъ; не дѣло стариковъ сновать среди суетливой толпы. Да и сонъ не освѣжилъ меня сегодня. Свѣтаетъ Смотри—смотри — какія кровавыя крылья на востокѣ .. Какой-то демонъ распростеръ ихъ... Демонъ стоитъ на окраинѣ Іерусалима... Слышишь стукъ внизу—подъ землей?...

Іоаннъ. Я слышу лишь веселый шумъ просыпающагося города—вижу прекрасный свѣтъ утренней зари.

Агасферъ. Звѣзды и метеоры падаютъ по ночамъ съ неба. Кто знаетъ, какая звѣзда упала въ эту ночь?

Іоаннъ. О чемъ говоришь ты?

Агасферъ. Можетъ-быть, сновидѣніе обмануло меня, а можетъ-быть, я и наяву слышалъ бряцаніе орудія и тяжелые шаги воинской стражи... (Останавливается, пытаясь скрыть свое торжество). Если они—если они вели въ узахъ того (поспѣшно себя прерываетъ). Ты все еще здѣсь, сынъ мой?

Іоаннъ (въ испугѣ). О комъ говоришь ты, отецъ? (хватаетъ его за руку). Повтори еще разъ это, нечаянно вырвавшееся у тебя слово... Что у тебя на душѣ?

Агасферъ. У меня?.. О комъ я говорю? О комъ могу я говорить? (Прислушивается и подводитъ его затѣмъ къ краю кровли) Протри себѣ глаза—смотри вотъ туда... (Слышенъ отдаленный гулъ голосовъ). Шумная толпа... Куда бѣжитъ она такъ рано, эта шумно голосящая толпа?

Іоаннъ (смотритъ съ тревогой внизъ). Толпа народа—да—мнѣ кажется, что они идутъ изъ дома первосвященника...

Агасферъ Отъ Каіафы?

Іоаннъ. Да—отъ Каіафы. И направляются какъ будто...

Агасферъ. Къ Пилату. (Въ дикомъ восторгѣ). Пасхѣ, Пасха, Пасха... Привѣтствую тебя, Пасха!.. Солнце Іеговы вѣнчаетъ куполъ храма... и храмъ все стоитъ еще на своемъ мѣстѣ... но тотъ, кто хотѣлъ его разрушить... (Толкаетъ къ лѣстницѣ взволнованнаго Іоанна). Къ Каіафѣ, къ Каіафѣ, къ Каіафѣ!... Скажи первосвященнику Каіафѣ: „Отецъ мой, Агасферъ, смиренный и набожный торговецъ обувью, возлюбившій храмъ и почитающій законы, шлетъ тебѣ привѣтъ, Каіафа! Отецъ мой Агасферъ весь превратился въ слухъ и спрашиваетъ тебя: въ твоихъ ли рукахъ тотъ который не любитъ храма и не почитаетъ законовъ?..“ И если Каіафа скажетъ: „Да, сынъ мой, онъ въ нашихъ рукахъ... тогда, о тогда,

пади передъ нимъ на колѣна и цѣлуй обувь на ногахъ его и скажи ему: Теперь отецъ мой Агасферъ украситъ вѣнками домъ свой и позоветъ флейтовщиковъ и музыкантовъ, потому что возрадуется душа Агасфера, возлюбившаго храмъ и почитающаго законы... Иди скорѣе—бѣги такъ, чтобы встрѣчныя собаки кидались отъ тебя во всѣ стороны и чтобы подошвы ногъ твоихъ горѣли. (Іоаннъ уходитъ въ сильномъ волненіи и глубоко вздыхая). Есть у насъ пасхальный агнецъ! (Бродитъ въ дикомъ восторгѣ по кровлѣ, потирая руки. Нѣсколько минутъ молчанія).

Входитъ Никодимъ, спокойный, пожилой человѣкъ.

Агасферъ (поспѣшно). Слышалъ ты, Никодимъ? (Внезапно прерывая свою рѣчь). Я хочу сказать, какъ рано ты пришелъ ко мнѣ на кровлю, мудрый сосѣдъ мой Никодимъ—ты, пальма міра.

Никодимъ (очень серіозно). Ты знаешь что произошло въ эту ночь

Агасферъ. Какъ могу я знать, что произошло въ эту ночь?

Никодимъ. Заговоръ вашъ приведенъ въ исполненіе.

Агасферъ. Какой заговоръ, великій книжникъ Никодимъ? Я человѣкъ, смиренно сидящій въ своемъ торговомъ домѣ и погруженный въ чтеніе книги закона, что могу я знать о какомъ-либо заговорѣ?

Никодимъ (съ негодованіемъ и презрѣніемъ). Ты присутствовалъ на ихъ тайномъ совѣщаніи—да, ты—сынъ Каина! Какъ осмѣливаешься ты лгать въ утро священнаго дня Пасхи? Глаза твои горятъ торжествомъ, зубы скрежещутъ отъ радости — о, ты, рабъ ненависти, снующій по кровлѣ своего дома, словно пантера по своему логовищу! Ты лучше, нежели кто-либо, знаешь, о комъ я говорю. Да, ты лучше, нежели кто-либо! Ты знаешь, что я говорю объ Іисусѣ Назарянинѣ?

Агасферъ (спокойно но со сдержаннымъ любопытствомъ и торжествомъ, потираетъ себѣ руки). Ты ли это, кроткій сосѣдъ мой, Никодимъ? Ты ли это, любвеобильный мужъ—лилія въ долинѣ? Ты ли способенъ такъ горячиться? Отчего хватаешься ты въ такомъ волненіи, за одежду на груди твоей?

Никодимъ (беззвучно). Въ Геѳсиманскимъ саду захватили Его.

Агасферъ. Его!.. захватили?..

Никодимъ. Другъ твой, Іуда Искаріотъ—предалъ Его...

Агасферъ. Если онъ и другъ мой, то какое мнѣ дѣло до Его предательства?..

Никодимъ (какъ бы про себя). Сіонъ, о, Сіонъ!.. Онъ стоитъ теперь передъ Пилатомъ...

Агасферъ (прислушиваясь). Онъ стоитъ передъ... Его будутъ, значитъ, судить по римскому закону?

Никодимъ. Если Его найдутъ виновнымъ...

Агасферъ (въ волненіи). Если Его найдутъ виновнымъ?.. Такъ спадай же завѣса съ устъ моихъ... Лживыя уста противны Господу и потому я прямо говорю тебѣ, Никодимъ: и ты одинъ изъ тѣхъ, которые допустили совратить себя съ пути. Слова этого мечтателя—гибель для Израиля! Знаешь ли ты, что значитъ имя Израиля? Имя Израиля—могущество! Высокія стѣны нашего золотого храма были всегда оплотомъ могущества среди языческихъ народовъ! А Онъ?—„Считайте за прахъ и за мусоръ гордое великолѣпіе этого храма" — училъ Онъ. „Молитесь не въ Іерусалимѣ и не на Гаризимѣ—живите съ легкимъ сердцемъ, подобно лиліямъ и травамъ полей; будьте беззаботны, какъ дѣти, будьте безпечными птицами". Такъ или нѣтъ—училъ Онъ? Его имя вноситъ одно лишь смущеніе. Хорошо малодушнымъ мечтателямъ спокойно сидѣть въ тѣни деревьевъ, проповѣдуя лѣнивому народу—миръ и любовь—потому что исполненіе могущественнаго закона кажется ему слишкомъ труднымъ. Отнимите у Израиля законъ—и Израиль погибъ! Проповѣдуйте любовь Израилю—и Израиль разсѣется какъ дымъ въ полѣ!—Когти пантеры ненависти—знай это—и змѣиное око лукавства—вотъ что, говорю я тебѣ, Никодимъ—вотъ что создало насъ великими и сильными, упорными и выносливыми въ борьбѣ съ этой саранчей — чужеземными врагами. А ты плохой израильтянинъ, дерзаешь говорить: „Если Его найдутъ виновнымъ".

Никодимъ (спокойно). У тебя искаженная душа, Агасферъ, и потому ты искажаешь свѣтлое ученіе этого человѣка. „Не предавайтесь житейскимъ заботамъ—вы, удрученные суетными хлопотами, говорилъ Онъ въ спокойномъ величіи.—Богъ, сосчитавшій каждый волосъ на головѣ вашей—Богъ любящій васъ, какъ Отецъ дѣтей—печется о васъ. Потому должны вы цвѣсти тихимъ и прекраснымъ цвѣтомъ, стремясь къ божественнымъ лучамъ—какъ цвѣтутъ полевыя лиліи подъ живительнымъ сіяніемъ солнца. Будьте чисты сердцемъ какъ дѣти, играющія на рукахъ своихъ матерей—и вы совершите законъ! Въ васъ—царство Божіе, въ васъ—храмъ силы; раздувайте въ себѣ пламя свѣта и дайте лучамъ его просіять по всѣмъ странамъ; идите въ путь, подобно странствующимъ свѣточамъ міра. Душа ваша никогда не можетъ угаснуть—она не угаснетъ и въ смерти. Знайте! Я пришелъ изъ предвѣчной обители Моего Отца, для того, чтобы возвѣстить вамъ объ этомъ—и снова иду туда, чтобы приготовить вамъ мѣсто. Вѣрьте мнѣ—

потому что я все это видѣлъ самъ—я пребывалъ тамъ отъ вѣка и Отецъ послалъ Меня съ этой благой вѣстью въ вашу темную обитель—Отецъ возлюбивлъ Меня и всѣхъ васъ—вѣрующихъ словамъ Моимъ". Вотъ чему училъ Онъ—Агасферъ, сынъ Каина! Видѣлъ ли ты когда-либо, какъ разверзается небо и какъ солнце бросаетъ пламенные лучи изъ-за разступившихся облаковъ—на землю? Такъ запали и полныя свѣта слова этого человѣка—въ мое сердце. Я сидѣлъ у ногъ Его,—отрѣшенный ото всего міра; я былъ подобно ему—лишь духомъ и вокругъ насъ стояли въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ—другіе духи, и лишь одинъ голосъ раздавался среди великаго безмолвія—Его голосъ! А когда Онъ кончилъ говорить—то изъ устъ тысячи духовъ прозвучали по безконечному пространству: Аминь!.. Такъ просидѣлъ я у ногъ Его отъ полуночи до утра... Никогда не забуду я этой ночи—не забуду Его голоса!

Агасферъ (холодно). Все что ты говоришь—лишь пустой звукъ для ушей моихъ—а не жизнь для души моей. И я тоже говорилъ съ Нимъ; но среди бѣлаго дня, тамъ у вратъ храма;—да, я говорилъ съ Нимъ рѣзко и при всемъ народѣ...

Никодимъ. И Онъ отвѣтилъ тебѣ среди бѣлаго дня, тамъ у вратъ храма—отвѣтилъ тебѣ рѣзко и при всемъ народѣ. Онъ далъ тебѣ такой дѣтски-ясный отвѣтъ на твой хитро задуманный вопросъ, что ты—коварный искуситель—принужденъ былъ замолчать; такой царственный отвѣтъ на твои дышавшія лукавствомъ слова, что ты и твои спутники—ушли словно прибитыя собаки... Да, Онъ рѣзко и при всемъ народѣ отвѣтилъ тебѣ!

Агасферъ (внѣ себя). Я ненавижу Его!.. Я втрое старше этого отрока!.. Я посѣдѣлъ, сидя въ синагогахъ и школахъ!.. Никодимъ, не терзай меня!.. Развѣ не пріобрѣлъ я, собственными силами, знаніе премудрости Писанія? Развѣ не сидѣлъ я въ своемъ торговомъ домѣ, погруженный въ изученіе жестокихъ загадокъ священныхъ книгъ? (Садится по восточному обычаю на цыновку). Вотъ такъ сидѣлъ я—и мои сѣдые волосы (сбрасываетъ съ головы повязку) падали мнѣ на лицо, какъ увядшія былинки съ высотъ Ливана! А люди воровали у меня, между тѣмъ, готовую обувь и ремни и наносили убытокъ моему торговому дѣлу зная, что я—Агасферъ—мыслитель... А этотъ улыбающійся человѣкъ міра, пришедшій съ языческихъ окраинъ страны дерзаетъ богохульствовать, говоря: „Я жизнь, Я—Истина!.." Я ненавижу Его! (Скрежещетъ зубами).

Никодимъ (съ презрительнымъ состраданіемъ). Книжники и фарисеи чтутъ тебя—Агасфера, ревнителя закона. Довольствуйся ихъ почитаніемъ.

Агасферъ (встаетъ, надѣвая на голову повязку). Да—слова твои надобны драгоцѣннымъ каменьямъ; да—книжники...

(Входитъ глубоко потрясенный Іоаннъ, за нимъ его также взволнованная сестра Вероника).

Іоаннъ. Отецъ!.. Позоръ и стыдъ всѣмъ вамъ!.. О!.. (Падаетъ на полъ).

Вероника. Ты здѣсь стоишь и говоришь пустыя слова, Никодимъ! Отчего ты не въ Синедріонѣ? Отчего не стараешься спасти Святѣйшаго изъ Святыхъ? Вѣдь они тамъ судятъ Посла небесъ; приговариваютъ къ смерти Сына Бога живаго! Боже, о Боже — не допусти до этого! (Опускается рядомъ съ братомъ на полъ, закрывъ лицо покрываломъ).

Агасферъ (съ удивленіемъ). Видишь, что дѣлаютъ эти дѣти, Никодимъ? Кого оплакиваетъ это невѣрное отродье?.. Іоаннъ, я посылалъ тебя къ Каіафѣ?

Іоаннъ (громко ломая руки). Голгоѳа!

Агасферъ (вздрагивая, глядитъ направо; медленно проводитъ руками сверху внизъ, по своей одеждѣ и тихо говоритъ Никодиму). Ты слышалъ, Никодимъ? (Никодимъ закрываетъ лицо плащомъ и молча уходитъ. Молчаніе. Агасферъ ходитъ взадъ и впередъ по кровлѣ).

Агасферъ (расхаживая, качая головой, видимо изумленный и испуганный). Я смиренный человѣкъ, любящій тишину дома своего и не терпящій уличнаго шума — какое мнѣ дѣло до ихъ совѣта?.. Они приговорили Его къ кресту — что же? Я склоняю голову и молчу... Это тяжело... но на то законъ... Я жалѣю Его тѣло, но не Его душу... Но я смотрю на васъ... Вставайте. (Они встаютъ, прижимаясь другъ къ другу). Я говорилъ вамъ—строго запрещалъ вамъ, какъ отецъ вашъ—посѣщать тѣ сборища—ходить къ Нему. Повиновались вы словамъ моимъ?

Іоаннъ. Да, отецъ... но...

Агасферъ. Да будетъ за то на васъ мое благословеніе... Въ выраженіи устъ твоихъ—однако что-то таится... но говоришь ты?

Іоаннъ. Служанка, которую исцѣлилъ Учитель...

Агасферъ. Ну—и что же?

Іоаннъ. Она разсказала намъ о Немъ... Мы стали Его послѣдователями...

Агасферъ (пораженный, но стараясь говорить спокойно). Вы стали—какія, однако, радостныя слова слышу я на кровлѣ своего дома!.. Вы стали Его послѣдователями... Мои дѣти... Дѣти Агасфера стали Его послѣдователями! (Внѣ себя отъ негодованія, бросается на прижавшихся другъ къ другу дѣтей, замахиваясь на нихъ кулаками, но внезапно

сдерживается, тяжело переводя дыханіе). Я долженъ былъ бы... сбросить васъ туда... въ толпу грѣшниковъ, которые пройдутъ сейчасъ, мимо насъ—долженъ былъ бы—раздробить вамъ головы... раздробить головы передъ лицомъ Того, Кого поведутъ сейчасъ на Голгоѳу...

Іоаннъ (спокойно). Отецъ — взгляни на меня и взгляни на Веронику. Мы стоимъ спокойно, хотя душа наша разрывается отъ невыразимой скорби. Поступай съ нами согласно волѣ твоей—мы никогда не отречемся отъ человѣка, въ которомъ мы признали свѣтъ міра!

Агасферъ (не находя сначала словъ, говоритъ наконецъ). И вы называете себя еще іудеями? Въ вашихъ презрѣнныхъ сердцахъ сохранилась еще капля крови Маккавеевъ?.. Дѣти мои стали Его послѣдователями!.. Но нѣтъ—нѣтъ... Жестокое слово возбуждаетъ въ душѣ горечь—но кроткое возраженіе усмиряетъ гнѣвъ... Я говорю вѣдь съ незрѣлыми дѣтьми съ неразумными, малыми существами, съ выпавшими изъ гнѣзда—птенцами... Поди сюда, Іоаннъ—подойди ко мнѣ, Вероника—вы вѣдь моя плоть и кровь—не бойтесь... Дѣти мои, развѣ не учили васъ въ школѣ, развѣ не говорила вамъ текущая въ вашихъ жилахъ кровь отцовъ вашихъ. О томъ какъ мы истребили всѣхъ Ханаанскихъ язычниковъ руками Іисуса Навина, Гедеона и Самсона? О томъ какъ пѣла Деввора свою, дышавшую кровью страшную пѣснь ненависти,—о томъ какъ Уапиъ вонзила колъ изъ шатра въ високъ вождя Сиссерры—какъ Ісаія громилъ грознымъ словомъ Ассура?—Развѣ вы не плакали вмѣстѣ съ плѣненными отцами нашими, сидя подъ ивами у рѣкъ Вавилонскихъ, развѣ не осталось болѣе слѣда этой ненависти и скорби—въ крови вашей? Неужели Галилеянка—мать ваша—ввела ублюдковъ въ домъ мой? Неужели злѣйшій врагъ выросъ изъ собственныхъ нѣдръ моихъ? (Плачетъ). Горѣ мнѣ, дѣти мои! Если такъ—то я васъ потерялъ!.. Вы накинулись на меня изъ засады, впиваясь когтями въ тѣло мое; вы—вы разбили мое сердце и мою душу, пока я боролся съ тѣмъ человѣкомъ... (Садится плача, на цыновку). О горе мнѣ, дѣти мои—вы сводите меня въ могилу—горе мнѣ—горе мнѣ!

Входятъ трое друзей Агасфера, знатные Израильтяне; они веселы, въ праздничныхъ одеждахъ, съ вѣтвями пальмъ въ рукахъ. Въ это время слышны приближающіеся крики народа и однообразные звуки музыки. Іоаннъ и Вероника вздрагиваютъ отъ ужаса.

Агасферъ (встаетъ не замѣчая гостей).

Первый другъ. Агасферъ—сейчасъ проведутъ мимо твоего дома, Пасхальнаго агнца. Почему же домъ твой не разукрашенъ? Мы взяли съ собой пальмовыя вѣтви, чтобы навѣвать ими прохладу Сыну Божію. Ха, ха, ха!

Второй (подходя къ краю кровли). Какое шествіе! Какую оно вздымаетъ пыль! Оно тянется до краю свѣта... Ничего подобнаго не видалъ еще Іерусалимъ. Подите сюда, мы будемъ кричать: Осанна, Сыну Давидову! (Смѣется).

Агасферъ (мрачно). Друзья мои! Ваше посѣщеніе честь для моего дома. Но сегодня я неохотно вижу друзей моихъ на моей кровлѣ. Мой домъ не долженъ быть оскверненъ и опошленъ издѣвательствомъ надъ Богоотступникомъ, осужденнымъ нашимъ святымъ закономъ. (Обращаясь къ дѣтямъ). А вы, ступайте внизъ, къ себѣ. Я не хочу смотрѣть на это ненужное позорище.

Первый другъ (съ удивленіемъ). И это говоритъ Агасферъ?

Третій другъ (старикъ). Агасферъ правъ. Я смотрю на небо и вижу, что небо этого пасхальнаго дня полно странныхъ предзнаменованій! (Темнѣетъ). Дивныя письмена начертаны на этомъ небѣ. „Мене, Текель“ стоитъ на стѣнѣ небосклона.

Второй другъ. Неужели мы не имѣемъ права пѣть: „Аллилуіа“ послѣ выигранной битвы?

Агасферъ. А ты увѣренъ въ томъ, безумецъ, что битва выиграна? (Общее изумленіе). Вы распинаете тѣло этого галилеянина—вы, трижды ослѣпленные рабы безумія. Но оглянитесь—духъ Его живъ среди васъ! Посмотрите на этихъ дѣтей, посмотрите на Никодима, загляните въ души десятитысячной толпы прибывшихъ на праздникъ—странниковъ, они унесутъ съ собой слова Его и разсѣютъ ихъ по всему міру! Горе вамъ—и горе мнѣ! Духъ Его—мы распять не можемъ! (Слышны все ближе крики народа и шумъ многолюднаго шествія).

Первый другъ. Понимаете вы, что говоритъ Агасферъ? Они идутъ! Осанна! Гдѣ же, гдѣ Онъ?—А, вотъ тамъ, въ серединѣ толпы видите—вонъ тамъ.—(Оба смѣясь, машутъ вѣтвями).

Третій другъ (серіозно). Утѣшьте меня, стараго человѣка, и опустите ваши вѣтви. Подумайте о мученической смерти Его, подъ знойнымъ солнцемъ Голгоѳы! (Вдали сверкаетъ молнія.) О—говорю вамъ—на небѣ являются знаменія!..

Первый другъ. Онъ падаетъ! Смотрите! Онъ падаетъ подъ тяжестью креста!.. Вотъ тутъ—у дверей твоего дома, Агасферъ! (Крики раздаются вблизи; съ высоты кровли видны острія копій и верхушки пальмовыхъ вѣтвей).

Второй другъ (хватая за руку расхаживающаго по кровлѣ Агасфера). Агасферъ, смотри, какое предзнаменованіе! Смотри—Кто лежитъ на твоемъ порогѣ! Бѣги сюда—смотри, Кто лежитъ, распростертый подъ бременемъ своего креста, на порогѣ твоего дома!

Агасферъ (быстро подбѣжавъ къ краю кровли, опирается о перила и кричитъ внѣ себя). Га! Ты лежишь на моемъ порогѣ, Сынъ Давида! Народъ Іерусалимскій! Не есть ли это знаменіе свыше? Вы смѣялись, когда этотъ человѣкъ издѣвался надо мной, въ преддверіи храма—а теперь?..

Вероника (стоявшая въ сторонѣ рядомъ съ братомъ, вырывается въ волненіи изъ рукъ его). Что бы они со мной ни сдѣлали...

Іоаннъ. Они закидаютъ тебя камнями!

Вероника (бѣжитъ на край кровли, оттолкнувъ отца). Юноши Іерусалима! Стыдъ вамъ! Стыдъ, стыдъ, что никто изъ васъ не поможетъ нести крестъ этому праведнику! (Крики народа). Кричите, кричите—я иду сама! (Срываетъ съ головы покрывало, волосы ея развѣваются по вѣтру). Я отру, по крайней мѣрѣ, лицо Его моимъ покрываломъ... (Хочетъ бѣжать внизъ).

Іоаннъ } въ одно Они побьютъ тебя камнями!
Агасферъ } время. Ты здѣсь останешься!

Второй другъ. Что за духъ возмущенія и непокорности поселился въ твоемъ домѣ, Агасферъ?

Вероника. Пусть меня побьютъ! О, мой Господь и Спаситель! (Убѣгаетъ внизъ).

Агасферъ (бѣжитъ за ней). Ты здѣсь останешься! (Останавливается въ дикомъ бѣшенствѣ.)

Первый другъ (хватая его за руку). Что за грѣховные голоса раздаются въ твоемъ домѣ?

Второй (беретъ его за другую руку). Твои ли это плоды, Агасферъ?

Агасферъ (внѣ себя). Судите о моемъ домѣ, по тому, что я говорю, а не по тому, что дѣлаетъ это незрѣлое, забывшее Бога, отродье. Слушайте меня! (Бѣжитъ на край кровли). Равви Галилейскій! Вотъ тамъ, стоитъ храмъ—и солнце вѣнчаетъ его, изъ-за грозныхъ тучъ, золотымъ вѣнцомъ... Что, разрушилъ Ты его, учитель Галилейскій? (Выпрямляясь). Равви Галилейскій! Смотри, я стою здѣсь передъ Тобой—а Ты, покрытый пылью, пòтомъ и кровью, лежишь распростертый на моемъ порогѣ. (Внезапно отшатывается назадъ, несвязно бормоча.) Ты... лежишь... здѣсь...

Первый другъ. Позови же сюда дочь твою, Веронику, Агасферъ! Да разразится чума и проказа надъ домомъ твоимъ! Дочь твоя, Вероника, отираетъ Ему лицо и зоветъ богоотступника Си-

мона; она заставляетъ его нести крестъ и Симонъ Киринейскій несетъ его.

Второй другъ. А она преклоняетъ колѣна и цѣлуетъ одежду Галилеянина, Агасферъ.

Іоаннъ (кричитъ внизъ). Ты хорошо поступила, мужественная сестра моя! Учитель помяни и меня, когда придешь въ царство Твое!

Первый другъ. Или ты окаменѣлъ, Агасферъ?

Второй. Или ты не видишь, что дѣлаетъ дочь твоя, не слышишь, что говоритъ сынъ твой?

Агасферъ (шествіе удаляется и шумъ стихаетъ). Этотъ человѣкъ взглянулъ на меня!.. Въ ту минуту, какъ дочь моя приподняла Его изъ-подъ обрушившейся на Него перекладины креста— Онъ взглянулъ вверхъ—на меня!.. О!.. (Закрываетъ лицо руками).

Третій другъ (внушительно и дрожа отъ волненія). О, друзья мои! Тяжкая, тяжкая бѣда обрушится на насъ! Ваши пальмовыя вѣтви не развѣютъ тяжело надвигающагося на насъ мрака ночи... (Молнія.) И народъ не осмѣливается уже болѣе издѣваться и идетъ пристыженный къ мѣсту казни... А многіе возвращаются уже назадъ. Мнѣ страшно за Израиля! Вернется въ дома наши. (Друзья сердито бросаютъ вѣтви, качаютъ въ недоумѣніи головами и уходятъ).

Агасферъ (открываетъ глаза, тихо озираясь вокругъ, затѣмъ снова закрываетъ ихъ, ощупывая рукой дорогу). Іоаннъ, отрокъ мой, Іоаннъ подойди поближе къ отцу твоему, ты видишь, отецъ твой, безпомощный старецъ!.. (Беретъ Іоанна за руку). Какъ здѣсь душно, пусто и тихо... словно Іерусалимъ преобразился въ городъ мертвыхъ... (Становится все темнѣе, вдали слышенъ громъ и сверкаетъ молнія). Я слышу глухой рокотъ подъ землею... (Вздрагивая). Демоны принялись за работу... Сатана вырывается на волю... Увы!.. Чей это голосъ плачетъ среди великаго безмолвія?

Іоаннъ. Вероника сидитъ въ своей горницѣ и плачетъ.

Агасферъ (немного громче). Поди сюда, ко мнѣ, скорбный голосъ жалобы, поди сюда, Вероника! (Стоитъ все еще закрывъ глаза рукой и прислонясь къ Іоанну.)

(Входитъ Вероника, держа въ опущенной рукѣ покрывало).

Агасферъ. О, дѣти мои! Ваша измѣна и взоръ того Человѣк, и Никодимъ, и такъ много, много вѣроотступниковъ среди этого длиннаго шествія, все это, видите ли, превратило меня въ безсильнаго старца, превратило меня въ него въ единый, короткій часъ!.. Зачѣмъ покрыли вы меня такимъ позоромъ передъ лицомъ всего народа? Горе и гибель постигнутъ всѣхъ насъ.

Вероника (съ горестно-величавымъ спокойствіемъ). Отецъ, пусть постигнетъ насъ все, что Господь ниспошлетъ намъ на долю! Ни-

какое горе въ мірѣ не превзойдетъ печали этого дня. Знай, мы оба возлюбили этого Праведника, пригвождаемаго ими ко кресту, подобно злодѣю, возлюбили Его, какъ нашу душу, какъ самого Бога! Потому оказала я Ему эту услугу. Въ этомъ покрывалѣ несу я святую кровь главы Его! (Громъ и молнія). О, вы, быстро пробѣгающія грозы, вы, тревожно пролетающія по темному небу молніи— вы опоздали. Свѣточъ земли этой угасаетъ! Святѣйшее изъ существъ—умираетъ! (Плачетъ.) Отецъ мой, если бы ты зналъ, какого Царя ты оскорблялъ? О, и этого Царя царей, какъ они Его измучили, какъ они исказили Его образъ!.. (Быстро развертываетъ покрывало; на немъ видно кровавое изображеніе „Христа на убрусѣ Св. Вероники").

Агасферъ (вскрикиваетъ, отстраняя его руками). Спрячь, спрячь это изображеніе! (Громъ и молнія). Небесные всадники, ослѣпите меня вашимъ пламенемъ, чтобы я не могъ видѣть этого пламени, этого... Убери это покрывало!

(Входитъ Никодимъ; голосъ его громко раздается среди бури).

Никодимъ. Слышали вы, что говорятъ о Іудѣ Искаріотѣ?

Агасферъ (перекрикивая шумъ вѣтра и бури). Я не хочу слышать того, что говорятъ о Іудѣ Искаріотѣ! Уходи, вернись въ непорочный домъ твой, Никодимъ! Потому что земля рушится и мой домъ будетъ первый сраженъ стрѣлою молніи!

Никодимъ (громко). Іуда Искаріотъ повѣсился...

Агасферъ. Іуда Искаріотъ трусъ! Да, Іуда Искаріотъ трусъ, да, аминь, говорю я! И меня предалъ Іуда, покинувъ меня одного среди борьбы; онъ, этотъ Авессаломъ, эта подлая собака! Онъ долженъ былъ оставаться на этой мятежной землѣ, пока мы не завоюемъ себѣ на ней могущества, могущества, обѣтованнаго намъ Богомъ Саваоѳомъ. Но меня вамъ не побороть! Взгляните на меня, я уже не Агасферъ, я—демонъ! Смотрите, я поднимаюсь высоко, наподобіе башни шествую надъ землей и надъ водами! Я взберусь высоко, на вашу Голгоѳу, и еще выше, слышите вы, сыны свѣта? Сотките себѣ одежду изъ лучей солнца, вступайте въ борьбу за эту звѣзду скорби, пытайтесь завоевать ее снова, для свѣта... Я же... я отыщу себѣ вертепъ въ горахъ Ливана, я стану копаться въ нѣдрахъ земли, во прахѣ и въ песчаныхъ глыбахъ, среди ночи и тьмы, среди червей и жабъ, пока я не вырвусь оттуда, держа въ когтяхъ весь земной шаръ, какъ обѣщалъ намъ это Богъ Израиля, да, пока весь міръ не будетъ *моимъ*... Моимъ! Слышите вы это, демоны въ воздушномъ пространствѣ? И пусть проходятъ тысячи тысячелѣтій, я хочу жить, пока не пріобрѣту себѣ собственной

силой могущество, могущество, могущество! (Поднимаетъ руку къ небу, клятвенно слагая пальцы. Громъ и молнія). Аминь, Іегова Са́ваоѳъ, аминь!.. (Убѣгаетъ).

Никодимъ (становится между потрясенными дѣтьми, беретъ ихъ за руки). Ужасный этотъ день сразилъ его. (Гроза понемногу стихаетъ). Дайте мнѣ ваши руки, дѣти... Этотъ демонъ—уже не отецъ вашъ... Богъ приведетъ къ надлежащей цѣли его безумные замыслы, мы же тутъ безсильны... Я пойду теперь на Голгоѳу; я хочу вглядѣться въ неисчерпаемую глубину очей этого Пришельца, пока душа Его не переселится въ ту страну, изъ которой Онъ пришелъ. Я хочу исповѣдывать передъ всѣмъ народомъ то, что въ Немъ явилось спасеніе всему міру! Затѣмъ я покину этотъ городъ демоновъ и пойду къ жилищамъ людей... И если я научусь быть—хоть въ самой малой мѣрѣ—благимъ и великимъ, какъ Онъ, нашъ Господь и Учитель, то я стану трудиться среди людей, какъ трудятся садовникъ—среди своего вертограда, пастырь—среди своего стада. Да благословитъ Богъ трудъ мой!.. Идете ли вы со мною, дѣти?

Іоаннъ и Вероника. Мы идемъ съ тобою, Никодимъ! (Уходятъ).

Конецъ 1-ой части.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

По поводу статьи „Голосъ Безмолвія“.

Помѣщая въ этомъ номерѣ статью нашей талантливой соотечественницы, нынѣ умершей, Е. П. Блавацкой, основательницы Теософическаго Общества, мы должны предупредить читателя, что это свое произведеніе, какъ и многія другія, покойная Е. П. выдавала за интуитивное воспроизведеніе древней индусской мудрости, переданной ей изъ храмовъ Цейлона, при совершенно особыхъ условіяхъ. Однако извѣстный оріенталистъ и санскритологъ, знаменитый ученый М. Миллеръ—совершенно отказывается видѣть въ этомъ произведеніи древнюю индусскую мудрость. По его мнѣнію „Голосъ Безмолвія“ — не что иное, какъ пересказъ концепцій знаменитаго мистика Якова Бёме, въ терминахъ индуизма и не древняго, а современнаго.

Мы не предъявляли къ этой вещи строгихъ требованій исторической критики и признали ее просто изящнымъ произведеніемъ возвышенно настроеннаго ума высокоталантливой женщины. Предлагаемъ и нашимъ читателямъ брать содержимое книги съ этой же стороны, откладывая въ сторону слухи объ ея происхожденіи, которые легко могутъ оказаться миѳическими.

Продолжёніемъ „Голоса Безмолвія“ будетъ „Два Пути“ и „Семь Порталовъ“, которые пойдутъ въ слѣдующихъ номерахъ журнала.

Хотя мы и не считаемъ нашъ переводъ очень удачнымъ въ отношеніи стиля, но думаемъ, что онъ нѣсколько полнѣе и точнѣе другихъ переводовъ этой вещи.

Еще два слова нашимъ читателямъ: „Франк-Масонъ“—органъ свободной мысли; поэтому не всѣ статьи слѣдуетъ считать за выраженіе вѣрованій редакціи; въ данномъ случаѣ послѣдняя, помѣщая статью „Голосъ Безмолвія“, считаетъ нужнымъ оговориться, что эта статья, въ своихъ предпосылкахъ противоположна духу христіанскаго гностицизма, и мнѣнія редакціи ни въ коемъ случаѣ не выражаетъ.

Относительно возникновенія и исторіи Теософическаго Общества, а также и о личности самой г. Бливацкой, мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи. По этому вопросу въ портфелѣ редакціи имѣется достаточный матеріалъ.

Редакція.

Голосъ Безмолвія.

Изъ „книги золотыхъ правилъ“

Е. П. Блавацкой.

ОТРЫВОКЪ I.

Эти наставленія предлагаются тѣмъ, которые не слыхали объ опасностяхъ низшихъ „Иддхи“ *).

Тотъ, кто хочетъ слышать голосъ Нады—„Беззвучный звукъ“ **), и понять его, долженъ научиться Дхаранѣ ***).

Сдѣлавшись равнодушнымъ къ предметамъ внѣшняго чувственнаго міра, ученикъ долженъ искать Владыку своихъ чувствъ, того, который производитъ мысль, того, который производитъ иллюзію.

Умъ — великій убійца реальнаго. Пусть ученикъ убьетъ убійцу, и тогда его собственный образъ предстанетъ передъ нимъ какъ не-реальное, подобно тому, какъ при пробужденіи становятся для насъ не-реальными образы, видѣнные во снѣ.

Когда, переставъ воспринимать звуки множества, онъ станетъ различать только одинъ звукъ внутренній, звукъ единства, убивающій всѣ внѣшніе звуки—тогда только, но не раньше, покинетъ оно область Асата (Asat)—ложнаго, чтобы перейти въ царство Сата (Sat)—истиннаго. Прежде чѣмъ душа будетъ въ состояніи видѣть,

---

*) Иддхи — idhhi на нарѣчіи Пали то же, что санскритское Сиддхи — siddhi — обозначаетъ психическія способности, сверхнормальныя силы въ человѣкѣ. Есть два рода Сиддхи: одна группа обнимаетъ низшія, грубыя психическія силы, другая подразумѣваетъ высшее развитіе духовныхъ силъ. Кришна говоритъ въ Бхагаватъ (Гитѣ) „Тотъ, кто занятъ достиженіемъ Іоги, кто укротилъ чувства и сосредоточилъ умъ на мнѣ (Кришнѣ), тотъ имѣетъ въ своемъ услуженіи всѣ Сиддхи.

**) Нада — санскритское слово, соотвѣтствующее выраженію „Голосъ Безмолвія“.

***) Дхарана — глубокая и совершенная сосредоточенность ума надъ какимъ-нибудь внутреннимъ объектомъ, сопровождаемая полною отчужденностью ото всего, что относится къ внѣшнему чувственному міру.

внутренняя гармонія должна быть достигнута, а тѣлесныя очи сдѣлаться слѣпыми ко всякой иллюзіи.

Прежде чѣмъ душа будетъ въ состояніи слышать, человѣкъ долженъ стать глухимъ какъ къ реву, такъ и къ шепоту, какъ къ завыванію ревущихъ слоновъ, такъ и къ серебристому жужжанію золотаго свѣтляка.

Прежде чѣмъ душа сдѣлается въ состояніи понять и запомнить, она должна слиться со своимъ молчаливымъ глашатаемъ, слиться такъ же, какъ была слита съ умомъ гончара та форма, по которой онъ вылѣпилъ глину.

Тогда душа услышитъ и запомнитъ. И тогда внутреннему слуху будетъ говорить Голосъ Безмолвія и скажетъ: „Если твоя душа улыбается, купаясь въ солнечномъ свѣтѣ твоей жизни, если твоя душа поетъ въ своей оболочкѣ изъ плоти и матеріи; если твоя душа плачетъ въ своемъ замкѣ, построенномъ иллюзіею; если твоя душа старается порвать серебряную нить, связывающую ее съ Учителемъ *), то—знай, о, ученикъ,—твоя душа принадлежитъ землѣ.

Когда къ тревогамъ міра прислушивается твоя душа **), когда на громкій голосъ великой иллюзіи ***) она откликается, когда видъ горькихъ слезъ страданія приводитъ твою душу въ трепетъ, когда оглушенная криками отчаянія, она, какъ робкая черепаха, укрывается въ свою скорлупку о т д ѣ л ь н а г о б ы т і я,—тогда, знай, о, ученикъ: своего безмолвнаго Бога, твоя душа есть недостойный алтарь.

Когда, окрѣпнувъ, твоя душа незамѣтно выходитъ изъ своего вѣрнаго убѣжища, и, разрушивъ охраняющій ее ковчегъ, серебристой нитью устремляется впередъ и когда, завидя свое изображеніе въ волнахъ пространства, она шепчетъ „это я“, тогда знай, о, ученикъ: твоя душа попалась въ тенета заблужденія ****). Эта земля, ученикъ, есть чертогъ скорби, гдѣ вдоль пути жестокихъ испытаній разставлены сѣти, чтобъ уловить твое Я (Ego) посредствомъ обольщенія, имя которому—„Великая Ересь“ *****).

---

*) „Великій Учитель“—терминъ, употребляемый учениками для обозначенія высшаго Я; это то же, что Ади-Буддха (Adi Budha) у буддійскихъ оккультистовъ, Атма (Atma)—высшее Я у брамановъ, Христосъ у древнихъ гностиковъ.

**) Душа употреблена здѣсь въ смыслѣ высшаго Манаса (Manas)—человѣческаго Я.

***) Маха, Майя (Maha, Maya)—объективный міръ.

****) Саккайядиттхи (Sakkhayaditthi)—иллюзія личнаго бытія.

*****) Аттавада (Atthavada)—ересь, состоящая въ вѣрованіи въ личную душу, или, вѣрнѣе, въ отдѣленность человѣческой души (Я—ego) отъ единой міровой безконечной души.

Эта земля, о, невѣрующій ученикъ, есть лишь только мрачное преддверіе, ведущее къ сумеркамъ, къ тому полусвѣту, который разстилается передъ долиною Истиннаго Свѣта; его безсильна потушить буря, и онъ горитъ безъ свѣтильни и масла. Говоритъ великій законъ: для того, чтобы познать Атманьяни *), ты долженъ прежде сдѣлаться Таттніяни **). Но, чтобы достичь этого знанія (знанія Ego), ты долженъ погрузить свое Я въ Не-Я, отдать Бытіе небытію, и только тогда ты можешь отдыхать между крыльями великой птицы. Воистину—сладокъ отдыхъ между крыльями Того, кто не родился и кто не умираетъ и кто есть Аумъ на вѣчныя времена ***). Откажись отъ жизни, если хочешь жить (т.-е. отдай жизнь физической личности, если хочешь жить въ Духѣ).

Три чертога, о, усталый странникъ, приведутъ къ концу труднаго пути. Три чертога, о, побѣдитель Мары, проведутъ тебя черезъ три состоянія къ четвертому, три состоянія сознательности: бодрственное, сонъ, грезы и глубокій сонъ они ведутъ къ четвертому — состоянію высокой духовной сознательности, а отсюда къ семи мірамъ—мірамъ вѣчнаго покоя.

Если ты хочешь узнать ихъ названія: это слушай и запомни.

Названіе первому чертогу **Незнаніе** — Авидія (Avidia), это чертогъ въ которомъ ты увидѣлъ свѣтъ, въ которомъ ты живешь и умрешь—міръ чувствъ и земной сознательности.

Второй это—чертогъ **Познаніе** ****) Въ немъ твоя душа найдетъ цвѣты жизни, но подъ каждымъ цвѣткомъ свернулась змѣя.

Названіе третьяго чертога—**Мудрость**, за нимъ простираются безбрежныя воды Аксхара (Akshara)—неразрушимый источникъ всевѣдѣнія (міръ полной духовной сознательности).

Если ты хочешь пройти благополучно черезъ первый чертогъ, то пусть твоя душа не принимаетъ горящаго въ немъ огня страстей за солнечный свѣтъ жизни.

Если ты хочешь пройти благополучно и второй—не останавливайся около одуряющихъ цвѣтовъ, растущихъ въ немъ и не вдыхай въ себя ихъ благоуханія. Если хочешь освободиться отъ цѣ-

---

*) Атманьяни знающій Атму—великую міровую душу.

**) Таттваніяни тотъ, кто знаетъ и можетъ различать начала природы и человѣка.

***) Птица или лебедь кала=ханса (Aum), Брама внѣ времени и пространства. Ригъ-(Веда говоритъ: Іогъ, осѣдлавшій Хансу, свободенъ отъ вліянія кармы).

****) Міръ психическій сверхчувственныхъ воспріятій и обманчивыхъ видѣній.

ней кармы, то не ищи руководителей (Гуру) въ этой призрачной странѣ, наполненной иллюзiями и обманами Майи.

Мудрые не пребываютъ въ области чувственныхъ наслажденiй.

Мудрые не внимаютъ сладкимъ голосамъ иллюзiй.

Того, кто долженъ принести тебѣ возрожденiе *), ищи въ чертогѣ мудрости, — чертогѣ, находящемся дальше, въ которомъ неизвѣстны никакiя тѣни и гдѣ свѣтъ истины сiяетъ въ неувядающей славѣ.

Несотворенное пребываетъ, о, ученикъ, и въ тебѣ, такъ же какъ и въ чертогѣ мудрости; и если ты достигнешь его и соединишь оба свѣта воедино, ты прежде долженъ сбросить съ себя темные покровы иллюзiй. Затуши голосъ тѣла и изгоняй изъ себя чувственные образы, дабы они не становились между твоимъ свѣтомъ и свѣтомъ мудрости, чтобы оба они слились воедино. Когда же ты познаешь собственную Аньяну—незнанiе (Agnyana) **) бѣги изъ чертога познанiя, чертогъ этотъ опасенъ въ своей коварной красотѣ и нуженъ былъ лишь для искуса твоего. Берегись, лэну (ученикъ), чтобы ослѣпленная его обманчивымъ сiянiемъ душа твоя не замѣшкалась въ этомъ чертогѣ и не попалась бы во власть его обманчиваго свѣта.

Этотъ свѣтъ сiяетъ изъ драгоцѣннаго камня великаго искусителя Мары *). Чувства онъ околдовываетъ, ослѣпляетъ онъ умъ и приводитъ неосторожнаго къ крушенiю. Мотылекъ, привлеченный пламенемъ твоего ночника, ослѣпляющимъ его—обреченъ на погибель въ вязкомъ маслѣ твоей лампады; такъ и безпечная душа, не вступившая въ борьбу съ насмѣшливымъ демономъ иллюзiй, вернется на землю рабою Мары.

Посмотри на толпы душъ; видишь, какъ онѣ носятся надъ бурнымъ моремъ человѣческой жизни, какъ изнеможенныя, истекающiя кровью, съ поломанными крыльями, онѣ, одна за другой, погружаются въ вздымающiяся волны моря. Кидаемыя во всѣ стороны

---

*) Посвященный, который ведетъ ученика къ постепенному изученiю всего извѣстнаго ему и къ его духовному или второму рожденiю, называется отцомъ или учителемъ—Гуру.

**) Agnyana—незнанiе; противоположное Gnyana—знанiе.

***) Мара—Mara—демонъ; въ сущности, въ эзотерическомъ ученiи онъ олицетворяетъ собою искушенiя, проистекающiя изъ человѣческихъ пороковъ; буквальный переводъ слова Mara означаетъ „то, что убиваетъ душу“; Мара изображается въ видѣ царя, въ коронѣ котораго сiяетъ камень такого невыносимаго блеска, что ослѣпляетъ тѣхъ, кто смотритъ на него; этотъ блескъ означаетъ, конечно, очарованiе, оказываемое порокомъ на человѣческую натуру.

бурями, гонимыя вѣтромъ, онѣ сносятся въ пучины и исчезаютъ въ первомъ большомъ водоворотѣ.

Если ты пройдешь черезъ чертогъ мудрости и хочешь достичь долины блаженства, ученикъ, крѣпко закрой свои чувства отъ великой, ужасной ереси „Раздѣльности", которая отдаляетъ тебя отъ единаго цѣлаго.

Не дозволь твоему небесно-рожденному погрузиться въ море Майи, порвать съ Породившимъ всѣ міры; но пусть огненная сила скроется въ сокровеннѣйшій покой твоего сердца (Brahma-pura), во вмѣстилище матери міра (огненная сила, матерь міра, Кундалини (Kundalini)—все это названія одной изъ мистическихъ силъ Іога *).

Тогда изъ сердца твоего сила подымется въ шестое, срединное царство, между очей твоихъ и она станетъ дыханіемъ Единой Души, голосомъ, который все наполняетъ, голосомъ твоего Учителя. Только тогда ты можешь сдѣлаться „странникомъ небесъ" **).

Прежде чѣмъ ты поставишь ногу на ступень лѣстницы, ведущей вверхъ по лѣстницѣ мистическихъ звуковъ, ты долженъ услышать голосъ своего внутренняго Бога, въ семи различныхъ степеняхъ.

Первая — подобна сладкому голосу соловья, поющему пѣснь прощанья своей подругѣ.

Вторая — какъ звукъ серебрянаго кимвала дхіановъ (Dhiānis—неземные духи), будящій мерцающія звѣзды.

Слѣдующая — какъ мелодичная жалоба духа—океана, заключеннаго въ своей оболочкѣ.

Четвертая — какъ бы пѣснь вины (индійскій струнный инструментъ въ родѣ лютни).

Пятая — прозвенитъ въ твоемъ ухѣ, какъ звукъ бамбуковой флейты; затѣмъ перейдетъ въ трубный звукъ.

И — послѣдній звукъ — дрожитъ, какъ глухой рокотъ громовой тучи. Онъ поглощаетъ всѣ другіе звуки; они замираютъ и тогда ихъ болѣе не слышно.

Когда шестеро (шесть принциповъ или началъ человѣка) убиты и положены къ ногамъ Учителя, тогда ученикъ погруженъ во Единое, самъ становится этимъ Единымъ и живетъ въ Немъ. Прежде

---

*) Это—„Будда", разсматриваемый какъ пассивное, перешедшее въ активное состояніе начало. Это электро-духовная сила, могущая такъ же легко убить, какъ и сотворить.

**) Кешара (Keshara)—идущій по небесамъ, достигшій этого Іоги; онъ видитъ за морями и за звѣздами, слышитъ языкъ девъ и понимаетъ мысли муравья. Онъ ступаетъ по вѣтру надъ волнами; его ступней не можетъ замочить вода.

чѣмъ вступить на этотъ путь, ты долженъ уничтожить свое лунное тѣло *), очистить тѣло мысли **) и сдѣлать чистымъ свое сердце.

Вѣчной жизни чистыя воды, свѣтлыя и кристалльныя, съ мутными отъ бури потоками смѣшаться не могутъ.

Капля небесной росы, сверкающая въ чашечкѣ лотоса подъ утренними лучами солнца, падая на землю, смѣшивается съ грязью; смотри: теперь жемчужина превратилась въ прахъ и въ пятно грязи.

Борись съ своими нечистыми помыслами, прежде чѣмъ они начнутъ тебя одолѣвать. Поступай съ ними такъ, какъ они хотятъ поступить съ тобою; ибо если ты пощадишь ихъ, они укоренятся и выростутъ въ тебѣ и тогда, воистину, помыслы твои убьютъ тебя. Берегись, ученикъ, не дозволяй даже тѣни ихъ прикасаться къ тебѣ, потому что она будетъ расти; будетъ расти и власть ея надъ тобою и, наконецъ, это порожденіе мрака поглотитъ твое существо, прежде чѣмъ ты сознаешь присутствіе отвратительнаго чудовища тьмы.

Прежде чѣмъ твоя сокровенная мистическая сила (Кундалини) приведетъ тебя къ твоему богу, лэну, ты долженъ достичь способности убивать свой лунный образъ (тѣло желанія).

Твое Я — матеріальное и Я — духъ никогда не могутъ слиться и стать однимъ; которое-нибудь изъ началъ—или матерія или духъ—должно исчезнуть; обоимъ вмѣстѣ имъ не существовать.

Прежде чѣмъ разумъ твоей души будетъ въ состояніи понимать, даже зародышъ личности долженъ быть вырванъ, а червь чувственности уничтоженъ такъ, чтобы не могъ онъ болѣе воскреснуть въ тебѣ.

Ты не можешь отправиться въ Путь до тѣхъ поръ, пока самъ не сдѣлаешься этимъ самымъ Путемъ.

Пусть душа твоя чутко внемлетъ каждому стону горя, подобно тому, какъ священный лотосъ впитываетъ своимъ сердцемъ лучи утренняго свѣта.

Торопись отереть слезу скорби съ лица страдальца; не упускай времени, чтобы солнце прежде тебя не осушило этой слезы своими горячими лучами; пусть каждая жгучая слеза человѣческаго горя,

---

*) Астральная форма, произведенная камическимъ принципомъ—Камарупа (Kama-Rupa) или тѣло желаній.

**) Тѣло мысли—Манаса-рупа (Manasa-Rupa); Кама-рупа относится къ личности, а Манаса-рупа—къ индивидуальности, т.-е. къ перевоплощающемуся Ego человѣка—низшій Манасъ, который, какъ сказано, долженъ быть уничтоженъ.

падая на твое сердце, остается въ немъ; не отгоняй ея оттуда до тѣхъ поръ, пока не устранится горе, эту слезу родившее.

Эти слезы, о, ты, обладающій сострадательнымъ сердцемъ,—тѣ потоки, которыми орошаются поля безсмертнаго милосердія, для того, чтобы на орошенномъ полѣ могъ возрасти полночный цвѣтъ Будды (адептъ—цвѣтъ Бодиставы), рѣдчайшій изо всѣхъ, который можно рѣже видѣть, чѣмъ даже цвѣтокъ дерева вогэ. Это — сѣмя освобожденія отъ новыхъ рожденій.

Оно отъединяетъ Архата отъ распрей и отъ страстей; оно ведетъ его черезъ поля бытія къ миру и блаженству въ страну Безмолвія и Небытія.

Убей желаніе, но остерегайся, чтобы оно вновь не возстало изъ мертвыхъ.

Убей любовь къ жизни. Но, убивая Танху *), дѣлай это не изъ страха смерти и жажды вѣчной жизни личности, а во имя того, чтобы преходящее и временное замѣнилось Постояннымъ и Вѣчнымъ; не желай при этомъ самому себѣ ничего.

Не желай себѣ ничего. Не давай сердцу своему возмущаться противъ Кармы **), этого неизмѣннаго закона природы. Борись только съ личнымъ, временнымъ, преходящимъ и тлѣннымъ, подлежащимъ уничтоженію.

Помогай природѣ и работай въ согласіи съ ней и природа будетъ смотрѣть на тебя, какъ на одного изъ своихъ создателей и сдѣлается покорною тебѣ. Она широко раскроетъ передъ тобою двери своихъ тайниковъ и обнаружитъ передъ твоимъ взоромъ свои сокровища, глубоко скрытыя въ чистотѣ ея дѣвственной груди. Неоскверненная плотскимъ прикосновеніемъ, она обнаруживаетъ свои сокровища только передъ духовными взорами — передъ духовными очами, никогда не смыкающимися; передъ очами, для которыхъ не существуетъ завѣсъ во всѣхъ ея царствахъ.

Тогда природа сама укажетъ тебѣ способы и пути; первыя врата и вторыя, и третьи—вплоть до седьмыхъ. А далѣе—и цѣль; за нею, въ лучахъ духовнаго свѣта, неизреченная слава, которую не могутъ созерцать тѣлесныя очи, видимая и доступная только духовнымъ очамъ.

Есть только одна дорога къ Пути; на самомъ концѣ его одинъ лишь Голосъ Безмолвія слышенъ. Ступени лѣстницы, по которой

*) Tanha — любовь къ жизни или, вѣрнѣе, инстинктъ жизни, жажда ея и страхъ смерти. Это безсознательная сила („воля“ у Шопенгауэра), которая вызываетъ новыя рожденія.

**) Судьба, созданная словами и дѣйствіями человѣка во время его предыдущихъ жизней на землѣ, въ предшествовавшихъ воплощеніяхъ.

поднимается ищущій,—суть скорби и страданія; и голосъ ихъ можетъ заставить умолкнуть лишь голосъ добродѣтели. Горе ученику, если не оставитъ на нижней ступени всѣхъ пороковъ и хотя одинъ изъ нихъ возьметъ съ собою; тогда подломится лѣстница подъ ногами его и низвергнетъ его обратно; основаніе лѣстницы стоитъ въ вязкой тинѣ заблужденій и грѣховъ твоихъ — о, ученикъ! — и прежде чѣмъ пытаться перейти разверстую пропасть матеріальности, ты долженъ омыть свои ноги въ водахъ отреченія. Берегись ставить не вполнѣ омытую ногу хотя бы только на низшую ступень лѣстницы! Горе тому, кто запятнаетъ хотя бы одну ступень грязью неомытыхъ ногъ! Вязкая грязь высохнетъ и плотно приклеитъ ноги неразумнаго ученика на мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ; подобно птицѣ уловленной коварными сѣтями птицелова, ученикъ будетъ остановленъ на мѣстѣ и лишенъ возможности дальнѣйшаго пути, дальнѣйшаго прогресса. Его пороки облекутся въ образы и повлекутъ его внизъ; онъ услышитъ голоса своихъ грѣховъ, подобно хохоту и рыданію шакаловъ послѣ солнечнаго заката; помыслы его обратятся во вражескую рать, которая увлечетъ его за собою, какъ плѣнника и раба своего.

Убей свои желанія, ученикъ! Сдѣлай свои пороки безсильными, прежде чѣмъ сдѣлать первый шагъ великаго пути.

Задуши свои грѣхи, сдѣлай ихъ навѣкъ нѣмыми, прежде чѣмъ ты поднимешь ногу для восхожденія по лѣстницѣ.

Заставь умолкнуть свои мысли и сосредоточь все свое вниманіе на своемъ Учителѣ, котораго хотя еще и не видишь ты, но начинаешь чувствовать.

Собери въ одно всѣ свои чувства, если хочешь быть въ безопасности отъ врага. Только однимъ сосредоточеннымъ чувствомъ, сокрытымъ въ глубинѣ твоего мозга, можетъ быть освѣщенъ крутой путь, ведущій къ твоему Учителю, и открытъ путь передъ все еще затемненными очами твоей души.

Долга и утомительна дорога, лежащая передъ тобой, о, ученикъ! Одна простая мысль о прошломъ, оставленномъ тобою позади, совлечетъ тебя внизъ и ты снова долженъ будешь начинать свое восхожденіе.

Убей въ себѣ воспоминаніе о всемъ быломъ и не оглядывайся назадъ, или ты погибъ!

Не вѣрь, что желаніе погаснетъ — если насытить его до пресыщенія. Это отвратительное внушеніе Мары: питаніемъ порокъ укрѣпляется, какъ червь, жирѣющій въ сердцѣ цвѣтка. Роза должна сдѣлаться почкой, рожденной отъ материнскаго ствола, прежде

чѣмъ червь подточитъ его сердцевину и выпьетъ жизненный сокъ.

Золотое дерево распускаетъ свои бриллiантовыя почки раньше, чѣмъ его стволъ зачахнетъ отъ бури.

Ученикъ долженъ снова прiобрѣсть утерянное имъ дѣтство, раньше чѣмъ Первый Звукъ коснется его уха.

Свѣтъ Единаго Учителя, не тускнѣющiй золотой свѣтъ Духа, бросаетъ свои ослѣпительные лучи на ученика съ самаго начала. Его лучи прорѣзываютъ густыя, мрачныя тучи матерiальности. То здѣсь, то тамъ эти лучи освѣщаютъ ее, какъ солнечное сiянiе освѣщаетъ землю сквозь густую листву джунглей. Но, помни, ученикъ: пока тѣло не перестанетъ желать, пока голова не станетъ холодна и пока душа не сдѣлается чистою и твердою, подобно сверкающему алмазу, сiянiе не достигнетъ надлежащаго мѣста. Его свѣтъ не согрѣетъ твоего сердца и мистическiе звуки высотъ Акаши*) не достигнутъ твоего слуха, какъ бы ревностенъ ты ни былъ на первой ступени.

Если ты не слышишь, ты не можешь видѣть. Если ты не видишь, ты не можешь слышать. Слышать и видѣть—вторая ступень.

. . . .

Когда ученикъ видитъ и слышитъ, обоняетъ и ощущаетъ вкусъ съ закрытыми глазами, заткнутыми ушами и закрытыми ртомъ и носомъ; когда четыре чувства сливаются и готовы перейти въ пятое чувство внутренняго ощущенiя, тогда ученикъ перешелъ на четвертую ступень.

А на пятой,—о, побѣдившiй свои помыслы,—всѣ твои чувства должны быть убиты такъ, чтобы они не могли уже больше ожить.

Ограждай свой умъ отъ всѣхъ внѣшнихъ предметовъ, отъ всѣхъ зрѣлищъ внѣшности. Ограждайся отъ внутреннихъ образовъ, чтобы они не бросили темной тѣни на свѣтъ твоей души; ты теперь въ Дхаранѣ**)—на шестой ступени.

Когда же ты перейдешь на седьмую ступень, о, познавшiй блаженство, ты больше не будешь различать священнаго Три***), потому что ты самъ станешь этимъ Три. Ты самъ и умъ твой будете, какъ близнецы, живущiе одной жизнью и Звѣзда, составляющая твою цѣль (звѣзда посвященiя), загорится надъ твоею головою. Три, пребывающiе въ славѣ и въ неизреченномъ блаженствѣ, по-

*) Мистическiе звуки, слышимые аскетомъ.

**) Dharana—глубокая сосредоточенность ума надъ какимъ-нибудь внутреннимъ объектомъ, сопровождаемая полной отчужденностью отъ всего относящагося къ внѣшнему мiру.

***) Каждая ступень развитiя имѣетъ символомъ геометрическую фигуру, символъ шестой ступени — △, священный треугольникъ.

теряли теперь свои имена въ мірѣ Майи. Они стали Единою Звѣздой, Огнемъ, который горитъ, но не изсушаетъ; тѣмъ огнемъ, который есть Упадхи Пламени *).

И это, о, іоги-побѣдитель, то, что люди называютъ Дхіаной **), которая есть истинная предвѣстница Самадхи ***).

Отнынѣ твое личное **Я** исчезло и погрузилось въ твое индивидуальное **Я**, а твое индивидуальное **Я**—въ то **Я**—Единое, изъ котораго ты когда-то излучился.

Гдѣ твоя индивидуальность, лэну (ученикъ), гдѣ самъ ты, лэну? Ты искра, пропавшая въ огнѣ, капля въ океанѣ, всегда бывшій лучъ, ставшій самъ—Все и вѣчное сіяніе. И теперь, лэну, ты самъ исполнитель и свидѣтель, источникъ сіянія и само сіяніе. Свѣтъ въ звукѣ и звукъ въ свѣтѣ. Ты извѣдалъ пять препятствій, о, благословенный! Ты ихъ побѣдилъ — учитель шестой ступени; ты послѣдователь четырехъ истинъ ****). Свѣтъ, падающій на нихъ, исходитъ отъ тебя самого,—о, ты, бывшій ученикомъ и теперь ставшій учителемъ.

Изъ этихъ четырехъ видовъ истины развѣ ты не прошелъ черезъ познаніе всѣхъ бѣдствій—истина первая?

Развѣ ты не побѣдилъ властелина соблазновъ—Царя Мару, въ преддверіи его царства—истина вторая?

Развѣ ты не разрушилъ грѣха у третьихъ воротъ и не достигъ этимъ истины третьей?

Развѣ ты не вступилъ на Тао — путь, ведущій къ мудрости — истина четвертая?

А теперь отдыхай подъ деревомъ Бодхи, которое есть совер-

---

*) Упадхи—Upadhi—основаніе пламени, недостижимаго для аскета при земной жизни.

**) Dhyana — высшая, едва доступная на землѣ, ступень высшаго сознанія, на которой посвященный еще можетъ управлять дѣятельностью своихъ высшихъ принциповъ.

***) Samadhi—слѣдующее высшее состояніе. На этой ступени посвященный утрачиваетъ индивидуальное самосознаніе безъ остатка, сливается съ бытіемъ и становится Всѣмъ.

****) Четыре истины, какъ онѣ излагаются въ сѣверныхъ системахъ, слѣдующія: **Ку**—страданіе, **Шу**—собраніе искушеній, **Му**—ихъ уничтоженіе и **Тао**—путь.

шенство всякаго познанія, ибо ты достигъ состоянія учителя Самадхи—состоянія безошибочнаго вѣдѣнія.

Взирай! Ты сталъ самъ „Свѣтъ“; ты сталъ самъ „Звукъ“; ты самъ для себя учитель и Богъ и предметъ своихъ собственныхъ исканій. Ты голосъ, непрерывно звучащій отъ вѣчности — свободный отъ измѣненій, свободный отъ грѣха. Семь звуковъ въ одномъ

Голосѣ Безмолвія.

Om—Tat—Sat.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Приложенія

Слѣдующія за этими листами статьи имѣютъ отдѣльную нумерацію страницъ и могутъ быть вынуты изъ книги для помѣщенія въ отдѣльные переплеты

Офиціальн. Ред.-издатель ***П. А. Чистяковъ.***

Безсмертіе по традиціямъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ.

(Докладъ читанный на первомъ Всероссійскомъ съѣздѣ спиритуалистовъ въ Москвѣ—20—27 октября 1906 года).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНІЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію одного изъ важныхъ отдѣловъ ученія Азіатскихъ Розенкрейцеровъ—о безсмертіи—необходимо сдѣлать краткую историческую справку относительно самого Ордена Азіатскихъ Розенкрейцеровъ, о которомъ современная публика знаетъ очень мало, а можетъ быть, даже и ничего не знаетъ.

Орденъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ, собственно говоря, носитъ полное названіе слѣдующее: „Рыцари и братья св. Іоанна Евангелиста изъ Азіи". Происхожденіе этого ордена окутано дымкою историческаго романтизма и весьма туманно, какъ впрочемъ туманно и происхожденіе всего Масонскаго Союза, часть котораго представляетъ собою интересующій насъ Орденъ Азіатскихъ Розенкрейцеровъ.

Первыя вполнѣ достовѣрныя историческія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этомъ орденѣ, относятся къ періоду 1780-хъ годовъ, когда баронъ Гансъ Гейнрихъ фонъ Эккеръ ундъ Экгофенъ оффиціально выступилъ въ Вѣнѣ представителемъ и учредилъ тамъ его Центральное Управленіе. Каковы былисоображенія, руководившія Эккеромъ въ этомъ шагѣ, съ достовѣрностью сказать трудно; но онъ совпалъ съ однимъ знаменательнымъ событіемъ его жизни. Года за три или четыре до того времени баронъ Эккеръ былъ исключенъ изъ ордена Розенкрейцеровъ и весьма вѣроятно, что это обстоятельство заставило Эккера примкнуть къ вѣтви Азіатскихъ Братьевъ и принять дѣятельное участіе въ организаціи ихъ ложъ или, какъ ихъ тогда называли, колоній.

Слѣдовательно, хотя и не съ полною увѣренностью, но все же съ большою вѣроятностью, мы можемъ предполагать, что Эккеръ сдѣлался организаторомъ и иниціаторомъ выступленія Азіатскихъ Братьевъ на путь гласной пропаганды въ силу желанія возстановить свое значеніе въ масонскомъ мірѣ, пошатнувшееся при исключеніи его изъ ордена Розенкрейцеровъ.

Однако есть данныя, которыя позволяютъ думать, что это выступленіе Азіатскихъ Братьевъ прошло бы незамѣченнымъ, если бы оно не совпало съ интереснымъ и жизненнымъ моментомъ въ общей исторіи Масонскаго Союза. Съ 1723 г. и по 1752 въ масонствѣ все время шло глухое броженіе и распри какъ между отдѣльными ложами, такъ и между масонами континентальными и англійскими, по поводу вопроса о принятіи въ союзъ нехристіанъ, а въ частности евреевъ.

Принципъ универсальной терпимости ко всѣмъ религіямъ, провозглашенный масонствомъ, подвергся большимъ колебаніямъ и очень многія, а пожалуй даже большинство масонскихъ ложъ, подняло вопросъ о томъ, возможно ли для евреевъ быть членами Масонскаго Союза.

Какъ, при какихъ обстоятельствахъ и въ какое именно время былъ поднятъ этотъ вопросъ—установить затруднительно, да это и не входитъ въ задачи небольшой нашей статьи; но несомнѣнно, что къ 1738 году вопросъ о допущеніи евреевъ въ союзъ созрѣлъ окончательно, получилъ теоретическую формулировку, а въ Англіи получилъ и благопріятное для евреевъ разрѣшеніе.

Несмотря однако на это рѣшеніе англійскаго масонства, континентальныя вѣтви союза—въ особенности нѣмецкія—не согласились съ этимъ рѣшеніемъ и во многихъ мѣстахъ Европы доступъ евреямъ въ масонство былъ или совсѣмъ воспрещенъ или затрудненъ, насколько это было возможно.

Съ 1740 по 1780 г. вступленіе евреевъ въ орденъ ограничивалось отдѣльными случаями, которые, хотя и не были рѣдкими, но тѣмъ не менѣе считать ихъ выраженіемъ общепризнаннаго правила нельзя. Однѣ масонскія вѣтви или системы принимали евреевъ, другія нѣтъ, опираясь на то, что союзъ масоновъ есть союзъ, основанный на духѣ и буквѣ Евангелія, въ силу чего, по ихъ мнѣнію, евреи, не отказавшись отъ талмудическихъ тенденцій, не могли быть послѣдователями масонскаго ученія.

Однако коренное правило масонства о равноправіи и терпимости ко всѣмъ религіямъ не могло оставаться мертвою буквой; слѣдовало или доставить нехристіанамъ широкій доступъ въ масонство, или итти на разрывъ съ основнымъ его закономъ, т. е. другими словами, поставить подъ сомнѣніе правильность и искренность всѣхъ основныхъ его законовъ.

Большинство ложъ, но только не нѣмецкія и не шведскія, вопросъ о евреяхъ рѣшило очень оригинальнымъ способомъ: появились ложи такъ называемыя „мельхиседековскія“, доступъ куда былъ открытъ всѣмъ нехристіанамъ: евреямъ, магометанамъ и т. п.; въ этихъ ложахъ были произведены нѣкоторыя измѣненія въ общихъ

масонскихъ ритуалахъ и символикѣ; удалены были оттуда нѣкоторые символы и обряды, отличавшіеся явно ортодоксальнымъ христіанизмомъ, измѣнена была нѣсколько форма присяги и эти незначительныя измѣненія давали возможность для слишкомъ непримиримыхъ христіанъ-масоновъ съ чистою совѣстью допускать въ такихъ ложахъ пріемъ и евреевъ. Появленіе этихъ ложъ можно отнести съ большою вѣроятностью къ періоду 1750—1761 гг.; но, хотя онѣ и получили большое распространеніе въ Голландіи, Германіи и въ особенности на Пиринейскомъ полуостровѣ, тѣмъ не менѣе онѣ считались ложами побочными и составляли какъ бы особое отдѣленіе Масонскаго Союза не вполнѣ полноправное; короче: старанія евреевъ проникнуть въ масонство увѣнчались успѣхомъ не полнымъ.

Конецъ 1770-хъ годовъ — начало организаціи новаго Капитула Азіатскихъ Братьевъ, а 1780—годъ офиціальнаго ихъ выступленія подъ руководствомъ Эккера; послѣдній образовалъ или, вѣрнѣе, преобразовалъ этотъ орденъ изъ филіальнаго капитула розенкрейцеровъ и открылъ евреямъ свободный доступъ въ среду Азіатскихъ Братьевъ.

Есть нѣкоторые намеки на то, что Эккеръ, бывши начальникомъ филіальнаго капитула розенкрейцеровъ, и ранѣе принималъ туда евреевъ, что, какъ кажется, и послужило поводомъ къ исключенію его изъ розенкрейцеровъ и къ объявленію имъ автономіи капитула подъ названіемъ „Азіатскихъ Братьевъ". Эта версія очень вѣроятная уже по одному тому, что мы видимъ полное преобразованіе капитула въ 1780-хъ годахъ Эккеромъ совмѣстно съ нѣкіимъ Гиршманомъ; послѣдній затратилъ на эту организацію значительную сумму, результатомъ чего было то, что орденъ „Азіатскихъ Братьевъ" сдѣлался орденомъ исключительно еврейскимъ.

Чего искали евреи въ масонствѣ, столь долго добиваясь доступа въ орденъ; что имѣли въ виду лидеры масонства, стараясь создать промежуточныя ступени, облегчающія евреямъ этотъ доступъ—вотъ вопросы, которые напрашиваются сами собою при изученіи памятниковъ масонства за этотъ періодъ времени. Но хотя вопросы эти и очень интересны, я попрошу однако у васъ позволенія не останавливаться на нихъ, такъ какъ докладъ мой имѣетъ совершенно другую цѣль, а именно: сообщить вамъ часть ученій Азіатскихъ Братьевъ.

Необходимо замѣтить, что въ настоящее время начиная съ половины XIX столѣтія въ анналахъ масонства Орденъ Азіатскихъ Братьевъ болѣе не упоминается и хотя онъ существуетъ еще и теперь, но уже подъ именемъ „Азіатскихъ Розенкрейцеровъ" и фактически находится дѣйствительно въ Азіи, при чемъ какъ на

резиденцію его указываютъ—иные Мадрасъ, иные—нѣсколько затерянныхъ среди Гималайскихъ горъ мѣстечекъ; а нѣкоторые называютъ даже Лхассу, этотъ священный и таинственный городъ сѣверныхъ буддистовъ, только недавно открывшій свои ворота европейцамъ.

Цѣль настоящаго доклада сообщить одну весьма интересную часть и отдѣлъ ученія Азіатскихъ Розенкрейцеровъ въ современномъ его видѣ, и для большаго уясненія этой части необходимо намъ всегда имѣть въ виду слѣдующіе два важныхъ момента въ исторіи ордена. Первый, о которомъ я уже упоминалъ,—это вступленіе въ орденъ евреевъ въ 1770-хъ гг., а второй моментъ—конецъ XVIII и начало XIX столѣтій, когда центръ пребыванія ордена перемѣстился въ Азію, подъ яркое поэтическое солнце Индіи.

Первый моментъ привнесъ въ тайное ученіе розенкрейцеровъ элементы древне-еврейской мистики, теологіи и каббалы, а второй моментъ поставилъ это ученіе лицомъ къ лицу съ пантеистическими ученіями буддизма, съ эзотерическими школами браманской и ведантической философіи, насчитывавшей за собою одно тысячелѣтіе.

Живое взаимообщеніе этихъ элементовъ привело къ ихъ сліянію и мы не должны удивляться тому, что въ современномъ ученіи Азіатскихъ Р+К мы услышимъ отголоски и средневѣковой христіанской мистики, и буддизма, и браманскихъ ученій, и тѣхъ идей, которыя проповѣдуются въ наше время Теософическимъ Обществомъ. Все это смѣшано съ элементами оккультныхъ традицій какъ западно-европейскихъ, такъ и древне-восточныхъ. Но этого мало. Несмотря на всѣ самыя крайнія увлеченія вопросами алхиміи и всякаго рода мантики и магіи, во главѣ ордена всегда стояли высоко одаренные талантливые умы, никогда не прерывавшіе связей съ традиціями западноевропейской научной мысли и вводившіе раціональные и здравые элементы позитивнаго метода въ построеніе оригинальныхъ концепцій восточнаго розенкрейцерства.

Въ силу этого мы увидимъ здѣсь и еще одно интересное явленіе. Мы увидимъ родственныя и близкія намъ идеи новѣйшаго спиритуализма и психизма; но точно такъ же найдемъ и слѣды западноевропейскаго позитивизма, естественно-научнаго матеріализма, эволюціонизма и много другого, намъ знакомаго и родственнаго, но только въ нѣсколько причудливой формѣ и подъ другимъ освѣщеніемъ. Насколько удачно это смѣшеніе повидимости разнородныхъ элементовъ и насколько стройна сама теорія, я обсуждать не буду—передаю вамъ то, что есть почти въ неизмѣнномъ видѣ.

Теперь, приступая къ существенной части доклада, я долженъ сдѣлать еще одну оговорку относительно построенія его.

Хотя послѣдующее изложеніе и было составлено спеціально для прочтенія на нашемъ собраніи, но тѣмъ не менѣе, оно претерпѣло значительное редакціонное измѣненіе.

„Вступленіе", которое я сейчасъ прочту, въ оригиналѣ занимало слишкомъ 100 страницъ рукописи и, само собою разумѣется, въ силу такой величины оно не могло бы быть прочитано на съѣздѣ. А такъ какъ оно наполнено было абстрактнѣйшими построеніями общефилософскими и космогоническими, не имѣющими прямого отношенія къ вопросу о безсмертіи, то оказалось возможнымъ безъ большого ущерба его выпустить. Однако я предпочелъ сдѣлать изъ него самое сжатое „Вступленіе", которое и предоставляю вашему вниманію.

Дальнѣйшее „Изложеніе" принадлежитъ уже не мнѣ; но въ рукописи, которая занимаетъ свыше 800 страницъ, сдѣланы обширныя купюры и отмѣтки, указывающія на мѣста, имѣющія общій интересъ. Между этими отмѣтками, слѣдовательно, есть пропуски, которые по вполнѣ понятной причинѣ — обширности ихъ — въ настоящій рефератъ не вошли.

Въ результатѣ получается въ однихъ мѣстахъ впечатлѣніе скомканности и недоговоренности, въ другихъ мѣстахъ какъ будто безполезныхъ повтореній. Наконецъ, огорчительныя обстоятельства увеличиваются и еще однимъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—а такихъ въ этомъ рефератѣ не менѣе шести — мнѣ показалось необходимымъ ввести и пропущенныя въ подлинникѣ мѣста. Но они были опять-таки слишкомъ обширны и мнѣ пришлось излагать ихъ собственными словами. Хотя я очень старался дѣлать построенія фразъ, соотвѣтствующія подлиннику, но вы, конечно, узнаете ихъ тотчасъ же, какъ я до нихъ дойду.

Несмотря на такую несовершенную конструкцію предлагаемой вашему вниманію вещи и даже на нѣкоторую нехудожественность въ изложеніи, я все же думаю, что испортилъ ее не настолько, чтобы она никуда не годилась; а потому, несмотря на всѣ эти недостатки, я все же прошу васъ покрыть ихъ вашимъ вниманіемъ.

П. Чистяковъ.

Вступленіе.

Въ первоначальной своей концепціи о происхожденіи видимаго міра, о началѣ жизни, о Верховной Первопричинѣ бытія и объ отношеніяхъ къ ней человѣка ученіе Азіатскихъ Братьевъ говоритъ очень скупо и неохотно. Очевидно, въ этомъ пунктѣ главенствующими вліяніями слѣдуетъ признать буддизмъ, который также неохотно распространяется о такихъ вещахъ, а съ другой стороны европейскій матеріалистическій монизмъ, т.-е. признаніе матеріи источникомъ всего разнообразія развертывающихся въ природѣ формъ, силъ и движеній. Спекулировать о Верховной Первопричинѣ это ученіе находитъ, очевидно, излишнимъ и не ведущимъ къ цѣли занятіемъ. Принимая поэтому видимый міръ, какъ данное, ученіе это вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ во всемъ объемѣ эволюціонную теорію о происхожденіи жизни на землѣ. Однако эту теорію оно дополняетъ широкими и захватывающими представленіями о ея дальнѣйшемъ продолженіи за предѣлами видимыхъ явленій.

Цѣлью эволюціи на землѣ считается собраніе и скопленіе въ извѣстныхъ субстанціяхъ и ихъ соединеніяхъ возможно большаго количества высшихъ формъ энергіи, способныхъ проявлять и обнаруживать всѣ извѣстныя явленія жизни: чувства, мысль и сознаніе.

Изложеніе.

Первичная основа всѣхъ вещей и явленій — субстанція единая, недѣлимая, неразрушаемая, обладающая постояннымъ и неизмѣннымъ запасомъ энергіи. Первоначально вся субстанція была въ состояніи равномѣрнаго одушевленія и жила единою недѣлимой жизнью. Сила и энергія въ этой извѣчной матеріи была равномѣрно распредѣлена всюду и всюду царствовалъ „покой Предвѣчной Субботы“.

Миріады и милліоны лѣтъ по нашему счисленію протекли въ царственномъ покоѣ Предвѣчной Субботы; но, наконецъ, насталъ моментъ, когда въ одной точкѣ вселенной появилось неравномѣрное скопленіе энергіи, образовался индивидуальный вихрь, который началъ жить на счетъ сосѣднихъ съ нимъ участковъ, подчиняя ихъ себѣ и втягивая въ себя.

Такъ былъ нарушенъ покой Предвѣчной Субботы — и вся вселенная вздрогнула и пришла въ движеніе; такъ возникъ первый *Логосъ* всего сущаго.

Зародились другіе вихри, образовались сгущенія и разрѣженія и жизнь стала въ однихъ мѣстахъ разгораться яркимъ пламенемъ, въ другихъ мѣстахъ она начала угасать. Появилось то, что называется живымъ и мертвымъ; появилось разнообразіе формъ матеріи и энергіи, и постепенно развился существующій міръ.

Волны дыханія жизни стали переливаться изъ одного конца вселенной въ другой, обходя ее гигантскими циклами; каждая волна каждаго цикла увеличиваетъ силу живого и отнимаетъ ее у мертваго. Мертвое въ своемъ постепенномъ паденіи (инволюція) оставило человѣку въ наслѣдство весь видимый физическій міръ неодушевленный: всѣ стихіи, всѣ элементы сложныхъ и простыхъ тѣлъ, атомы, эѳиръ и связанные съ ними остатки жизни, которые мы нынѣ называемъ силами физико-химическими. Живое въ обратномъ процессѣ подъема (эволюціи) развернуло всю видимую живую природу: отъ простой протоплазмы — черезъ растенія и всѣ остальныя ступени органическаго развитія—кончая человѣкомъ.

Первая часть проявившагося видимаго міра осѣла внизъ, окружила вторую и сдѣлалась подножіемъ и средою служебной для нея; но въ то же время средою враждебной, готовой при удобномъ случаѣ при каждомъ новомъ циклѣ впитать въ себя жизненную силу новой волны и затѣмъ обрушиться на живое, вступить съ нимъ въ борьбу и заставить его помѣняться съ собою мѣстами.

Поэтому все, что было живымъ, должно было начать бороться за свое существованіе, какъ съ окружающею средой для непрестанной побѣды надъ нею, такъ и съ сосѣдними живыми индивидуальностями, такъ какъ каждая новая волна усиливала силу живущаго, увеличивала количество жизней и погружала неживое во мракъ все болѣе и болѣе глубокаго угасанія.

Гранью, положенной между мертвымъ и живымъ, стала *потеря* у однихъ и *пріобрѣтеніе* у другихъ. Кто не успѣвалъ пріобрѣтать, тотъ терялъ и опускался внизъ въ потокъ угасанія и смерти.

Усиленная жизнь породила инстинктъ; инстинктъ породилъ сознаніе; сознаніе породило самоопредѣленіе; самоопредѣленіе породило творчество мысли и свободу воли.

Инстинктъ самосохраненія и инстинктъ размноженія, который есть не что иное, какъ смутное, несознаваемое пока чувство космической, вселенской солидарности живого въ борьбѣ его съ неживымъ—вотъ два главные фактора борьбы съ окружающею средой; той борьбы, которая развернула все обманчивое многообразіе живого и живущаго, начиная отъ простѣйшихъ амебъ до человѣка, включая сюда всѣ классы, группы, виды и роды.

Разъ вспыхнувшій пламень жизни не угасалъ, но, напротивъ, охватывалъ своимъ пожаромъ вселенную, переводя неустойчивыя,

несознательныя силовыя группы въ устойчивые индивидуальные жизненные вихри; точно также и сознаніе, разъ вспыхнувши, уже не погасало и, подчиняя себѣ жизнь, переводило низшіе жизненные вихри въ высшіе вихри—индивидуально-разумные, сознательные и все болѣе и болѣе свободные въ своемъ самоопредѣленіи.

Человѣческая личность, какъ видно изъ предыдущаго, корнями своими уходитъ далеко въ прошедшее: въ міръ животнаго царства и еще далѣе въ міръ царства растительнаго. Она — человѣческая личность—прямая наслѣдница и родня того міра, гдѣ, слѣпая сначала и неосвѣщенная свѣтомъ сознанія, жизнь боролась съ неживымъ за свое существованіе и, погибая въ этой борьбѣ, передавала уцѣлѣвшимъ своимъ представителямъ все большее и большее количество священнаго огня жизни и накопленнаго опыта.

Возникши въ животномъ царствѣ, высшая жизнь, озаренная первыми лучами сознанія, воспринимаетъ въ себя переданный ей съ низшихъ ступеней опытъ; этотъ послѣдній, разрастаясь все болѣе и болѣе, на каждой послѣдующей ступени образовывалъ въ человѣкѣ двойственную жизнь: безсознательную и сознательную; въ послѣдней кристаллизовались высшая воля, высшій разумъ, высшее чувство.

Какъ индивидуальный разумъ—человѣкъ состоитъ: 1) изъ жизненнаго вихря, 2) облекающей его плоти, которая есть неживое вовлеченное въ вихрь жизни, 3) изъ вихря высшей жизни—сознанія, которое направляетъ пути жизненнаго вихря къ дальнѣйшему прогрессу, къ развитію его силы и къ безконечной эволюціи и улучшенію.

Индивидуальная мощь каждаго жизненнаго вихря-человѣка не безпредѣльна. Когда весь запасъ силы этого вихря израсходованъ настолько, что уже не можетъ противостоять вліянію сосѣднихъ вихрей или вліянію окружающей среды, наступаетъ ослабленіе его и паденіе. Пламя жизни потухаетъ, а вслѣдъ за нимъ долженъ потухнуть и огонь личнаго сознанія.

Но какъ личная жизнь, такъ и личное сознаніе не суть мертвое; для того, чтобы снова погрузиться во мракъ личнаго небытія, они должны пройти долгій періодъ разложенія и распада.

До этого времени, т.-е. до предѣла крайняго распаденія, всего чаще случается, что ослабѣвшій индивидуальный вихрь, лишившійся своей матеріальной тѣлесной базы—т. е. послѣ видимой смерти тѣла—втягивается въ сферу безсознательной жизни еще живущихъ вихрей и идетъ на укрѣпленіе и созиданіе ихъ. Это вовлеченіе со-

вершается какъ низшими формами жизненныхъ вихрей, такъ и высшими.

Такому же процессу распаденія и угасанія подлежитъ и высшій центръ жизни—сознаніе, составляющій ядро и основу личности. Этотъ центръ жизни обладаетъ наивысшимъ могуществомъ, которое скопилось въ немъ тысячелѣтіями путемъ наслѣдственности, какъ отъ ближайшихъ предковъ людей, такъ и отъ отдаленнѣйшихъ прародителей съ самыхъ низшихъ ступеней животнаго царства. Этотъ центръ сознательной жизни, въ силу того, что онъ созналъ себя, угасаетъ очень медленно и такимъ образомъ, послѣ видимой тѣлесной смерти человѣка, сознательная личность его продолжаетъ нѣкоторое время безтѣлесную жизнь; но эта послѣдняя однако черезъ извѣстный промежутокъ времени, предоставленная самой себѣ, должна угаснуть.

Періодъ разрушенія жизненнаго вихря послѣ смерти тѣла бываетъ различной продолжительности. Чѣмъ сильнѣе и могущественнѣе разумная личность, тѣмъ долѣе она сопротивляется разрушенію и отстаиваетъ цѣлость свою и окружающаго ее жизненнаго вихря, уступая давленію окружающаго неживого лишь медленно, частями, послѣ упорной борьбы.

Здѣсь высшему сознанію воплощенныхъ предлагается великая космическая тайна: тайна созданія, созданія вѣчной неугасимой жизни; тайна безсмертія, созданнаго руками человѣка, его волею, его сознаніемъ. . . . .
. . . .

Инстинктъ индивидуальнаго самосохраненія, выражающійся въ низшихъ формахъ жизни ожесточенною борьбою особой за существованіе, есть эгоизмъ или сила индивидуальнаго самоопредѣленія.

Инстинктъ продолженія рода, выражающійся въ низшихъ формахъ жизни половымъ и безполымъ размноженіемъ, есть глухой голосъ космической солидарности въ борьбѣ живого съ неживымъ—это альтруизмъ: но альтруизмъ низшій, еще не освѣщенный огнемъ сознанія.

На высшихъ ступеняхъ жизни, въ человѣкѣ, эти два инстинкта, дабы не разрушились очаги сознанія, должны притти въ гармоническій ритмъ, въ такой синтезъ, при которомъ обезпечивалась бы дальнѣйшая побѣда сознательнаго и живого міра надъ міромъ несознательнымъ и неживымъ.

Синтезъ этотъ, ведущій къ окончательному оживотворенію и сознанію всей неживой субстанціи, есть окончательная цѣль развитія міра, прогресса личности и далекій идеалъ исторической эволюціи.

Въ силу этого солидарно и связано живою цѣпью все живущее и все живое. Смерть каждаго индивидуальнаго вихря есть уменьшеніе жизни во вселенной; смерть сознательнаго центра есть уменьшеніе сознанія во вселенной.

Итакъ, если человѣкъ умретъ, то жизненный вихрь, бывшій посредникомъ между мертвою субстанціею его тѣла и его сознаніемъ, распадается; распадается также въ концѣ концовъ и личное сознаніе.

Личное сознаніе есть высшая форма жизни, познающая себя какъ единую во всѣхъ проявленіяхъ и формахъ и на всѣхъ ступеняхъ.

Могущество сознанія простирается на всѣ формы живого и неживого.

Окружающая насъ неживая природа и низшія формы жизни, всѣ безъ исключенія преобразованы и непрерывно преобразовываются сознаніемъ, стремящимся всюду и вездѣ создать устойчивые центры жизни и сознанія и оградить ихъ отъ вторженія и натиска неживого.

Слѣдовательно, сознаніе и воля человѣка должны быть направлены на сохраненіе и консолидацію какъ существующихъ жизненныхъ вихрей, одаренныхъ разумомъ и матеріальною плотью, такъ и тѣхъ развоплощенныхъ разумовъ, которые, лишившись своего физическаго тѣла, находятся въ состояніи агоніи, передъ началомъ своего угасанія.

У древнихъ народовъ на зарѣ ихъ жизни и у современныхъ дикихъ племенъ—всюду и вездѣ—во всѣ времена какъ первобытную религію мы находимъ поклоненіе предкамъ и отдаленнымъ прародителямъ, которые впослѣдствіи превращаются въ національныхъ героевъ, въ полубоговъ и боговъ.

Есть множество вполнѣ согласныхъ между собою указаній, какъ древняго міра, такъ и новѣйшаго времени, на то, что развоплощенные разумы, отбросивъ свое земное тѣло, очень часто продолжаютъ безтѣлесную жизнь, въ сферѣ жизненныхъ вихрей, воплощенныхъ на землѣ, среди которыхъ эти развоплощенные и проявляютъ себя болѣе или менѣе ярко.

Явленія спиритизма, чудеса, совершаемыя умершими святыми различныхъ религій, и безконечное число фактовъ проявленія умершихъ своимъ близкимъ или знакомымъ съ несомнѣнностью указываютъ на то, что видимая тѣлесная смерть не прерываетъ связи между воплощенными разумами и разумами, лишившимися своего физическаго тѣла. Всѣ эти факты, свидѣтельствующіе о томъ, что разумъ переживаетъ смерть своего физическаго тѣла, подтверждены

и установлены съ неопровержимостью любого математическаго положенія; не знать, не вѣрить, не понимать и отрицать ихъ могутъ лишь тѣ, кто воистину „имѣетъ уши и не слышитъ; глядитъ очами и не видитъ“.

Когда жизненный вихрь теряетъ свою силу и болѣе не въ состояніи удерживать въ себѣ неживую матерію (физическое тѣло) или когда физическое тѣло дѣлается явно несоотвѣтствующимъ своему жизненному вихрю, то тѣло это отпадаетъ. Развоплощенный разумъ, человѣческая личность, отходитъ отъ міра проявленнаго, матеріальнаго міра, и останавливается на рубежѣ міра нуменовъ, на берегу необъятнаго океана безличныхъ психическихъ силъ и распадающихся разумныхъ индивидуальностей. Бурный прибой волнъ этого океана къ берегу матеріальнаго міра порождаетъ все новыя и новыя индивидуальности, все новые и новые воплощенные разумы.

Подобно гребню волны вырывается изъ пучины океана индивидуальность; въ кратковременномъ побѣгѣ своемъ сверкнетъ на солнцѣ блескомъ самосознанія и едва успѣетъ сказать: „cogito ergo sum“, какъ опускается волна; на мѣстѣ гребня образуется темный провалъ и тихій вздохъ небытія проносится тамъ, гдѣ за минуту была индивидуальность разумная и свободная.

И содрогается развоплощенный разумъ, созерцая картину возникновенія и паденія волны прилива и отлива личностей въ міръ проявленный и обратно.

Въ агоніи распада, въ страхѣ уничтоженія—личность ждетъ своего конца. Но всѣ много любившіе или много знающіе находятъ поддержку въ этой борьбѣ за свою цѣлость.

Земля—великій переселенческій пунктъ, великій преобразователь безличнаго въ индивидуальное, безсознательнаго въ сознательное—подаетъ своимъ дѣтямъ руку помощи и поддержки.

Родъ человѣческій, въ безсознательномъ прогрессивномъ теченіи связанный узами солидарности, не можетъ остаться глухимъ къ судьбѣ развоплощенныхъ и своими воспоминаніями, мыслями и чувствомъ, даетъ развоплощеннымъ все новый и новый матеріалъ для борьбы съ небытіемъ.

Скорбь покинутаго мужа; слезы неутѣшной вдовы; плачъ осиротѣлаго ребенка; теплая благодарность бѣдняка, которому на землѣ помогалъ развоплощенный; вдумчивое благоговѣйное воспоминаніе ученика объ отшедшемъ учителѣ; непрестанное воспоминаніе и чувства, пробуждаемыя при чтеніи или созерцаніи великихъ произведеній умершихъ великихъ художниковъ; искренняя молитва объ усопшемъ; вліяніе идей отшедшаго ученаго на своихъ учениковъ и почитателей—все это эмоціи и мысли, все это отдѣленія и брызги

высшихъ центровъ (вихрей) жизни, которыя за порогомъ проявленнаго матеріальнаго міра, такъ же матеріальны, какъ матеріальна въ нашемъ мірѣ окружающая насъ природа.

Въ нашемъ мірѣ эти, такъ сказать, умственныя матеріальности могутъ быть обнаружены и обнаруживаются въ фактахъ телепатіи, суггестіи, месмеризма и т. п. и иногда могутъ быть учтены и обнаружены даже нашими грубыми физическими приборами.

Итакъ, эти умственныя высшія матеріальности — мысль и чувство—выбрасываются человѣческими сердцами и умами за порогъ проявленнаго міра вослѣдъ за ушедшими изъ этого міра дорогими и любимыми близкими, за уважаемыми учителями, за великими умомъ или сердцемъ развоплощенными разумами.

Тамъ, на порогѣ психическаго океана, при слабыхъ сумеркахъ небытія, всѣ эти высшія матеріальности —мысли и чувства—въ видѣ трепетныхъ блуждающихъ огней ищутъ своихъ избранниковъ, ищутъ тѣней дорогихъ отшедшихъ, привлекаются этими послѣдними, которые и облачаются въ нихъ какъ во свое исконное достояніе. Такіе отголоски земной матеріальности даютъ для развоплощеннаго новую жизнь, новую силу для борьбы съ небытіемъ.

Чѣмъ горячѣе чувство къ отшедшему, чѣмъ сильнѣе и отчетливѣе мысль о немъ, тѣмъ полнѣе помощь ему и тѣмъ сильнѣе онъ дѣлается.

Но живая связь между оставшимися на землѣ и между отшедшими поддерживается и со стороны послѣднихъ. Мужъ стремится помочь оставленной имъ женѣ; мать стремится оградить отъ несчастья любимыхъ ею и оставленныхъ на землѣ дѣтей; ученый стремится войти въ соприкосновеніе съ „духовной аурой“ своихъ учениковъ и вліять на нихъ; знаменитый проповѣдникъ или пророкъ вліяетъ на своихъ послѣдователей и поддерживаетъ въ нихъ огонь высшей жизни и высшаго разума; основатель школы приближается къ своимъ наиболѣе способнымъ ученикамъ и, вліяя на ихъ центры высшаго сознанія, даетъ новыя знанія, новыя объясненія вещамъ и явленіямъ—ибо онъ—и всѣ они—стоятъ за рубежомъ матеріальныхъ причинностей, выше нормъ времени и пространства и могутъ дать оставшимся на землѣ воплощеннымъ разумамъ болѣе широкіе взгляды, болѣе глубокое пониманіе.

Болѣе широкіе взгляды, болѣе вѣрное пониманіе! Но они тамъ только и у тѣхъ только, кто на землѣ былъ чистъ помыслами, былъ силенъ умомъ и сердцемъ и за кѣмъ вслѣдъ идутъ мысль и чувство оставшихся на землѣ воплощенныхъ разумовъ.

Въ этомъ случаѣ личность развоплощеннаго разума не только не распадается, но, находясь въ живомъ взаимообщеніи и въ связи съ оставшимися на землѣ разумами, продолжаетъ прогрессивно раз-

виваться въ ростѣ и дѣлаться все сильнѣе и сильнѣе. Разрастается пониманіе абсолютной причинности, расширяются горизонты вѣдѣнія и познанія, увеличивается сила и острота проницательности. Если вліяніе такой безплотной личности не стирается въ памяти людей, а живетъ среди нихъ активнымъ источникомъ, то эта жизнь можетъ продолжаться неопредѣленно долгое время. И благодѣтельныя вліянія отшедшей личности на жизнь земныхъ разумовъ могутъ сдѣлаться поистинѣ неисчислимыми и колоссальными.

Именно имъ, этимъ отшедшимъ отъ насъ великимъ филантропамъ, великимъ ученымъ и великимъ пророкамъ, мы обязаны половиною нашего прогресса, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго.

Многія открытія научныя, многіе улучшенные способы борьбы жизни со смертью, многія возвышенныя моральныя и философскія системы созданы именно въ такой коллективной работѣ, въ союзѣ воплощенныхъ съ отшедшими, подъ непосредственнымъ и тѣснымъ вліяніемъ ихъ. Это вліяніе иногда скрыто и лишь смутно нами предугадывается, иногда же обнаруживается явно, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ открытыхъ проявленій этихъ „безплотныхъ“ въ замкнутыхъ и возвышенно-настроенныхъ эзотерическихъ кружкахъ ихъ учениковъ и послѣдователей . . . .

. . . .

Есть необъятное величіе въ созерцаніи вселенской космической связи разумовъ воплощенныхъ и безплотныхъ. Высшая гармонія открывается взору посвященнаго, вступившаго въ соприкосновеніе съ великими развоплощенными, которые въ братскомъ единеніи растутъ сами и ведутъ за собою избранниковъ рода человѣческаго, давая возможность живому побѣждать мертвое, сознательному преобразовывать безсознательное.

Въ тиши кабинетовъ мыслителей и ученыхъ, при свѣтѣ огней въ лабораторіяхъ эзотерическихъ общинъ, въ благовонномъ дыму храмовъ всѣхъ религій непрерывно совершается это общеніе двухъ порядковъ бытія; растутъ и крѣпнутъ призванные; яркими путеводными звѣздами горятъ „разумы избранныхъ“ и Великая Лѣствица Іакова, по которой непрерывно восходятъ и спускаются ангелы, для насъ уже не миѳъ, а реальность—даже болѣе—Высшая Реальность Вселенной.

Проходятъ эфемерные дни земной жизни; ключомъ кипитъ борьба между несовершеннымъ и совершеннымъ; въ бурѣ борьбы раздувается неугасимый пламень жизни и сознанія, все болѣе и болѣе охватывая собою неживое и несознательное.

Простое переходитъ въ сложное, неустойчивое переходитъ въ устойчивое, развиваются ступени жизни, изощряются и утончаются жизненные вихри, усложняются взаимоотношенія между ними и между окружающею ихъ средой. Нервная ткань, носительница и база сознанія, утончается и строитъ все новые и новые форпосты и крѣпости, какъ для войны оборонительной, такъ и для завоевательной.

И еще новая фаза, новое орудіе борьбы: союзъ съ развоплощенными разумами: союзъ доселѣ безсознательный, но отъ недавнихъ дней—сознательный.

Борются между собою ступени безсознательной жизни, какъ сосѣднія, такъ и отдаленныя; борются между собою индивидуумы; всюду и вездѣ разумы борются за обладаніе матеріей, за подчиненіе ея жизни и сознанію, за торжество принциповъ вселенской любви и солидарности, за побѣду всеобщаго братства жизни и сознанія.

Но не одни они борются. Каждая мысль, каждое чувство, каждое движеніе души или сердца, все это законченные индивидуальные вихри, которые, отдѣляясь отъ породившаго ихъ индивидуальнаго разума—человѣка, могутъ вести нѣкоторое время самостоятельную жизнь; за это время ихъ призрачной жизни они также борются за свое существованіе.

Помышленіе—начало дѣла; ясная отчетливая мысль или бурная эмоція, временно охватившая человѣка — половина дѣла; желаніе, направленное сильною волей и сильнымъ разумомъ—полное дѣло.

Всѣ перечисленныя движенія ума и сердца принимаютъ въ себя часть разума и жизненныхъ силъ породившаго ихъ человѣка. Отдѣлившись отъ него, они сопутствуютъ ему и живутъ около него, какъ самостоятельные вихри, какъ нѣкоторыя призрачныя индивидуальности.

Злое сердце, злой умъ — окружены злыми существами; доброе сердце, возвышенный умъ—окружены существами свѣтлыми.

Сильный человѣкъ, отдѣливши отъ себя индивидуальныя формы (вихри своихъ чувствъ и мыслей), заставляетъ ихъ служить проводниками своихъ желаній и направляетъ ихъ куда хочетъ, пока вложенная имъ въ нихъ сила не изсякнетъ.

Человѣкъ слабый очень часто становится рабомъ этихъ порожденныхъ имъ индивидуальностей, которыя впиваются въ въ него и часто ведутъ паразитарный образъ жизни, питаясь жизненнымъ вихремъ породившаго ихъ слабаго человѣка, изсушая, разслабляя и извращая умъ и сердце этого несчастнаго.

Эти призрачныя индивидуальности—фантомы мысли, воли и чувства—отдѣлясь отъ породившаго ихъ человѣка, выступаютъ за грани проявленнаго видимаго міра. Обычная ихъ судьба: израсхо-

довать вложенный въ нихъ запасъ жизненной и психической энергіи и затѣмъ растаять, исчезнуть и обратиться въ матеріалъ, который впослѣдствіи будетъ усвоенъ другимъ разумомъ или вовлеченъ въ другой жизненный вихрь.

Однако въ тѣхъ случаяхъ когда эти фантомы, если они достаточно устойчивы, сталкиваются съ ослабѣвающими, близкими къ угасанію жизненными вихрями развоплощенныхъ разумовъ, они, эти фантомы, могутъ докончить дѣло окончательнаго разрушенія ослабѣвшихъ жизненныхъ вихрей. И не только они угашаютъ ихъ окончательно, но и втягиваютъ въ себя, становясь черезъ то болѣе сильными, чѣмъ были прежде. Очень часто они достигаютъ такимъ путемъ значительной силы и живутъ очень продолжительный срокъ.

При такой жизни они вступаютъ въ борьбу между собою; конечно, при этомъ побѣждаютъ и оказываются сильнѣйшими въ концѣ концовъ лишь тѣ, которые находятся въ созвучіи съ законами вселенской эволюціи сознанія, съ принципами солидарности и всеединства всего живого и всего сознательнаго.

Вотъ мистическая изнанка того, что принято называть эволюціею идей, борьбою идей, духомъ времени, вліяніемъ идей сильныхъ умовъ, національнымъ самосознаніемъ и т. п.

Возвратимся въ послѣсмертному состоянію развоплощенныхъ разумовъ, отшедшихъ отъ земли.

Всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ побужденія сердца и движенія души, которыя могутъ имъ дать и даютъ воплощенные разумы—люди, идутъ за отшедшими за грани мрака и угасанія, отыскиваютъ ихъ и сливаются съ ними, какъ органически и по праву имъ принадлежащія. Симпатическія мысли и чувства любви и воспоминанія объ отшедшихъ сливаются съ ними и поддерживаютъ ихъ жизнь; злобныя и отрицательныя мысли-вихри разрушаютъ вихри развоплощенныхъ разумовъ и способствуютъ ихъ скорѣйшему угасанію.

Ассимилируя симпатическія имъ мысли-вихри, развоплощенные разумы, какъ сказано, могутъ не только пріостановиться въ процессѣ угасанія и распада, но наоборотъ могутъ получить такую жизненную и умственную потенцію, которая значительно превыситъ таковую же принадлежавшую имъ при жизни. Слѣдовательно, личность послѣ смерти можетъ не только умаляться, но и расти. Подобно тому, какъ въ жизненной борьбѣ устаиваютъ и выживаютъ вихри лишь немногіе, такъ и тамъ, за предѣлами проявленнаго матеріальнаго міра, выживаютъ и дѣлаются способными къ дальнѣйшему прогрессу лишь немногіе разумы.

На землѣ борьба за существованіе ведется за индивидуальное бытіе, принципъ же космической солидарности выражается лишь

тусклымъ отблескомъ въ видѣ инстинкта продолженія рода и моральныхъ системъ разныхъ религій. За предѣлами земного бытія личность, сбрасывая съ себя матерію, составлявшую часть ея жизненнаго вихря, вступаетъ въ соприкосновеніе съ множествомъ такихъ же вихрей и начинаетъ понимать, что истинное сохраненіе жизни и разума во вселенной заключается въ ростѣ и развитіи личности, но не какъ самодовлѣющей единицы, а лишь какъ аккумулятора, сгустителя и генератора все новой и новой потенціи жизни и сознанія.

Итакъ, лозунгъ великой космической борьбы и въ то же время великаго космическаго братства и солидарности—увеличеніе суммы жизни и сознанія во вселенной.

Жизнь и сознаніе едины на всѣхъ ступеняхъ творенія, во всѣхъ сферахъ и состояніяхъ бытія. Въ силу этого руководящимъ принципомъ великой борьбы за существованіе должно быть отсѣченіе индивидуальности и проведеніе полнаго соприкосновенія и сліянія всѣхъ жизней, всѣхъ сознаній до состоянія единаго мыслящаго, чувствующаго и живущаго организма.

Но какъ въ организмѣ есть различные органы, различнаго порядка, есть строгая іерархія жизни, стремящейся найти наивысшее свое выраженіе въ органѣ сознанія, такъ и въ космическомъ тѣлѣ сознанія личныя должны стремиться къ такой же общей созидательной работѣ одного Высшаго Сознанія, могущаго быть высшимъ воплощеніемъ высшей жизни и разума.

Слѣдовательно, солидарность вселенская состоитъ въ томъ, чтобы признавать себя индивидуальностью лишь настолько, насколько цѣлость и благо остальныхъ индивидуальностей этимъ не нарушается. Это — съ одной стороны; а съ другой — индивидуальность должна ясно и отчетливо сознать себя служебною частью цѣлаго, ибо только въ этомъ служебномъ отношеніи индивидуальность и можетъ разсчитывать на свое сохраненіе. Наилучшее приспособленіе къ этимъ принципамъ—гарантія вѣчной жизни. Выживутъ лишь тѣ, которые ими проникнутся и будутъ руководиться ими. Это слѣдующая фаза эволюціи. Это высшая мораль, завѣтъ высшей любви, о которой Христосъ говорилъ: „люби ближняго какъ самого себя“, ибо ближній твой воистину есть ты же и никто другой. Это не метафора, не красивая фраза, а реальный фактъ; высшій законъ жизни и эволюціи.

Послѣ сказаннаго о развоплощенныхъ разумахъ или, что тоже, о личностяхъ, пережившихъ свою тѣлесную смерть и получившихъ возможность существовать нѣкоторое время около проявленнаго міра, вблизи отъ оставленныхъ ими на землѣ родныхъ и друзей,

для насъ уже не должна казаться странною вѣра первобытнаго человѣчества въ безсмертныхъ предковъ, въ духовъ покровителей племени, въ героевъ, полубоговъ и боговъ.

Всѣ эти вѣрованія имѣютъ подъ собою почвою именно этотъ инстиктивно чувствуемый всѣмъ человѣчествомъ законъ жизни, законъ солидарности всего живого и солидарности между разумами воплощенными и развоплощенными.

Идеи возникаютъ, борются и умираютъ, исчерпавъ весь циклъ истекающихъ изъ нихъ логическихъ слѣдствій. Чувства, жизни, сознанія, мысли вспыхиваютъ, борются другъ съ другомъ и исчезаютъ какъ волны на морѣ, истративъ весь запасъ унесенной ими съ собой потенціи. Борьба эта совершается какъ въ мірѣ матеріальномъ, въ мірѣ проявленнаго бытія, такъ и за рубежемъ его, въ мірѣ бытія непроявленнаго.

Идеи многобожія, вытекающія изъ фактовъ вторженія развоплощенныхъ разумовъ въ міръ воплощенныхъ, постепенно вытѣсняются идеями единобожія, покоящимися на инстинктѣ вселенской солидарности единой жизни единаго сознанія.

Идеи эгоизма и чрезмѣрнаго утвержденія личности постепенно смѣняются новыми, въ которыхъ все болѣе и болѣе отражаются законы альтруизма и вселенскаго всеединства жизни и сознанія. Это—результаты великой борьбы идей, порождаемыхъ сознаніемъ, и всюду *въ концѣ концовъ* побѣждаютъ и побѣдятъ идеи, покоящіяся на принципѣ всеединства жизни и сознанія, на принципѣ отсѣченія эгоизма и утвержденія всеобщаго братства.

Сильная личность, отрѣшившись отъ сопутствующей ей на землѣ матеріи, вступаетъ за рубежъ проявленнаго бытія и, находясь тамъ, вліяетъ на оставшихся на землѣ родныхъ и близкихъ. Передъ нею развертываются два ряда причинностей, вліяющихъ на земную жизнь. Первый рядъ—дѣла, мысли и желанія воплощенныхъ, вытекающія изъ законовъ матеріальнаго міра и въ немъ реализуемыя непосредственно. Второй рядъ—мысли, желанія и дѣла, отходящія отъ воплощенныхъ въ видѣ призрачныхъ индивидуальностей (формы, вихри), которыя, переходя за рубежъ проявленнаго міра, дѣйствуютъ на него уже изъ-за рубежа отраженнымъ образомъ. И хотя онѣ призрачныя индивидуальности, тѣмъ не менѣе онѣ реальныя сущности и дѣйствіе ихъ или полезно, или губительно для воплощенныхъ.

Побѣждая и преобразовывая эти призрачныя индивидуальности—такъ сказать, втягивая ихъ въ себя—развоплощенный разумъ ассимилируетъ ихъ потенціи и путемъ такого процесса получаетъ возможность къ дальнѣйшей жизни и къ вліянію на воплощенныхъ и

на окружающій ихъ міръ чувствъ и желаній. Приходя въ непосредственное соприкосновеніе съ міромъ причинностей второго порядка, развоплощенный видитъ ихъ большее число, чѣмъ тѣлесный человѣкъ, и въ этомъ процессѣ созерцанія какъ бы становится внѣ условій времени и пространства. Отсюда возможность для него влiять на оставшихся родичей и друзей въ смыслѣ предупрежденія ихъ отъ опасностей, предвѣщанія нѣкоторыхъ грядущихъ событій, сѣмена которыхъ они иногда ясно видятъ въ причинностяхъ внѣземныхъ. Наконецъ, развоплощенные разумы могутъ съ одной стороны влiять на живущихъ въ смыслѣ побужденія ихъ къ тому или другому поступку, выгодному для даннаго лица, семьи, рода и города, съ другой стороны, они могутъ собственною силою погашать зарождающіеся вокругъ людей отдѣляющіеся отъ нихъ злые и неблагопріятные вихри ихъ чувствъ, желаній и мыслей.

Чѣмъ съ большимъ довѣріемъ, упованіемъ, дружбою и любовью относятся воплощенные къ памяти отшедшаго отъ нихъ сильнаго разума, тѣмъ быстрѣе нарастаетъ сила и могущество послѣдняго, тѣмъ замѣтнѣе его благодѣтельное вліяніе на родныхъ, на семью, на друзей и послѣдователей и тѣмъ шире дѣлается сфера его вліянія на земной тѣлесный міръ; чѣмъ болѣе растетъ могущество безплотной личности и сила ея, тѣмъ большее и большее количество причинностей познаетъ она въ мірѣ непроявленномъ, т. е. тѣмъ болѣе знаетъ и понимаетъ изнанку вещей земныхъ и ихъ сущность.

Признанный всенародно покровителемъ семьи предокъ, вліяніе котораго расширилось и признано и другими вѣтвями этой семьи, дѣйствительно становится могучимъ защитникомъ этой группы семей, послѣ чего становится покровителемъ племени, группы родственныхъ племенъ и въ концѣ концовъ вырастаетъ, какъ въ благодарной памяти своихъ потомковъ, такъ и реально, до степени богоподобной безсмертной личности, хранящей завѣты и духъ націи и оберегающей ее на путяхъ земной борьбы и земной эволюціи.

Въ древности родовые боги и племенные, а затѣмъ и государственные, затѣмъ великіе учители, пророки и святые, а въ наше время знаменитые моралисты, философы и ученые, господствующіе надъ мыслью и чувствами своихъ современниковъ—вотъ предѣлы, до которыхъ можетъ развиться развоплощенный разумъ и оказать свое вліяніе на земное человѣчество. Это безсмертіе, которое уготовано натурамъ, правильно понявшимъ законъ вселенской солидарности, законъ всеединства жизни и сознанія—законъ любви и братства.

Развоплощенные разумы, развившіе свою мощь до степени племенныхъ или національныхъ руководителей, при соприкосновеніи

другъ къ другу или сливаютъ свои вліянія, или же становятъ ихъ въ оппозицію другъ къ другу, въ зависимости отъ того, насколько полно и глубоко сознали они законъ вселенской любви и солидарности и всеединства жизни и сознанія.

Прежде, когда родъ человѣческій не покрывалъ еще такъ густо лица земли и когда пути сообщенія между людьми были несовершенны, націи и племена оставались подолгу прикрѣпленными къ одной и той же территоріи, не оказывая другъ на друга замѣтнаго вліянія и ведя изолированную духовную жизнь.

Въ этой изолированности умственная жизнь націи замыкалась въ ограниченномъ кругу идей и представленій, которыя носили характеръ чисто мѣстный и имѣли значеніе исключительно лишь для данной націи или для даннаго племени.

Вмѣстѣ съ племенемъ, параллельно съ ростомъ его духовнаго самосознанія, крѣпли и выростали разумы отшедшихъ развоплощенныхъ родоначальниковъ. Одновременно съ тѣмъ возрастали они и въ количествѣ, которое пополнялось все новыми развоплощенными разумами отшедшихъ отъ земли пророковъ, учителей, философовъ, основателями сектъ и племенныхъ культовъ и религій.

Всѣ такіе развоплощенные разумы образуютъ своеобразный Олимпъ, сложную іерархію народныхъ боговъ, хранителей націи, святыхъ и пророковъ, различающихся другъ отъ друга своими знаніями, силою и могуществомъ.

Совмѣстными усиліями воплощенныхъ и этихъ безплотныхъ „боговъ“ и руководителей націи и племена двигаются по пути прогресса, какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго.

Впослѣдствіи по мѣрѣ своего возрастанія націи входятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, затѣмъ вступаютъ въ борьбу экономическую и политическую.

Результатомъ этого является смѣшеніе и синтезъ національныхъ идей и вѣрованій; смѣшеніе боговъ, гибель части ихъ и образованіе новаго Олимпа—новой іерархіи духовъ-хранителей и боговъ вновь образованной политической организаціи.

Не всегда такая механическая смѣсь націй принимала характеръ той, которая была сильнѣе физически. Часто, очень часто, болѣе могущественная нація, поработившая болѣе слабую, воспринимала религію, характеръ, привычки и идеалы побѣжденной слабѣйшей націи. Это обозначало то, что сфера идей, окружавшихъ побѣжденную націю, еще не исчерпала всѣхъ заложенныхъ въ ней потенцій и логическихъ послѣдствій, что отшедшіе разумы, охранявшіе націю, оказались болѣе духовно-могущественными и стоящими на болѣе высокой ступени развитія и, наконецъ, то, что духъ націи, общая совокупность идей ея и сумма познаній ея безплотныхъ хранителей

превышала своею внутреннею мощью тѣ же факторы у націи побѣдившей.

Но въ общемъ, какъ сказано выше, всегда въ концѣ концовъ побѣждаютъ идеи и духъ націи, основанныя на принципахъ всеединства жизни и сознанія на землѣ. Въ силу этого должны были пасть культы и религіи многобожія, религіи же единобожія и народы, исповѣдывавшіе ихъ, должны были уцѣлѣть. Язычество всѣхъ видовъ дѣйствительно вымираетъ, и остаются главнѣйшія религіи: буддизмъ, мусульманство, христіанство и юдаизмъ.

Еврейство поразительнѣйшее явленіе на аренѣ всемірной исторіи. Воспринявъ идею чистаго единобожія еще на зарѣ своей жизни, евреи культивировали эту идею, развили ее, сдѣлали національною и—благодаря тѣсному завѣту съ своимъ богомъ и со своими національными развоплощенными разумами руководителями, доросшими до необыкновенно колоссальныхъ размѣровъ—до сего времени не утратили еще своей національной самобытности и физіономіи. Однако часы этой націи сочтены фатально.

Таковымъ же является и мусульманство. И оно какъ и еврейство исчерпало всю силу своихъ религіозныхъ и философскихъ идей. Религіи узкаго націонализма уже не соотвѣтствуютъ теперь времени, такъ какъ ни одна нація не имѣетъ теперь возможности замкнуться въ узкихъ предѣлахъ своей территоріи; ни одинъ народъ не можетъ замкнуться въ кругу чисто національныхъ обособленныхъ идей. Ростъ населенія и улучшающіеся пути сообщенія заставляютъ національные массивы смѣшиваться между собою; при этомъ постоянно происходитъ аналитическая и синтезирующая работа мысли, которая разъѣдаетъ концепціи замкнутаго націонализма и все болѣе и болѣе готовитъ почву для осуществленія идеаловъ универсальнаго человѣческаго братства и всеединства.

Итакъ вмѣстѣ съ націями, вмѣстѣ съ разрушеніемъ ихъ духа, разрушаются и распадаются и ихъ развоплощенные разумы-руководители, которые или прекращаютъ свое существованіе, или вступаютъ въ союзы или вѣрнѣе въ со-бытіе съ другими такими же личностями.

Въ такомъ со-бытіи нѣсколькихъ развоплощенныхъ разумовъ кристаллизуются и образуются какъ бы коллективныя личности, значительно превышающія своимъ могуществомъ племенныхъ и національныхъ боговъ. Эти коллективныя личности суть высшіе носители жизни и сознанія въ природѣ и въ настоящее время направители ея общаго эволюціоннаго развитія.

Въ силу того, что онѣ суть очаги и колоссальные вихри свѣта высшаго разума, онѣ втягиваютъ въ себя всѣ мелкіе частные вихри и являются настолько устойчивыми, что мы въ предѣлахъ

нашихъ земныхъ представленій должны ихъ считать реально безсмертными.

Высшая цѣль бытія каждой отдѣльной индивидуальности, высшій смыслъ и счастіе личной жизни—войти составною разумною частью въ эти вселенскіе очаги жизни и сознанія и оттуда вмѣстѣ съ ними способствовать дальнѣйшему прогрессу вселенной, дальнѣйшей побѣдѣ силы надъ матеріей, жизни надъ бездушною силой и способствовать господству сознанія надъ жизнью.

Какова же задача на землѣ человѣка? Она только что указана: 1) союзъ съ отшедшими разумами, 2) построеніе того, что въ нашихъ обычныхъ концепціяхъ мы понимаемъ подъ первопричиной, т.-е. того, что надо называть божественнымъ всеединымъ вселенскимъ очагомъ жизни сознанія и разума, и 3) созданіе дѣйствительнаго безсмертія—разумнаго, сознательнаго . . . .
. . . .

Есть высоты, на которыя и теперь уже иногда поднимается мысль воплощенныхъ разумовъ. На ряду съ гигантскими вихрями свѣта развоплощенныхъ разумовъ, пребывающихъ за предѣлами проявленнаго міра, есть и на землѣ очаги сознанія, горящіе яркимъ и иногда прямо ослѣпительнымъ для обыкновенныхъ глазъ свѣтомъ. Черезъ тысячелѣтія и вѣка тянутся традиціи отважныхъ разумовъ, поставленныхъ при жизни на землѣ въ счастливыя условія. Въ тиши эзотерическихъ общинъ и коллегій эти традиціи идутъ и растутъ изъ поколѣнія въ поколѣнія, пополняемыя трудами высокихъ и свѣтлыхъ умовъ, работа которыхъ зачастую и большею частью проходитъ подъ вліяніемъ и при близкомъ содѣйствіи разумовъ развоплощенныхъ.

Эти традиціи уже и въ настоящее время опередили на нѣсколько вѣковъ нашу цивилизацію и культуру; но вынести ихъ на всеобщее обсужденіе значитъ вынести такой очагъ свѣта, который многихъ ослѣпитъ къ истинамъ повседневной жизни и въ неопытныхъ рукахъ произведетъ страшный разрушительный пожаръ.

Эти традиціи и истины, въ нихъ заключенныя, открываются лишь постепенно и въ подходящее для нихъ время; до этого же времени такія истины хранятся въ умахъ немногихъ ихъ воспринимающихъ и оказываютъ могущественное воздѣйствіе за предѣлами проявленнаго міра на разумы развоплощенные, давая имъ силу и жизнь для безсмертія.

Въ этихъ эзотерическихъ общинахъ адепты ихъ живутъ въ непрестанномъ общеніи съ отшедшими своими учителями и, поучаясь отъ нихъ, въ свою очередь даютъ силу жизни, какъ своимъ дыханіемъ и мыслью, такъ и тѣми ритуалами и операціями, которые

даютъ способы освобождать динамическія невѣсомыя субстанціи изъ грубой земной матеріи, идущія опять-таки на усиленія жизни отшедшихъ адептовъ.

Высшіе адепты, освободившись отъ узъ земного тѣла, часто воплощаются временно въ тѣла своихъ учениковъ и, сохраняя всю ясность потусторонняго прозрѣнія, даютъ своимъ воплощеннымъ собратьямъ ряды откровеній изъ прошлаго и будущаго, указывая судьбы человѣчества и отдѣльныхъ лицъ или же давая новыя формулы пониманія жизни и отношенія воплощенныхъ разумовъ къ задачамъ и цѣлямъ бытія . . . .
. . . .

Еще одно слово о той великой вселенской борьбѣ мрака и свѣта, добра и зла, смерти и жизни, сознанія и безсознательности, которою проникнуто все бытіе и въ которой принимаетъ дѣятельное непрестанное участіе какъ воплощенное человѣчество, такъ и развоплощенные разумы, по переходѣ ихъ за рубежъ проявленнаго міра.

Цѣль этой великой борьбы—конечное торжество Добра, Любви и Свѣта и побѣда жизни надъ смертью, сознанія надъ безсознательностью, всеединства надъ обособленностью и эгоизмомъ.

Разумы участвуютъ въ этой борьбѣ и непосредственно и косвенно — путемъ отдѣляющихся отъ нихъ преходящихъ вихрей (фантомовъ мысли и чувства), о которыхъ говорилось выше.

Указано было, что большинство этихъ фантомовъ могутъ создавать, какъ вокругъ отдѣльнаго лица, такъ и вокругъ цѣлыхъ общинъ и народовъ, духовную среду—„ауру“. Въ ней, въ этой аурѣ, наиболѣе устойчивыми окажутся въ концѣ концовъ идеи всеединой любви и всеединаго сознанія; однако временно, и иногда на очень длительные сроки, въ аурѣ могутъ получить преобладаніе идеи эгоизма обособленія; въ такомъ случаѣ онѣ и будутъ составлять духъ общества, духъ даннаго народа.

Этимъ идеямъ и этому духу фатальнымъ образомъ подчиняются въ такомъ случаѣ и развоплощенные разумы

Духъ національнаго обособленія, ненавистничества и превозношенія возникаетъ всегда тамъ, гдѣ идея всеединства жизни и сознанія не проникла еще въ народныя массы, въ ихъ мораль и религію, хотя бы въ видѣ только глухого инстинкта; или же наконецъ тамъ, гдѣ идеи всеединства, хотя и преобладали ранѣе, но потомъ временно начали угасать.

Первое случается всегда на зарѣ исторической жизни почти каждаго народа, въ періодъ, когда кристаллизуется нація и ея само-

сознаніе. Второе знаменуетъ собою преобладаніе злыхъ истинктовъ въ отдѣльныхъ членахъ народа и почти всегда является признакомъ духовной немощи націи, истощенія ея ауры. Народъ, который при высокой культурѣ забылъ завѣты единобожія или провозгласилъ законъ борьбы каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго, духовно уже мертвъ, дни его исторической жизни сочтены и дальнѣйшая судьба его—обращеніе въ простой этнографическій матеріалъ для сложенія другихъ національностей. Это старость народа, растратившаго свои духовныя силы.

Обязанность адептовъ и посвященныхъ и простыхъ лицъ, въ которыхъ пробудился инстинктъ великаго вселенскаго всеединства, сплотиться вмѣстѣ, образовать замкнутый сильный вихрь для огражденія этой идеи и сдѣлать этотъ вихрь горящимъ защищеннымъ очагомъ, который рано или поздно долженъ разгорѣться лучезарнымъ пламенемъ и охватить собою и поглотить вихри эгоизма и обособленности. Мало того: необходимъ тѣсный союзъ съ отходящими отъ земли выдающимися разумами, дабы оградить ихъ отъ распада, дать имъ твердую базу для ихъ роста и безсмертія. Эзотерическій вихрь идей воплощенныхъ разумовъ въ свою очередь получитъ поддержку, развитіе и очищеніе отъ развоплощенныхъ разумовъ; сдѣлается сверкающею одеждою этихъ послѣднихъ; а изъ нихъ выкристаллизуются наши будущіе Вдохновители, Хранители и Вожди на пути дальнѣйшаго прогресса. Ихъ невидимымъ и животворнымъ вліяніемъ будемъ мы сильны въ будущемъ и ихъ и нашею совмѣстною работой сдѣлаемся мы богоподобными.

Если нѣсколько расширить и довести до конца это великое эзотерическое положеніе, то въ дальнѣйшемъ мы увидимъ союзы или вѣрнѣе со-бытіе этихъ великихъ вождей, какъ бы сліяніе ихъ въ одну коллективную личность, и какъ результатъ этого—единое стадо и единаго пастыря на землѣ.

Это сліяніе развоплощенныхъ разумовъ-руководителей должно совершаться дотолѣ, пока не вспыхнетъ надъ землею одинъ колоссальный очагъ сознанія и жизни и не привлечетъ къ себѣ все живущее въ лоно сознанія и вѣчнаго свѣта, послѣ чего уже всѣ мы будемъ безсмертны и, преобразовавши все неживое нашей земли въ жизнь и въ сознаніе, сдѣлаемъ Руководителя нашей земли богоподобнымъ и сами сдѣлаемся просвѣтленными и богоподобными.

Вотъ великая эзотерическая истина, которая, съ разрѣшенія Великихъ Братьевъ Евангелиста Іоанна и возродившагося Креста Розы на Востокѣ Азіи, нынѣ въ первый разъ открывается непосвя-

щеннымъ. Она открыта не вся, но посвященные могутъ теперь и сами добавить недостающія звенья и закончить зданіе, каждый по степени своего духовнаго роста.

Непосвященнымъ же и слабымъ духомъ да будетъ извѣстно, что изо ста положеній этого ученія не менѣе девяноста могутъ они найти въ Библіи и въ Евангеліи, которыя подтверждаютъ сказанное.

Отголоски и отсвѣты, аналогіи и начатки этого ученія заложены во всѣхъ великихъ системахъ: Будда и Магометъ; Лао-Тзы и Зороастръ; Веды и Христіанство; оккультическія традиціи и современная свѣтская теософія; мыслители и поэты; современный спиритуализмъ и психизмъ и современное матеріалистическое естествознаніе—всѣ они вольно или невольно, сознательно или безсознательно черпали изъ океана этой необъятной традиціи, которая возникла съ первымъ появленіемъ жизни на землѣ и которая должна быть безсмертнымъ солнцемъ вѣчной и всеединой жизни и сознанія.

Итакъ: матерія едина; Единая Матерія должна быть побѣждена единою силой; Единая Сила должна быть побѣждена единою жизнью; Единая Жизнь должна быть побѣждена единою мыслью и сочетаться съ нею; Единая Жизнь и Мысль должны быть подчинены Единому Сознанію и озарены свѣтомъ Высшей Всеединой Любви.

Вотъ священное всеединство вселенской Пентаграммы, имя которой Разумъ, она же Логосъ, она же Любовь.

Миръ вамъ, братья и сестры,

и привѣтъ съ Востока далекой Азіи.

„Золотая цѣпь Гомера“.

Пособіе, необходимое при изученіи литературы Гермеса.

Д-ра Медицины Ф. Маакъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго г. Е. Н. Гельфрейхъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы имѣемъ дѣло здѣсь съ знаменитой, или, скорѣе, съ бывшею знаменитою книгой: „Aurea Catena Homeri“. Теперь она лежитъ забытая и погребенная подъ тысячелѣтней пылью библіотекъ. Когда-то многіе и многіе читали ее и изучали; лучшіе умы своего времени, напримѣръ Гете, черпали тьму возвышенныхъ мыслей въ „Кольцѣ Платона“—„Annulus Platonis“ (такъ гласитъ другое заглавіе этого произведенія).

Съ Неба нисходитъ
И въ Небо возносится
И, вѣчно мѣняяся,
Снова нисходитъ
Обратно къ землѣ.

Вотъ квинтъ-эссенція „Высшаго и Низшаго Гермеса“—Superius et Inferius Hermetis, таково третье названіе этой книги. Мысль, что все сотворенное крѣпкою цѣпью соединено одно съ другимъ, что таинственное глубокое соотношеніе проникаетъ всю природу, что все въ тѣсной зависимости и связи, а также мысль, что это скрытое соотношеніе выражается въ формѣ вѣчно смѣняющагося кругового обращенія—„вверхъ и „внизъ“, „впередъ“ и „назадъ“—эта можетъ быть, фантастическая“—идея двойственности, по признанію Гете, особенно плѣнила его въ Aurea Catena Homeri. Вотъ эта-то величественная натуръ-философская идея названной книги и привлекала къ ней читателей въ теченіе столѣтія.

Теперь, какъ уже сказано, книга давно забыта, но идеи ея невидимо живутъ въ нашемъ міровоззрѣніи. Однако, этотъ философскій драгоцѣнный камень, это сокровище, попадаетъ въ руки только тому, кто изучаетъ „искусство Гермеса"; только прилежому искателю онъ освѣщаетъ потемки. И дѣйствительно только истинный „художникъ" не пожалѣетъ времени и труда, вникая въ глубокій смыслъ этого произведенія. „Дверь отперта, входи же, другъ!" И въ самомъ дѣлѣ: кто взойдетъ во дворецъ этой книги, и не слегка только, а внимательно осмотритъ дворецъ, тотъ пройдетъ, въ концѣ концовъ, „черезъ всѣ двери къ царственному ложу нагой королевы".

Здѣсь же онъ встрѣтитъ и короля природы, испытывающаго сердца и почки—„qui scrutatur corda et renes". И оба—король и королева—откроютъ ему духъ того времени, когда образовалась *цѣпь*. Этотъ духъ какъ животное сѣмя оплодотворитъ его умъ и дастъ ему пониманіе мистико-алхимическихъ писаній того времени.

„Затѣмъ я приступаю къ дѣлу и передаю вамъ, уважаемые братья, сочиненіе, которое по своему внутреннему достоинству смѣло можетъ быть рекомендовано, какъ классическое пособіе для закладки основныхъ понятій науки; писатели старыхъ и новыхъ временъ на разные лады разрабатывали основныя идеи этой книги".

Такъ говорится въ предисловіи Розенкрейцерскаго изданія „Золотой цѣпи Гомера" 1781 года. Здѣсь мы не можемъ повторить слово за слово все это произведеніе,—мы хотѣли бы,—хотя и не вполнѣ соглашаясь со многими положеніями особенно въ деталяхъ—только представить и показать, какимъ духомъ Правды и какою Силой убѣжденія одушевлена была эта книга, писанная за 200 лѣтъ до нашего времени. Можетъ-быть, это подастъ охоту комун-ибудь изъ любителей наукъ Гермеса, проникнуть въ оригиналъ. Тогда онъ признаетъ, какъ много въ немъ заложено было матеріала, вызвавшаго быстрое движеніе впередъ послѣднихъ двухъ столѣтій, въ отношеніи отдѣльныхъ вопросовъ, при чемъ такъ мало было сдѣлано для разгадки общихъ вопросовъ о природѣ и о человѣкѣ. Въ общихъ же вопросахъ мы остаемся все на томъ же мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе мы не чувствуемъ ни малѣйшей склонности умалить труды автора „Aurea Catena Homeri".

ВВЕДЕНІЕ.

Объ авторѣ и объ изданіяхъ „Золотой цѣпи Гомера“.

Кто собственно авторъ напечатанной впервые въ 1723 году, а раньше распространявшейся въ рукописи „Золотой цѣпи Гомера“— это долго оставалось неизвѣстнымъ—среди профановъ, надо прибавить. „Посвященные“, конечно, знали! Однимъ изъ такихъ былъ Рудольфъ-Іоганнъ Фридрихъ Шмидтъ, родившійся въ 1702 году въ Целле и умершій въ 1761 г. въ Копенгагенѣ, д-ръ медицины, практикантъ и алхимикъ въ Гамбургѣ, надворный совѣтникъ въ Гессенъ-Дармштадтѣ.

Объ этомъ Шмидтѣ, недостаточно оцѣненномъ историками алхиміи, появится вскорѣ большое научное изслѣдованіе, которое составлено послѣ всесторонняго изученія источниковъ, оставшихся послѣ Шмидта и завѣщанныхъ имъ Гамбургской библіотекѣ: они заключаются въ рукописяхъ его и въ книгахъ по алхиміи и медицинѣ. Среди нихъ есть и Aurea Catena Homeri въ Лейпцигскомъ изданіи 1738 года. Шмидтъ былъ хорошо знакомъ съ этой книгой, которая оказала немалое вліяніе на его сочиненіе: „Enchiridion Alchymico-Physicum sive Disquisitio de Menstruis Universalibus vel Liquoribus Alchahestinis Philosophorum“... Jenae, 1739, т.-е. „Алхимико-физическое руководство или изысканіе объ міровомъ растворяющемъ веществѣ или философическомъ Алькаэстѣ“.

У Шмидта была привычка писать на поляхъ своей книги примѣчанія, весьма драгоцѣнныя для насъ. Свой карманный экземпляръ „Золотой цѣпи“ онъ тоже испестрилъ примѣчаніями, а на первой страницѣ написалъ: „Докторъ Киршвегеръ изъ Штейермарка призналъ себя авторомъ „Золотой цѣпи“.

Изъ всѣхъ библіографовъ-изслѣдователей никто такъ не обрадовался этому примѣчанію (1738 или 1739 года), какъ Германъ Коппъ, заслуженный историкъ алхиміи. Коппъ въ своей собственной „Золотой цѣпи“ приходитъ къ тому же заключенію, что врачъ Антонъ-Іосифъ Киршвегеръ фонъ-Форшенбронъ (умершій 8 февраля 1745 года въ Гмунденѣ, въ Верхней Австріи, королевскій имперскій совѣтникъ и физикъ) былъ настоящимъ авторомъ этой книги. Коппъ вывелъ это заключеніе изъ появившагося въ Вѣнѣ въ 1786 (!) году рукописнаго каталога.

Помимо этого существуетъ еще другая книга того же Киршвегера „*Microscopium Basilii Valentini*“ (Берлинъ 1790), гдѣ онъ десятки разъ ссылается на свою „Aurea Catena“, а также упоминаетъ о другомъ своемъ сочиненіи. „*Ars Senum seu Pandora redux*“. Но эта послѣдняя книга осталась неизвѣстной никому изъ литературно-историческихъ изслѣдователей въ этой области.

„Aurea Catena Homeri“ распадается на *двѣ части*. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ добавлена еще *третья часть* (De transmutatione metallorum). Но такъ какъ она исходитъ не отъ Киршвегера, то мы не станемъ ее разсматривать, несмотря на увѣренія автора ея, что въ третьей части мы найдемъ „больше свѣта, чѣмъ въ двухъ первыхъ“.

Итакъ, первое изданіе A. C. H. относится къ 1723 году; оно безъ подписи. Озаглавлено такъ: „Aurea catena Homeri“ или—Описаніе первопричины происхожденія природы и всѣхъ естественныхъ вещей, какъ и изъ чего онѣ родились; выяснено также, какъ разрушена была первоначальная ихъ сущность, а также, что такое то, отъ чего все рождается и все разрушается; всѣ заключенія сдѣланы благодаря изученію природы и объяснены самымъ нагляднымъ образомъ, снабжены вездѣ лучшими объясненіями ихъ происхожденія и причинъ. Если вамъ не понятно земное, то какъ хотите вы понять небесное? Франкфуртъ и Лейпцигъ, изданіе Іоганна-Георга Беме 1723 года“.

Есть двѣ серіи изданія 1723 года, разнящіяся между собой (по словамъ Коппа) только заглавными буквами и другими украшеніями. Слѣдуютъ затѣмъ изданія:

1728. Франкфуртъ и Лейпцигъ.

1738. „ „ „

1738. Лейпцигъ (Коппу неизвѣстное, но находящееся въ Гамбургской городской библіотекѣ).

1754 Іена (по Коппу сомнительное).

1757. Іена.

1759. Вѣна (по Коппу сомнительное).

1762. Франкфуртъ и Лейпцигъ (латинское изданіе доктора медицины Людовика Фаврата).

1763. Франкфуртъ и Лейпцигъ (Латинское изданіе Фаврата, неизвѣстное Коппу; находится въ Гамбургской городской библіотекѣ).

1771. Берлинъ (Annulus Platonis, оспариваемое Коппомъ).

1781. Берлинъ и Лейпцигъ (Annulus Platonis).

Послѣднее появившееся розенкрейцерское изданіе носитъ слѣдующее названіе: „Annulus Platonis“ или „Физико-химическое объ-

ясненіе природы, ея происхожденія, жизни и разрушенія, сдѣланное обществомъ истинныхъ изслѣдователей природы, наново исправленное и снабженное многими важными примѣчаніями. Берлинъ и Лейпцигъ, у Георга-Якова Декера. 1781". За вышеуказаннымъ предисловіемъ—Phlebochron—слѣдуетъ „Указатель главъ" и затѣмъ 1) изображеніе и поэтическое описаніе „Abyssi Duplicatae", т.-е. двойной преходящей и стоящей пропасти; 2) изображеніе „Цѣпи" съ поэтическимъ объясненіемъ; 3) одно „примѣчаніе". Отъ напечатанія обѣихъ картинъ мы отказываемся, хотя въ нихъ не что иное, какъ то же, что и въ книгѣ, но ихъ художественно-словесная сложная постройка трудно передаваема въ общедоступной формѣ.

„Примѣчаніе" это гласитъ: „Это „Кольцо Платона" будетъ изложено ясно и поучительно въ нижеслѣдующихъ строкахъ и во всемъ сочиненіи. Повидимому, Платонъ заимствовалъ его изъ пиѳагорейскаго ученія, которое (не считая кое-какихъ плохихъ поученій его послѣдователей, не имѣющихъ ничего общаго съ Пиѳагоромъ) совершенно согласно съ Моисеевой и Гермесовой мудростью; послѣднее прекрасно доказали Робертъ Флуддъ и Генрихъ-Корнелій Агриппа,—оба извѣстные міровые ученые.

Три послѣднія книги о скрытой міровой мудрости (de philosophia occulta) очень хороши и были сочтены достойными перевода на французскій языкъ. Онѣ содержатъ объясненіе и расширеніе пиѳагорейскаго міротолкованія и Каббалы. Главное положеніе таково: *что въ природѣ несомнѣнно существуетъ извѣстное взаимоотношеніе и взаимодѣйствіе тайныхъ силъ*, изъ чего слѣдуетъ, что высшая сила при помощи низшихъ „магнитовъ" въ нескончаемомъ рядѣ испускаетъ лучи, распространяясь такимъ образомъ на весь внѣшній міръ; низшая же въ свою очередь стремится подняться къ высшей подобнымъ же путемъ. „Поэтому настоящій магъ—тотъ, кто понялъ магнетическія свойства всѣхъ видимыхъ тѣлъ и пользуется ими, чтобы обнаружить скрытыя свойства вещей".

Въ предисловіи нѣкій „Гервердъ" Фонъ-Форшенбрунъ, учитель медицины въ Кромау и сельскій врачъ въ Меренѣ, а также почтенный сочленъ нашего тайнаго Братства, въ которомъ онъ состоялъ подъ именемъ Гомера, выдается неточно и ошибочно за автора.

Былъ ли такой розенкрейцеръ съ орденскимъ именемъ „Гомеръ"—трудно установить. Во всякомъ случаѣ самое заглавіе книги: „Золотая цѣпь Гомера" дано не въ честь его, такъ же какъ и не въ

честь знаменитаго греческаго поэта. Прибавка слова „Гомера" къ названію золотой цѣпи указываетъ только на то, что со временъ Гомера золотая цѣпь стала *символомъ* того, что все въ природѣ связано между собою. Такимъ же символомъ служило и кольцо Платона.

Извѣстную аналогію съ *цѣпью* Гомера и *кольцами* Платона представляютъ, впрочемъ, и *круги* превортской ясновидящей. Безъ сомнѣнія, эти круги относятся скорѣе ко внутреннему духовному міру видѣнья, откуда они уже переносятся во внѣшній видимый міръ. Это не значитъ, что одни изъ нихъ принадлежатъ внутреннему, другіе—внѣшнему міру; нѣтъ—и тѣ и другіе сосуществуютъ въ обоихъ мірахъ; ибо міръ собственно одинъ, но состоитъ онъ изъ взаимоотношеній, смѣняющихся одно другимъ.

Ничто не существуетъ *отдѣльно*, каждая вещь служитъ звеномъ *въ цѣпи* и находится въ зависимости отъ другихъ. Очень удачно выражаетъ это Лассаль въ слѣдующихъ словахъ: „Глубокая философская идея лежитъ въ томъ, что никакое явленіе отдѣльно не можетъ быть познано; только лишь въ органической зависимости отъ происхожденія и направленія своего въ общей жизни духовнаго и физическаго міровъ можетъ быть опредѣлено истинное значеніе каждой вещи".

Изъ предисловія книги надо привести еще слѣдующія мѣста:

Авторъ показываетъ въ своемъ произведеніи такъ глубоко и убѣдительно настоящее происхожденіе вещей отъ общаго духа міра, что тотъ, кто не соглашается съ нимъ, самъ виновенъ въ своей слѣпотѣ. Но усердный искатель мудрости увидитъ здѣсь тотъ свѣтъ, который онъ напрасно искалъ въ другихъ философскихъ книгахъ. Ибо большинство мудрецовъ, какъ видимъ изъ опыта, противорѣчатъ другъ другу въ своихъ различныхъ системахъ. Большинство новѣйшихъ ученыхъ ничего не хотятъ слышать о духовныхъ сущностяхъ и все строятъ на законахъ механическаго движенія. Потому природа получается у нихъ искусственной; меньшинство сознаетъ, какъ безпочвенна такая постройка, но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ вскормившаго ихъ ученія и пуститься въ поиски за правдой, они попадаютъ въ западню схоластическихъ причудъ. *„Всѣ вещи и каждая сама по себѣ не что иное, какъ этотъ общій міровой духъ въ болѣе или менѣе прочномъ или сосредоточенномъ состояніи.* Но объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи полнѣе.

Обѣщанное въ „Золотой цѣпи" чистое ученіе о природѣ содержится въ знаменитой „Tabula smaragdina". Въ предисловіи о ней

сказано: „Нашъ трижды великій Гермесъ въ *своей смарагдовой таблицѣ, которая по праву заслуживаетъ названія высшей изъ нашихъ философскихъ символическихъ книгъ и библіи Гермесовыхъ наукъ*, представилъ въ маломъ объемѣ упомянутую систему истиннаго ученія о природѣ такъ основательно и богато, что сошелся въ своихъ основныхъ положеніяхъ съ самой великой изъ всѣхъ наукъ о мірѣ—съ ученіемъ Моисея".

Нашъ незабвенный авторъ избралъ это прекрасное древнее ученіе руководящею нитью своей и такъ ясно обрисовалъ его намъ въ своемъ „Кольцѣ Платона", что это послѣднее можно смѣло разсматривать, какъ комментарій къ „Смарагдовой таблицѣ Гермеса". Чтобы наши уважаемые и дорогіе братья всегда имѣли передъ глазами эту нить Аріадны и свѣряли бы съ ней положеніе нашего автора.... я привожу эти изреченія здѣсь.

Если мы отрекаемся отъ приведенія здѣсь всей смарагдовой таблицы, бывшей съ XIII столѣтія въ такомъ почетѣ у алхимиковъ и естественниковъ, то это дѣлается не безъ основанія; она по своей лапидарной сжатости просто непонятна и требуетъ пространнаго разбора, да и кромѣ того всѣ главныя мысли ея нашли прекрасное выраженіе въ „Aurea catena Homeri".

Кто скрывается подъ псевдонимомъ „Phlebochron" — мы не знаемъ. Извѣстно только, что оба новѣйшіе берлинскіе Розенкрейцера — Іоганнъ-Готфридъ Югель (1707—1786) и Іоганнъ-Христофоръ Вёльнеръ (1732—1800) издали эту книгу въ 1781 году, которая усердно читалась и толковалась всюду, особенно же въ Гамбургскомъ кружкѣ Розенкрейцеровъ.

Первое отдѣленіе.

Философскія аксіомы „Золотой цѣпи Гомера“

I.

„Все возникло изъ одной единой матеріи“, изъ одного первичнаго вещества, изъ одного корня, изъ одного основанія, изъ одного основного существа“.

Это первичное вещество, изъ котораго возникли всѣ отдѣльныя вещи, получало всевозможныя названія отъ разныхъ философовъ: панъ, хаосъ, гейль, шамаіимъ и др.

Нашъ милый почившій братъ Гомеръ называетъ эту общую матерію „хаотической жидкостью“: она, какъ мы сейчасъ увидимъ, состоитъ изъ двухъ началъ: изъ (активнаго) Духа и (пассивной) Воды. *Оба они неотдѣлимы одно отъ другого*, но составляетъ одно и всегда однимъ и пребудутъ, въ жидкомъ ли, въ сухомъ ли видѣ—безразлично. Ученіе нашего покойнаго брата даетъ идею *Монизма*. Его „субстанція“ представляетъ двустороннее вещество: „духъ“ и „жидкость“ (тѣло). Монистическая идея выступитъ во всей полнотѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ онъ говоритъ что „Богъ“ обратилъ свое Слово“ въ „паръ“, который, сгущаясь, образовалъ „хаотическую жидкость“. Это объясненіе вполнѣ совпадаетъ съ физико-химическимъ толкованіемъ происхожденія міра. „*Вмѣстѣ съ авторомъ мы въ разнообразіи и множественности міра видимъ единство.* Множественность — видима, открыта, феноменальна; единство — невидимо, скрыто (оккультно), трансцендентно.

II.

Каждая возникшая вещь заключаетъ въ себѣ свойства того, изъ чего она произошла. Такъ какъ все родилось изъ хаоса, какъ первоначальнаго вещества, то всѣ вещи заключаютъ въ себѣ этотъ хаосъ (хаотическую жидкость, первую матерію). Вотъ почему лучшіе мудрецы міра восклицаютъ: *наша матерія во всѣхъ вещахъ этого*

міра; во всѣхъ вещахъ вокругъ и около насъ—куда ни упадетъ взоръ; мы прикасаемся къ ней ежеминутно, попираемъ ее ногами, вдыхаемъ ее и обоняемъ. По объ этомъ мы упоминаемъ вскользь такъ какъ „Золотая цѣпь Гомера" хотя и необходима для пониманія алхимическихъ книгъ, тѣмъ не менѣе, не есть сочиненіе алхимическое въ узкомъ смыслѣ, но прежде всего естественно-философское; „Я направляю свое вниманіе главнымъ образомъ не на „тайну мудрецовъ", — Lapis philosophorum, — на добываніе золота и тѣсно связанное съ имъ, по ученію алхимиковъ, излѣченіе; нѣтъ, я поклонникъ и изслѣдователь тайнъ огня". Но мы убѣдимся впослѣдствіи въ томъ, что авторъ *дѣйствительно имѣлъ въ виду и алхимическую цѣль* тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Великомъ и Цѣломъ; но онъ умышленно скрываетъ эту цѣль, чтобы бы не сдѣлать ее достояніемъ непосвященныхъ.

Если всѣ отдѣльныя вещи заключаютъ въ себѣ „хаотическую воду", то онѣ тѣмъ самымъ всѣ безъ исключенія имѣютъ въ себѣ „духъ" и „жидкость" Этотъ духъ разлитъ по всему міру такъ, что даже мельчайшая капля воды и мельчайшая пылинка наполнены духомъ и жидкостью въ жидкомъ или сухомъ состояніи. Подобно тому, какъ капля во всѣхъ своихъ дѣленіяхъ остается водой, такъ она остается и духомъ. Итакъ, „все и каждое въ мірѣ— вода (жидкость и духъ)". Но такъ какъ вода и духъ не что иное какъ „осуществившееся слово вѣчнаго Творца", то получается отсюда выводъ: все, что живетъ, есть слово". А такъ какъ слово отъ Бога исходитъ, то можно сказать: „Все—Богъ. Богъ вездѣ. Все имѣетъ въ себѣ божественныя свойства".

III.

Изъ чего образовалась вещь, въ то она снова и превращается. Все было хаотической жидкостью, поэтому все должно снова стать ею. *Все возвращается къ своему началу и, слѣдовательно къ Богу въ концѣ концовъ*, который своимъ „словомъ" и дальнѣйшею концентраціей его и сосредоточеніемъ создалъ міръ. Міръ есть сосредоточившееся слово Бога.

Процессъ возвращенія въ хаотическую жидкость или первичную матерію обозначенъ словомъ „коренное распаденіе". Въ немъ заключается „квинтъ-эссенція природы". При помощи коренного распаденія (solutio radicalis) родится снова хаотическая жидкость.

Такимъ образомъ получается „возродившійся хаосъ“ (chaos regeneratum), который составляетъ величайшее „Arcanum“ или универсально-лѣчебное средство не только для людей, но и для металловъ. Обо всемъ этомъ болѣе подробная рѣчь впереди, но намъ не мѣшаетъ заранѣе познакомиться съ этими терминами.

IV.

Одна непрерывно претворяется въ другое и благодаря этому непрестанному обмѣну становится снова тѣмъ чѣмъ, было раньше.

Всякій, кто это наблюдалъ, легко узнаетъ здѣсь Superius и Inferius Гермеса, Золотую цѣпь Гомера и Кольцо Платона. „Высшее то же, что и низшее, низшее то же, что и высшее“. „Таковъ круговоротъ природы, обращающей высшее въ низшее и наоборотъ“. „И такъ продолжается это круговращеніе до тѣхъ поръ, пока Творецъ не измѣнитъ этого порядка“. „И это безпрырывное вращеніе продолжится до той поры, когда воля Творца все остановитъ и обратитъ въ неподвижный камень“. Вотъ эта мысль о томъ, что природа равномѣрно въ безпрерывномъ круговоротѣ обращаетъ высшее (т. е. тончайшее, разрѣженное) въ низшее (т. е. болѣе грубое, сгущенное) и наоборотъ: другими словами, что непрерывно происходитъ съ одной стороны рожденіе естественныхъ вещей (generatio rerum), а съ другого распаденіе и разложеніе ихъ (Corruptio rerum et anatomia earum) — эта мысль особенно дорога была сердцу нашего покойнаго автора и выразить ее ясно и сильно—его главная задача. Соотвѣтственно этой идеѣ онъ и озаглавилъ и подраздѣлилъ на отдѣлы свое сочиненіе. Эта возвышенная могучая идея, охватывающая весь космосъ (и признаваемая современной естественной наукой), происходитъ также и черезъ „Смарагдову таблицу“ трижды великаго Гермеса; она приковала къ себѣ вниманіе Гете и безчисленнаго числа другихъ умовъ; она же еще живетъ въ средѣ „общества истинныхъ испытателей природы“, среди младшихъ Гольдкрейцеровъ и Розенкрейцеровъ, истинныхъ братьевъ покойнаго автора и достойныхъ наслѣдниковъ его книги, которую они и издали въ 1781 году съ новыми примѣчаніями.

V.

Отъ одной крайности къ другой нельзя перейти безъ посредника. („Non transiri posse ab uno extremo ad alterum extremum

absque medio" и „Ab uno extremo ad alterum non datur transitus": далѣе—„Extremum non posse conjungi cum altero extremo sine medio").

Природа не дѣйствуетъ скачками, но переходитъ со ступени на ступень и требуетъ всегда посредствующей среды для перехода отъ одного конца къ другому. „Natura non facit saltus". Природа не дѣлаетъ скачковъ даже и въ *скрытомъ*. Когда передъ нашими глазами что-нибудь *вдругъ* раскрывается, то за такой катастрофой, взрывомъ, превращеніемъ, скрывается невидимая намъ эволюція. Въ дѣйствительности все идетъ медленно шагъ за шагомъ впередъ.

VI.

„Вся разница между вещами лежитъ въ степени ихъ твердости или летучести, что и обусловливаетъ перемѣну внѣшняго вида предметовъ. И вся конечная цѣль природы въ томъ, чтобы небо стало твердью и благодаря этому получило бы цѣлебныя свойства по отношенію къ поднебеснымъ жителямъ. „Отдѣльныя вещи разнятся одна отъ другой не по происхожденію или матеріалу (т. к. матерія едина), но по степени сцѣпленія частицъ, по степени летучести и огнеупорности, хрупкости или твердости".

Такимъ образомъ, съ понятіемъ о ступеняхъ, медленномъ и постепенномъ движеніи впередъ тѣсно связано представленіе о количественной разницѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Взглядъ брата Гомера на природу проникнутъ идеей „круговорота" въ такой же степени, какъ и мыслью о количествѣ, степени, механическомъ прибавленіи и уменьшеніи твердости или *стойкости* частицъ. Это различіе вещей не по существу или происхожденію, а исключительно по степени сгущенія матеріи; оно не существенное, а скорѣе „случайное" и простирается не только на видимый міръ, т.-е. на всѣ три „сублунарныя" царства (животное, растительное, минеральное), но кромѣ того—на что надо обратить вниманіе и къ чему мы еще вернемся—на всѣ незримые „философскіе" „первопричины", „принципы", „элементы", которые придали своеобразную окраску алхиміи и связанной съ ней естественно-философской литературѣ. Сюда можно отнести: „небо", „воздухъ", „воду", „землю", „Меркурій", „сѣру", „соли", „летучія масла", „кислоты", „щелочи", „селитру" и безчисленное

Такимъ образомъ получается „возродившійся хаосъ“ (chaos regeneratum), который составляетъ величайшее „Arcanum“ или универсально-лѣчебное средство не только для людей, но и для металловъ. Обо всемъ этомъ болѣе подробная рѣчь впереди, но намъ не мѣшаетъ заранѣе познакомиться съ этими терминами.

IV.

Одна непрерывно претворяется въ другое и благодаря этому непрестанному обмѣну становится снова тѣмъ чѣмъ, было раньше.

Всякій, кто это наблюдалъ, легко узнаетъ здѣсь Superius и Inferius Гермеса, Золотую цѣпь Гомера и Кольцо Платона. „Высшее то же, что и низшее, низшее то же, что и высшее“. „Таковъ круговоротъ природы, обращающей высшее въ низшее и наоборотъ“. „И такъ продолжается это круговращеніе до тѣхъ поръ, пока Творецъ не измѣнитъ этого порядка“. „И это безпрырывное вращеніе продолжится до той поры, когда воля Творца все остановитъ и обратитъ въ неподвижный камень“. Вотъ эта мысль о томъ, что природа равномѣрно въ безпрерывномъ круговоротѣ обращаетъ высшее (т. е. тончайшее, разрѣженное) въ низшее (т. е. болѣе грубое, сгущенное) и наоборотъ; другими словами, что непрерывно происходитъ съ одной стороны рожденіе естественныхъ вещей (generatio rerum), а съ другого распаденіе и разложеніе ихъ (Corruptio rerum et anatomia earum) — эта мысль особенно дорога была сердцу нашего покойнаго автора и выразить ее ясно и сильно—его главная задача. Соотвѣтственно этой идеѣ онъ и озаглавилъ и подраздѣлилъ на отдѣлы свое сочиненіе. Эта возвышенная могучая идея, охватывающая весь космосъ (и признаваемая современной естественной наукой), происходитъ также и черезъ „Смарагдову таблицу“ трижды великаго Гермеса; она приковала къ себѣ вниманіе Гете и безчисленнаго числа другихъ умовъ; она же еще живетъ въ средѣ „общества истинныхъ испытателей природы“, среди младшихъ Гольдкрейцеровъ и Розенкрейцеровъ, истинныхъ братьевъ покойнаго автора и достойныхъ наслѣдниковъ его книги, которую они и издали въ 1781 году съ новыми примѣчаніями.

V.

Отъ одной крайности къ другой нельзя перейти безъ посредника. („Non transiri posse ab uno extremo ad alterum extremum

absque medio“ и „Ab uno extremo ad alterum non datur transitus“: далѣе—„Extremum non posse conjungi cum altero extremo sine medio“).

Природа не дѣйствуетъ скачками, но переходитъ со ступени на ступень и требуетъ всегда посредствующей среды для перехода отъ одного конца къ другому. „Natura non facit saltus“. Природа не дѣлаетъ скачковъ даже и въ *скрытомъ*. Когда передъ нашими глазами что-нибудь *вдругъ* раскрывается, то за такой катастрофой, взрывомъ, превращеніемъ, скрывается невидимая намъ эволюція. Въ дѣйствительности все идетъ медленно шагъ за шагомъ впередъ.

VI.

„**Вся разница между вещами лежитъ въ степени ихъ твердости или летучести, что и обусловливаетъ перемѣну внѣшняго вида предметовъ**. И вся конечная цѣль природы въ томъ, чтобы небо стало твердью и благодаря этому получило бы цѣлебныя свойства по отношенію къ поднебеснымъ жителямъ. „Отдѣльныя вещи разнятся одна отъ другой не по происхожденію или матеріалу (т. к. матерія едина), но по степени сцѣпленія частицъ, по степени летучести и огнеупорности, хрупкости или твердости“.

Такимъ образомъ, съ понятіемъ о ступеняхъ, медленномъ и постепенномъ движеніи впередъ тѣсно связано представленіе о количественной разницѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Взглядъ брата Гомера на природу проникнутъ идеей „круговорота“ въ такой же степени, какъ и мыслью о количествѣ, степени, механическомъ прибавленіи и уменьшеніи твердости или *стойкости* частицъ. Это различіе вещей не по существу или происхожденію, а исключительно по степени сгущенія матеріи; оно не существенное, а скорѣе „случайное“ и простирается не только на видимый міръ, т.-е. на всѣ три „сублунарныя“ царства (животное, растительное, минеральное), но кромѣ того—на что надо обратить вниманіе и къ чему мы еще вернемся—на всѣ незримые „философскіе“ „первопричины“, „принципы“, „элементы“, которые придали своеобразную окраску алхиміи и связанной съ ней естественно-философской литературѣ. Сюда можно отнести: „небо“, „воздухъ“, „воду“, „землю“, „Меркурій“, „сѣру“, „соли“, „летучія масла“, „кислоты“, „щелочи“, „селитру“ и безчисленное

множество химическихъ терминовъ. *Всѣ они разнятся только количественно*.

VII.

Болѣе сильное превозмогаетъ и подчиняетъ себѣ болѣе слабое. „Если я возьму много летучаго и мало кислаго (полутвердыя кислоты или Acidum стоятъ между летучими и стойкими щелочами Alcali), то летучее покоритъ кислоты и обратитъ ихъ въ летучее состоянiе“ и наоборотъ. „Природа обращаетъ обыкновенныя вещи въ особыя индивидуальности путемъ различныхъ соотношенiй ихъ составныхъ частей или первоначальныхъ матерiаловъ, смотря по тому, какой изъ нихъ возьметъ верхъ надъ другими. Ибо въ одномъ больше всего летучихъ веществъ, въ другомъ щелочей, въ третьемъ кислотъ, а иные совсѣмъ лишены ихъ или содержатъ въ слабой степени. Именно по этому своему различiю въ количествѣ упомянутыхъ составныхъ частей, различныя вещества имѣютъ тѣ или другiя свойства и только тѣмъ и отличаются другъ отъ друга, такъ какъ всѣ созданiя, какъ уже выше сказано, различаются между собой по большей или меньшей степени заключенныхъ въ нихъ летучихъ веществъ, кислотъ, щелочей и по большей и меньшей стойкости ихъ“. „То изъ нихъ, которое преобладаетъ, держитъ въ своихъ рукахъ остальныя и превращаетъ ихъ въ себѣ подобныя. Ибо одно изъ этихъ веществъ всегда является господствующимъ надъ другими“.

Всѣ отдѣльные предметы по Гомеру суть только представители различныхъ ступеней сгущенiя хаотической жидкости. Слѣдствiемъ такого различiя по степенямъ является то, что превращенiе веществъ вызывается исключительно преобладанiемъ стойкости въ одномъ изъ нихъ. „Со ступени на ступень“ мѣняется характеръ продуктовъ сгущенiя въ зависимости отъ „сильнѣйшаго“.

VIII.

„Каждая вещь растворяется тѣмъ веществомъ, изъ котораго она возникла“ („Ex quo aliquid fit, *in* illud iterum resolvitur et per quod aliquid fit, *per* illud ipsum resolvi atque reduci in suam primam materiam seu naturam necesse est“).

Такъ какъ все возникло изъ „духа и воды“, то и должно вернуться въ это первоначальное свое состоянiе при посредствѣ духа

и воды. Первичная матерія является одновременно цѣлью и средствомъ распаденія. Это возможно тогда, когда растворяющее вещество или „Menstruum“ обладаетъ количественнымъ перевѣсомъ надъ остальными. „Всегда должна быть въ запасѣ одна изъ частей, которая преобладала бы по силѣ надъ матеріей, которую надо превратить въ другую. Такъ, если я хочу сдѣлать летучими стойкія вещества, то я долженъ прибавить въ нихъ летучихъ частей, иначе я не подниму „тяжелой собаки“; если же я хочу летучія вещи сдѣлать стойкими, то я прибавляю въ нихъ больше летучаго и тѣмъ свяжу „летающую птицу“. „Но не должно перегружать летучаго вещества въ стойкіе предметы и наоборотъ отягощать стойкимъ веществомъ того, что должно летать“. Онъ высчитываетъ, что для летучихъ веществъ „необходимы 3 или 4 части летучаго начала на одну часть твердаго или полутвердаго“.

IX.

Подобное стремится къ подобному (Simile gaudet simili). Природа радуется себѣ подобной, стремится къ таковой, покоряетъ ее („Natura natura gaudet, natura naturam amplectitur, natura naturam vincit et superat propriam naturam“). „Подобное образуетъ себѣ подобное“.

Мы уже сказали раньше, что каждая вещь растворяется тѣмъ веществомъ, изъ котораго она образовалась. Кромѣ того, каждая вещь возникаетъ изъ себѣ подобной, т. е. изъ вещества одной съ ней природы. Отсюда она и побѣждается и растворяется тѣмъ же себѣ подобнымъ веществомъ (proprium sui ipsius). Въ старину говорилось: „Каждая вещь несетъ у себя на спинѣ свое растворяющее“. Если же нѣтъ подъ рукой Menstruum proprium, то находятся замѣщающія его вещества. Въ первой очереди стоятъ главные субъекты каждаго царства: для животнаго царства—человѣкъ (который соединяетъ въ себѣ всѣ животныя силы); для растительнаго—вино; для минеральнаго—золото. Таинственная связь этихъ трехъ главныхъ субъектовъ между собой высказана въ выраженіи: „Человѣкъ, вино и золото благоволятъ другъ къ другу“.

Вмѣсто главныхъ субъектовъ можно воспользоваться универсальнымъ субъектомъ: росой (ros coeli), дождемъ, снѣгомъ и др. Берется ли растворяющее изъ собственной природы вещество, или

изъ болѣе отдаленныхъ главныхъ субъектовъ, или же изъ универсальнаго—главная суть въ томъ, чтобы это коренное или универсальное, или общее средство было одной природы съ растворяемымъ—гомогенно ему. „То, что гомогенно—единосущно имъ, составляетъ съ ними одно вещество, изъ котораго они произошли, выросли и чѣмъ поддерживается ихъ ростъ. То, изъ чего они произошли составляетъ первичную матерію, т.-е. начало и причину всякой вещи, въ которое всякое созданіе обратится опять: такъ первое становится послѣднимъ и наоборотъ".

X.

Истлѣніе главный ключъ, отворяющій и запирающій все въ природѣ". „Истлѣніе — ключь ко всякому распаденію и раствореиію". Оно есть „главная дверь и ключъ природы, толчокъ къ рожденію и разрушенію естественныхъ вещей". „Безъ истлѣнія нѣтъ настоящаго разъединенія (Anatomia) во вселенной, какъ и въ индивидуумѣ, такъ и въ родѣ".

Гніеніе для „художника" есть Альфа и Омега, т. к. оно не только твердое обращаетъ въ летучее, но и наоборотъ. Между двумя словами „разлагай" и „возсоединяй" лежитъ вся химическая мудрость. „Истлѣніе—чудесный кузнецъ, кующій: воду изъ земли, изъ воды воздухъ, изъ воздуха огонь или небо: а изъ неба снова создается воздухъ; изъ воздуха вода и изъ воды земля. Эти превращенія происходятъ непрерывно, безъ единой минуты остановки и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока небо и земля не сольются во едино".

XI.

„Чѣмъ суше вещь и духовнѣе, тѣмъ она прочнѣе и жизнеспособнѣе. Чѣмъ тверже и сосредоточеннѣе духъ или вода, тѣмъ больше силы потребно для его дѣйствія. „Его (духа) сила полна, когда онъ превращается въ землю („vis ejus integra est, si versa fuerit in terram"). Поэтому надо концентрировать, сосредоточивать и упрочивать разъединенный духъ и воду (хаотическую жидкость), пока они не получатъ свою полную силу и величайшую крѣпость изъ всѣхъ крѣпостей".

Перво-матерія, хаотическая жидкость, состоитъ изъ духа и воды. Всѣ подлунныя существа—ничто иное, какъ разно-количествен-

ныя соединенія духа и воды. То одинъ изъ этихъ факторовъ преобладаетъ то другой. Чѣмъ водянистѣе продуктъ, тѣмъ онъ бѣднѣе духомъ—напр. дождевая вода; чѣмъ бѣднѣе водой или суше, тѣмъ богаче духомъ—напр. золото. Чѣмъ сочнѣе и сырѣе вещь, тѣмъ легче она гніетъ. Твердое и сухое болѣе прочно. „Чрезмѣрная водянитость и сырость является также причиной короткой жизни и наоборотъ, гдѣ меньше сырости и больше духа и сущности, тамъ возможна долгая жизнь, ибо *духъ* есть жизнь и здоровье, а не *вода*.

XII.

Духъ создаетъ и дѣйствуетъ, а не вода. „Духъ движетъ и согрѣваетъ". Каждое движеніе вызываетъ теплоту". „Всякая жизнь необходимо исходитъ изъ теплоты, ибо холодъ погашаетъ жизнь". „Духъ движетъ и причиняетъ всѣ измѣненія посредствомъ гніенія". „Этимъ духомъ проникнуты всѣ творенья и безъ него ни одно изъ нихъ не можетъ ни жить, ни существовать. Онъ же причина всѣхъ рожденій, разрушеній и возрожденій. Посему гніеніе — первый ключъ, посредствомъ котораго этотъ же духъ растворяетъ врата природы одни за другими".

XIII.

Но духу необходима вода, при помощи которой онъ творитъ; безъ нея онъ ничего не можетъ создать; вода требуется въ извѣстной мѣрѣ, не больше и не меньше. Въ началѣ всего созданнаго были только духъ и вода, изъ которой по повелѣнію Творца онъ создавалъ все видимое и невидимое па небѣ и па землѣ".

„Истлѣніе же и есть никогда не останавливающаяся работа духа, который при помощи своего *инструмента*—воды — производитъ свои безчисленныя какъ незамѣтныя, такъ и замѣтныя для глаза, какъ воспринимаемыя чувствами, такъ и невоспринимаемыя, перемѣны. Отсюда вѣчное гніеніе, выдѣляющее изъ летучаго прочное и обратно, и такъ безконечно и безостановочно".

Чѣмъ суше становится духъ, тѣмъ сильнѣе онъ работаетъ, и наоборотъ. Но въ природѣ нѣтъ ни духа *абсолютно* безъ воды, ни воды—*абсолютно* безъ духа. „Вода безъ духа есть *Recolaceum*, *т.-е. безсильная;* а духъ безъ воды—ничто, ибо духу необходимо тѣло, когда онъ создаетъ тѣлесныя вещи". Даже *не нужныя*

и *лишнія* для поддержанія организмовъ жидкости „*Humidum* или *Phlegma superfluum*" — какъ, напримѣръ, потъ; выдѣленія слизистыхъ оболочекъ желудка, легкихъ; слезы глазъ, ушныя и прочія выдѣленія организма, — затѣмъ, въ растительномъ царствѣ всѣ выступающіе клейкія и жидкія вещества; въ минеральномъ — воды минераловъ, — всѣ эти жидкости и выдѣленія — не суть безсильныя воды, лишенныя силы и духа. Aqua recolacea никогда не можетъ отдѣлиться *вполнѣ* отъ духа или сѣмени, такъ чтобы никакая скрытая сила или духовные лучи не проникали въ нее; и опять-таки невозможно и для духа выдѣлиться *вполнѣ* отъ воды такъ, чтобы хоть *отчасти* не брать изъ нея матеріала для своихъ созиданій. Ибо *вода и духъ одно* и мельчайшая капля, малѣйшая пылинка проникнута имъ и соединена съ нимъ". Какъ скоро флегма „superfluum" выдѣляется и входитъ въ обращеніе, какъ *proprium* — она получаетъ совершенно особое врачебное дѣйствіе. „Aqua recolacea" хоть и называется ненужной флегмой (по своей внѣшности), имѣетъ (по внутреннимъ свойствамъ) большую силу дѣйствія въ ней самой заключенную; она служитъ проводникомъ сосредоточеннаго духа; попадая въ тѣло, она возбуждаетъ этотъ духъ для того, чтобы вмѣстѣ бороться съ врагомъ".

XIV.

„Подобно природѣ! Подобно природѣ!" „Какъ она работаетъ, такъ надо и намъ работать".

„Слѣдуй по пятамъ за природой и подражай ей". Какъ поступаетъ природа, такъ должно поступать и наше искусство".

„Кто въ искусствѣ не руководится природными процессами, тотъ никогда не придетъ къ желанной цѣли.

„Художникъ" долженъ быть прежде всего знатокомъ природы, долженъ знать ее, т. е. умѣть наблюдать ея дѣйствія въ то время, когда она создаетъ свои великія произведенія. Даже и въ маломъ долженъ онъ слѣдовать за ней. „Возьми глаза въ руки!"

Но недостаточно только подражать природѣ; „художникъ" *долженъ подняться надъ природой*, т.-е. онъ долженъ умѣть закончить то, что она начала. Ибо *гдѣ кончается работа природы*, тамъ начинается *искусство*".

Какую же *конечную цѣль* долженъ преслѣдовать художникъ какъ продолжатель работъ природы — это мы увидимъ дальше.

РУССКІЙ ФРАНК-МАСОНЪ

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ, литературный, общественный и популярно-научный, посвященный изученію исторіи и литературы

МАСОНСКАГО СОЮЗА С∴ К∴

въ Россіи и за границею.

Посвящается всѣмъ работающимъ и ищущимъ въ 3-хъ степеняхъ истиннаго и справедливаго Іоанническаго Духовнаго Масонства.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ.
ЭЗОТЕРИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ и традиціи всѣхъ странъ, временъ и народовъ.
ИСТОРІЯ ТАЙНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.
ГЕРМЕТИЧЕСКІЯ (тайныя) НАУКИ: КАББАЛА, ТЕОСОФІЯ, ОККУЛЬТИЗМЪ.

ВОПРОСЫ: религіи, философіи, науки, искусства и общественной жизни въ связи съ вопросами спиритуализма и мистики.
Современный спиритуализмъ, психизмъ и медіумизмъ, животный магнетизмъ, гипнотизмъ, спиритизмъ.

Свободное знаніе и независимая наука внѣ школъ, внѣ традицій.

Выходитъ не менѣе 6 разъ въ годъ (съ пояснительными рисунками).

Обѣщано участіе и сотрудничество представителей: Капитула Азіатскихъ Розенкрейцеровъ, Ордена Мартинистовъ, Русскаго Капитула Ордена Розенкрейцеровъ, членовъ Московскаго Эзотерическаго кружка и др.

Журналъ печатается въ количествѣ только 250 экз. на бумагѣ, выработанной по особому заказу редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 10 руб., на полгода 5 р. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ книжныхъ магазинахъ и при конторѣ журнала „РЕБУСЪ"—*МОСКВА, Арбатъ, д. Нейдгардтъ, кв. 12.*

Офиціальный Редакторъ **П. А. Чистяковъ.**

Типографія **„Русскій Трудъ"**, Арбатъ, д. Буровой.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
РУССКІЙ

ФРАНК-МАСОНЪ

(Свободный каменьщикъ).

1908 г. № 2.

(Печатается въ количествѣ только 250 экз).

ОГЛАВЛЕНІЕ № 2-го.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

На первой страницѣ, на седьмой строкѣ напечатано: **„на Рейне“, слѣдуетъ читать: „на Рейнѣ“.**

1908 г. Русскій Франк-Масонъ. № 2.

Агасферъ.

(Мистическая трагедія).

Ф. Ліенгардта.

(Переводъ съ нѣмецкаго г-жи Л. А. Ленгольдъ)

Часть II.

Агасферъ на Рейне.

Дѣйствующія лица второй части:

Профессоръ (Агасферъ).
Эрихъ, сынъ его (Іоаннъ).
Гильдегарда, жена Эриха (Вероника).
Яковъ, домоправитель (Никодимъ).
Докторъ Лабанъ, ассистентъ профессора.

Дѣйствіе происходитъ на Рейнѣ, въ наше время.

Дѣйствіе I.

Редакція извиняется передъ г.г. подписчиками за мѣсячное запозданіе выхода этой книги и за неправильную нумерацію страницъ въ ней, которая начинается со стр. 37-й.

Какъ то, такъ и другое произошло по причинамъ, отъ Редакціи не зависящимъ.

все въ одно, единое слово... Затѣмъ—закроемъ книгу и станемъ властелинами вселенной... Знаніе—могущество.!... (Пересматриваетъ свои записки съ видомъ недоумѣнія, какъ бы теряя увѣренность въ себѣ, качаетъ головой, кладетъ со вздохомъ перо на столъ и, откинувшись на спинку кресла, кричитъ.) Лабанъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ № 2-го.

Н

„на

1908 г. Русскій Франк-Масонъ. № 2.

Агасферъ.

(Мистическая трагедія).

Ф. Ліенгардта.

(Переводъ съ нѣмецкаго г-жи Л. А. Ленгольдъ)

Часть II.

Агасферъ на Рейне.

Дѣйствующія лица второй части:

Профессоръ (Агасферъ).
Эрихъ, сынъ его (Іоаннъ).
Гильдегарда, жена Эриха (Вероника).
Яковъ, домоправитель (Никодимъ).
Докторъ Лабанъ, ассистентъ профессора.

Дѣйствіе происходитъ на Рейнѣ, въ наше время.

Дѣйствіе I.

Рабочій кабинетъ профессора. Письменный столъ заваленъ книгами и бумагами; на немъ—черепъ; глобусъ, разные инструменты и проч. Скелеты; кости разбросаны по всей комнатѣ; библіотечный шкафъ. Налѣво—въ глубинѣ сцены—выступъ въ видѣ башни, съ балкономъ; изъ раскрытаго окна видна прирейнская мѣстность. Направо, въ глубинѣ сцены, завѣшенная портьерой дверь, ведущая въ лабораторію. Еще другая дверь на правой сторонѣ. Диванъ, кресла, стулья и проч.

Профессоръ (сидитъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ работу, опустивъ голову. Долгое молчаніе. Онъ поднимаетъ глаза, перебираетъ на столѣ книги, перелистываетъ ихъ, отмѣчаетъ что-то карандашомъ на листѣ бумаги; разсматриваетъ разныя кости, снова что-то записываетъ, бормочетъ, наконецъ, говоритъ вполголоса, съ видомъ затаеннаго упорства.) Это несомнѣнно. Повторяю — что это несомнѣнно... Мы своего добьемся...Мы объяснимъ все—однимъ, единымъ числомъ—вложимъ все въ одно, единое слово... Затѣмъ—закроемъ книгу и станемъ властелинами вселенной... Знаніе—могущество.!... (Пересматриваетъ свои записки съ видомъ недоумѣнія, какъ бы теряя увѣренность въ себѣ, качаетъ головой, кладетъ со вздохомъ перо на столъ и, откинувшись на спинку кресла, кричитъ.) Лабанъ!

Лабанъ (безъ сюртука, въ рабочемъ фартукѣ, выходитъ изъ-за завѣшенной двери) Вы меня звали, господинъ профессоръ?

Профессоръ. Намъ придется прекратить на сегодня наши занятія. Сегодня мы все равно ничего не добьемся.

Лабанъ. Надо работать, не покладая рукъ. Мы обязаны работать надъ этимъ, не покладая рукъ. (Уходитъ. Вдали слышны звуки арфы).

Профессоръ (медленно приподнимаясь, вытягиваетъ руки и глубоко вздыхаетъ). Я становлюсь старъ—да, старъ, старъ. Что это за музыка, Лабанъ?

Лабанъ (изъ-за занавѣси). Это, должно быть, супруга вашего сына: это, должно быть, она играетъ на арфѣ.

Профессоръ (смотритъ въ глубокомъ раздумьи, скрестивъ на груди руки на свои бумаги). Лорелея манитъ къ себѣ? Лорелея сидитъ на своей скалѣ, играетъ на арфѣ и завлекаетъ въ свои сѣти легковѣрныхъ пловцовъ... Тысячи людей разбиваютъ себѣ черепа, подобно перелетнымъ птицамъ, бьющимся головой о ночные маяки... Это сатанинская игра... Но я все-таки не уступлю... Не уступлю я тебѣ, Лорелея? И если мнѣ не придется самому справиться съ этой задачей, если этотъ ветхій черепъ не выдержитъ до конца—то сынъ мой довершитъ дѣло. И мы все-таки тебя побѣдимъ!... Лабанъ, подите-ка сюда; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Лабанъ (снова появляется, вытирая полотенцемъ руки.) Надо работать, не теряя ни минуты, господинъ профессоръ. Если конкуренція, такъ сказать, предупредитъ насъ; если кто-нибудь другой выхватитъ у насъ изъ-подъ рукъ это открытіе, то это будетъ чистый позоръ. Вотъ была бы пикантная новость для всѣхъ отсталыхъ невѣждъ... и это—послѣ всѣхъ нашихъ газетныхъ статей. У моего отца была поговорка...

Профессоръ. Отецъ вашъ сошелъ съ ума отъ биржевой игры.

Лабанъ (смѣясь.) И выигралъ себѣ его, цѣлое состояніе. А въ этомъ-то и вся суть дѣла.

Профессоръ. Но мы желаемъ сохранить нашъ разумъ.

Лабанъ. Ба! Развѣ дѣло идетъ о подобномъ открытіи?

Профессоръ. Человѣкъ...

Лабанъ. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о человѣкѣ? Въ наше время, когда все работаетъ массами. Мы выжимаемъ изъ себя всѣ соки во имя науки.

Профессоръ. Но вы пока все еще процвѣтаете, любезный Лабанъ.

Агасферъ.

(Мистическая трагедія).

Ф. Ліенгардта.

(Переводъ съ нѣмецкаго г-жи Л. А. Ленгольдъ)

Часть II.

Агасферъ на Рейне.

Дѣйствующія лица второй части:

Профессоръ (Агасферъ).
Эрихъ, сынъ его (Іоаннъ).
Гильдегарда, жена Эриха (Вероника).
Яковъ, домоправитель (Никодимъ).
Докторъ Лабанъ, ассистентъ профессора.

Дѣйствіе происходитъ на Рейнѣ, въ наше время.

Дѣйствіе I.

Рабочій кабинетъ профессора. Письменный столъ заваленъ книгами и бумагами; на немъ—черепъ; глобусъ, разные инструменты и проч. Скелеты; кости разбросаны по всей комнатѣ; библіотечный шкафъ. Налѣво—въ глубинѣ сцены—выступъ въ видѣ башни, съ балкономъ; изъ раскрытаго окна видна прирейнская мѣстность. Направо, въ глубинѣ сцены, завѣшенная портьерой дверь, ведущая въ лабораторію. Еще другая дверь на правой сторонѣ. Диванъ, кресла, стулья и проч.

Профессоръ (сидитъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ работу, опустивъ голову. Долгое молчаніе. Онъ поднимаетъ глаза, перебираетъ на столѣ книги, перелистываетъ ихъ, отмѣчаетъ что-то карандашомъ на листѣ бумаги; разсматриваетъ разныя кости, снова что-то записываетъ, бормочетъ, наконецъ, говоритъ вполголоса, съ видомъ затаеннаго упорства.) Это несомнѣнно. Повторяю — что это несомнѣнно... Мы своего добьемся...Мы объяснимъ все—однимъ, единымъ числомъ—вложимъ все въ одно, единое слово... Затѣмъ—закроемъ книгу и станемъ властелинами вселенной... Знаніе—могущество.!... (Пересматриваетъ свои записки съ видомъ недоумѣнія, какъ бы теряя увѣренность въ себѣ, качаетъ головой, кладетъ со вздохомъ перо на столъ и, откинувшись на спинку кресла, кричитъ.) Лабанъ!

Профессоръ (не спуская съ него глазъ). Ученіе это заключается—насколько мнѣ извѣстно—въ слѣдующемъ: каждый человѣкъ обладаетъ обособленнымъ, личнымъ и безсмертнымъ духомъ, соединеннымъ—надо къ тому прибавить—съ просвѣтленнымъ подобно ему—тѣломъ; духъ этотъ постоянно воплощается въ новыхъ образахъ и формахъ, пока онъ не достигнетъ достаточной зрѣлости для того, чтобы переселиться въ область чистыхъ духовъ. Таково приблизительно это ученіе—если я не ошибаюсь? (Встаетъ и смотритъ съ напряженно-мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ на удивленнаго Лабана.) Хорошо. Разумѣется, все это нелѣпый вздоръ—скажете вы—да скажу и я. Но возьмите какой-либо, вполнѣ опредѣленный фактъ. Если я напримѣръ—скажу вамъ, что я уже видѣлъ когда-то—прежде—какую-либо личность—и если мнѣ въ то же время докажутъ неоспоримо—докажутъ научнымъ путемъ—что этого быть не могло? И если я, тѣмъ не менѣе—не могу отрѣшиться отъ этого жуткаго ощущенія, отъ этого мучительнаго воспоминанія?... Что тогда? (Смотритъ на него загорѣвшимися глазами).

Лабанъ Это—обманъ чувствъ или же—явное проявленіе сложившагося въ нашей памяти ошибочнаго представленія. Вѣдь въ мозгу нашемъ отпечатаны милліарды различныхъ впечатлѣній. Не можете же вы серіозно предполагать...

Профессоръ. Я ничего не предполагаю—я лишь опредѣляю факты. Я лишь опредѣляю впечатлѣнія, существующія въ моей нервной системѣ—или я не знаю—гдѣ. Я говорю о возмущающихъ меня самого ощущеніяхъ, Лабанъ—ощущеніяхъ, преслѣдующихъ меня въ моихъ сновидѣніяхъ и потрясающихъ меня до глубины души. (Тяжело дышитъ).

Лабанъ. Что такое сновидѣнія? Мыльные пузыри!

Профессоръ. Можетъ быть —да, а можетъ быть—и нѣтъ!..... Когда сынъ мой привезъ сюда свою молодую жену—вотъ ту, что играетъ теперь на арфѣ—закройте окно, Лабанъ; игра эта раздражаетъ меня—волнуетъ—она точно надо мной издѣвается. (Лабанъ закрываетъ окно; звуки арфы слышны слабѣе и понемногу, совсѣмъ стихаютъ). Гмъ—что хотѣлъ я сказать, Лабанъ?.. (смотритъ въ одну точку; Лабанъ пристально и съ любопытствомъ въ него всматривается). Да да,—сынъ мой—мы говорили о моемъ сынѣ—не правда ли? (Улыбается, киваетъ головой и ходитъ по комнатѣ, потирая руки).

Лабанъ. Вы хотѣли сказать...

Профессоръ. Что... Да, да, совершенно вѣрно, Лабанъ. Когда они оба—да, они оба—стояли вотъ тутъ, въ дверяхъ—дер-

жась за руки, загорѣлые подъ индійскимъ солнцемъ—то—говорю вамъ, Лабанъ—я былъ смертельно испуганъ. . . Потому что—замѣтьте, что я вамъ говорю—потому что я уже разъ—когда-то, прежде—видѣлъ ихъ, точно такъ же стоящими вмѣстѣ. . .

Лабанъ (въ него вглядываясь). Переутомленные нервы. . .

Профессоръ. Къ чорту нервы! Оставьте мои нервы въ покоѣ! Это низкое, подлое, коварное орудіе нашего времени, служащее людямъ для того, чтобы умерщвлять посредствомъ его неудобныя для нихъ мнѣнія. . . Нервы! Кажется, достаточно подло лгутъ о моихъ разстроенныхъ нервахъ—газеты. . . Мои нервы тверды какъ сталь. Во мнѣ сохранился огонь и пары, какъ въ машинахъ нашего вѣка... Да — знайте это! (Опрокидываетъ стулъ, шагая въ волненіи по комнатѣ). Вы уже столкнули меня съ моей каѳедры въ силу того, что я черезчуръ „радикальный матеріалистъ"—то-есть—черезчуръ честный мыслитель! А теперь хотите въ конецъ уничтожить мощное значеніе моего слова, толкуя о моихъ разбитыхъ нервахъ и выдавая меня—съ нахальнымъ состраданіемъ—за сумасшедшаго. . . Невѣжды!

Лабанъ. Но вѣдь я тутъ не при чемъ, господинъ профессоръ. Все это говорятъ ваши противники,—а не я же, вашъ ассистентъ?

Профессоръ. Ахъ, какой тутъ ассистентъ!.. Всѣ вы—пигмеи! Шарлатаны — всѣ вы! Мнѣ не нужно никакихъ ассистентовъ. Мнѣ становится часто страшно моего собственнаго величія. Я стою одиноко, среди всего этого мелкаго звѣрья!. . . (Стараясь успокоиться, выпиваетъ стаканъ воды.) Ну—поговоримъ хладнокровно, придерживаясь сути дѣла. (Садится.) Да, да будемъ хладнокровны и поговоримъ о дѣлѣ. (Вдали слышно хоровое пѣніе; поютъ „На Рейнѣ растутъ наши лозы".) Да, да, мы знаемъ, что на Рейнѣ живетъ пустоголовый народъ! Люди эти живутъ, влюбляются, совокупляются и истлѣваютъ въ землѣ. А я сижу здѣсь и извожу себя въ этомъ угрюмомъ зданіи. Ради чего?.. Ради кого?... Ради человѣчества?—Пустая фраза!... Нѣтъ—не ради кого-либо и не ради чего-либо. . . Лишь по той единственной причинѣ, что живущее внутри меня пламя не даетъ мнѣ покою!.. Лабанъ, не обижайтесь на меня за то, что я сейчасъ такъ погорячился. . . Я дѣйствительно нѣсколько... нѣсколько. . . ну, да хорошо!.. Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло: я оставлю свои занятія. Да, Лабанъ — я удалюсь съ поля сраженія, съ полнымъ почетомъ, въ полномъ порядкѣ. Меня знаютъ какъ одного изъ немногихъ изслѣдователей—какъ единственнаго изслѣдователя среди всего этого, готоваго на всякія сдѣлки и уступки, люда—

единственнаго, который съ безпощадной строгостью придерживается своего міровоззрѣнія — да, съ безпощадной строгостью! Церковь, ладанъ, мистика, высшій міръ, метафизика, богословіе—долой все это! Это все—дѣтскія болѣзни. Все это должно быть унесено теченіемъ Рейна, въ океанъ—какъ ненужные отбросы,—а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, пусть унесетъ оно туда же и пресловутую „германскую душу". Мы желѣзною рукою управляемъ міромъ... Мы—враги и противники Бога! — Я и сынъ мой! Династія Наполеоновъ, ха, ха, ха! Наполеоновъ науки, разрушителей европейской сентиментальности... Ха, ха, ха! Вы меня понимаете?.. Шутки въ сторону. Вы вѣдь тоже полезный работникъ, мой трудолюбивый Лабанъ—но ваша сильная сторона—это вѣдь способность себѣ ловко усвоивать.

Лабанъ (холодно). Находясь при васъ, мнѣ ничего больше не остается дѣлать.

Профессоръ. Разумѣется. Но сынъ мой—у моего сына есть свои идеи — мой сынъ обладаетъ творческой способностью. Онъ доведетъ до конца высокое зданіе моихъ научныхъ изслѣдованій—зданіе, долженствующее перерасти всѣ церковныя колокольни, съ куполомъ св. Петра во главѣ! Я положилъ основной камень — да, я! Да!—а всѣ чернорабочіе науки, всѣ эти поденщики, мелкіе спеціалисты, салонные матеріалисты, которыми нашъ вѣкъ кипитъ какъ Египетъ во время построенія пирамидъ— Ха, ха, ха! Чернорабочіе науки! Что вы на это скажете, Лабанъ? — Чернорабочіе—удачное выраженіе. (Вдали слышенъ звонъ колоколовъ.) Звоните, звоните, рейнскіе колокола! Мы скоро заставимъ васъ замолчать! (Очень серіезно.) Но я хочу сказать вамъ нѣчто, Лабанъ, нѣчто, долженствующее остаться для всѣхъ тайной. Слушайте. Вы обѣщаетесь молчать? (Протягиваетъ ему руку).

Лабанъ. (Подаетъ ему машинально руку, пристально за нимъ наблюдая). Разумѣется—разумѣется.

Профессоръ (оглянувшись вокругъ, близко къ нему придвигается). У меня опять появляются припадки сомнамбулизма. Да, Лабанъ, это ничто иное. Припадки сомнамбулизма снова на меня находятъ. Галлюцинаціи — ничто иное какъ галлюцинаціи; но галлюцинаціи эти—ужаснаго рода. Онѣ изводятъ мое тѣло и мою душу! (Подвигаясь къ нему еще ближе.) Я разскажу вамъ сейчасъ одинъ случай. Я проводилъ вчера вечеромъ моего сына и жену его, въ ихъ комнаты и сидѣлъ вотъ тутъ—у этого стола—за работой. Вѣроятно, я заснулъ—что, nota bene—случается со мной весьма рѣдко. Подъ утро, часа въ четыре, гдѣ вы думаете—я проснулся? Гдѣ я очутился? Надъ Рейномъ пронеслась грозовая туча съ ливнемъ, а я

былъ тамъ—въ паркѣ—и висѣлъ на краю скалы, запутавшись въ мокромъ кустарникѣ... Подо мною протекалъ Рейнъ, вѣчно струящійся въ даль, Рейнъ,—а я висѣлъ надъ обрывомъ, словно сама Лорелея схватила меня за воротъ и повѣсила тамъ... (Встаетъ, тяжело дыша.) И говорю вамъ, Лабанъ—около меня и вокругъ меня кружился въ дикой пляскѣ, съ визгомъ и пѣніемъ, рой призраковъ... словно замокъ этотъ—ночное сборище вѣдьмъ! Шумнымъ вихремъ неслись онѣ вокругъ меня — цѣлое полчище привидѣній окружало меня—и я былъ среди нихъ Фаустомъ, а вы Мефистофелемъ! О, эта пляска всей міровой исторіи... этотъ бѣшеный хороводъ всѣхъ событій въ человѣчествѣ... и при томъ это не смолкающее, однообразно-дикое пѣніе!.. Взоры всѣхъ были обращены на меня, Лабанъ—лишь на меня одного — и всѣ костлявые пальцы призраковъ, указывали на меня—всѣ лишь на меня.

Лабанъ. Психіатрія!

Профессоръ. Къ чорту психіатрія!.. (Отираетъ лобъ.) Есть еще другой міръ, говорю я вамъ—онъ заглядываетъ сквозь разныя скважины и щели въ міръ моей системы, онъ пугаетъ меня, какъ пугаютъ лѣснаго оленя звуки враговъ, долетающіе до него изъ міра людей. Какая-то дикая поэзія звучитъ въ воздухѣ или во мнѣ самомъ—не знаю хорошо, гдѣ. Но я ее чую, я ее сознаю и весь трепещу подъ ея властью, какъ трепещетъ тополь среди бури. Я не могу опредѣлить ее какъ слѣдуетъ—мои инструменты для того слишкомъ грубы, мое міровоззрѣніе слишкомъ тупо—да, тупо! (Ходитъ въ волненіи по комнатѣ и затѣмъ останавливается передъ Лабаномъ и, выпрямившись во весь ростъ, говоритъ съ холодной рѣшимостью.) Все это значитъ, Лабанъ, я скажу вамъ, что все это значитъ. Это—проклятая германская душа; это—та подлая потребность въ метафизикѣ, которая гнѣздится въ крови всѣхъ насъ—людей германскаго племени. Это религіозное чувство, побѣжденное мною тяжелымъ, трезвымъ трудомъ, работой надъ числами и вещественными доказательствами и вырывающееся по ночамъ на волю, потому что днемъ разумъ мой стоитъ на сторожѣ и не допускаетъ подобныхъ проявленій. (Отираетъ влажный, горячій лобъ платкомъ и продолжаетъ съ возрастающимъ волненіемъ.) О, Лабанъ, но если это дѣйствительно такъ, если за предѣлами этой лабораторіи со всѣми этими тончайшими инструментами, за предѣлами того, что доступно пониманію нашего мозга, за предѣлами пространства и времени—таится еще непостижимое богатство жизни, существуютъ возможности, положенія, духовный міръ—Богъ... (Вздрагивая, запахиваетъ на груди одежду, какъ бы обвѣянный холодомъ.) Намъ пришлось бы тогда всему пере-

учиться... (Все тише.) и я боюсь, Лабанъ... что для меня было бы уже слишкомъ поздно!.. (Падаетъ въ кресло, тяжело дыша и низко опустивъ голову. Долгое молчаніе. Лабанъ, стоя въ сторонѣ, пристально за нимъ наблюдаетъ, отмѣчая что-то карандашомъ въ своей записной книжкѣ).

(Входитъ Эрихъ).

Эрихъ. Что это значитъ? Вы сидите съ закрытыми окнами? (Открываетъ окно).

Профессоръ (вставая.) Это ты, мой мальчикъ? Да, открой окно, широко распахни его! Поди сюда, сынъ мой; слава Богу, что ты пришелъ—ха-ха-ха. Слово „Богъ" произносится часто помимо нашей воли, но надо и въ этомъ случаѣ быть послѣдовательнымъ. Я хочу сказать—ты мнѣ нуженъ, мой милый мальчикъ! Я вспоминаю о Веллингтонѣ, говорившимъ въ ожиданіи Блюхера, во время сраженія при Belle-Alliance: „Я желалъ бы, чтобы наступила ночь или чтобы пришли пруссаки". Такъ и я разъ сто повторялъ, я желалъ бы, чтобы наступила ночь, безразсвѣтная, вѣчная ночь или чтобы пришелъ ко мнѣ мой сынъ и, смѣнивъ меня, докончилъ бы, съ помощью своихъ молодыхъ силъ, мой, ставшій мнѣ не по силамъ трудъ. Ну, и вотъ ты, наконецъ, тутъ со мною! (Жметъ руки Эриха).

Эрихъ. Ты очень утомленъ, дорогой отецъ.

Профессоръ. Пустяки! А гдѣ же твоя жена?

Эрихъ. Она все не можетъ наглядѣться на золотыя воды нашего Рейна. Ты слышалъ, какъ она играла на арфѣ?

Лабанъ (про себя, пряча въ карманъ записную книжку). Лорелея.

Эрихъ. Сегодня утромъ я находился въ приподнятомъ, майскомъ настроеніи духа и подъ вліяніемъ радостнаго сознанія того, что я, одержавъ побѣду, возвратился домой, я написалъ ей праздничную пѣснь. А она подыскиваетъ къ ней музыку, фантазируя на арфѣ.

Профессоръ. Что?..

Эрихъ. Что это тебя такъ удивляетъ?

Профессоръ. Ты занимаешься поэзіей?

Эрихъ. Случается порой, когда находитъ на меня такое настроеніе, знаешь, въ тѣ минуты, когда въ насъ точно все расцвѣтаетъ отъ счастія. Я, впрочемъ, положилъ тебѣ на столъ, въ видѣ привѣта на Троицынъ день мой „гимнъ Солнцу".

Профессоръ (беретъ со стола листокъ бумаги). Такъ это твое произведеніе?

Эрихъ. Или—если хочешь—произведеніе Гильдегарды, потому что въ немъ заключается суть одного, происходившаго между нами, разговора.

Лабанъ (съ ироніей.) Супруга ваша, кажется—извините меня,—она, сколько я могъ замѣтить, весьма благочестива. Она, даже садясь за столъ, молится.

Эрихъ (сухо.) Жена моя дочь миссіонера.

Профессоръ (долго смотрѣвшій то на сына, то на листокъ со стихотвореніемъ, холодно). Лабанъ, занятія наши, на сегодня, кончены. (Лабанъ кланяется и хочетъ уходить.) Подождите. (Подходитъ къ нему, внушительно и хладнокровно говоря.) То, о чемъ мы сегодня говорили, остается между нами. (Беретъ его за руку, смотря ему въ глаза.) А насчетъ того, что надо будетъ предпринять въ случаѣ, если мое состояніе ухудшится—я говорю о крайнихъ мѣрахъ, долженствующихъ положить скорый конецъ всему, прежде нежели все станетъ извѣстнымъ враждебной мнѣ партіи,—насчетъ этого мы еще поговоримъ съ вами. Борьба будетъ продолжаться и безъ меня. Врагъ будетъ побѣжденъ. А пока все это остается между нами. (Твердо и строго смотритъ на него, сжимая ему руку, Лабанъ низко кланяется и уходитъ, видимо сильно испуганный, робко озираясь вокругъ).

(Профессоръ и Эрихъ).

Эрихъ. Надо считаться со всякими случайностями.

Профессоръ. Надо считаться со всякими случайностями. Я говорилъ сейчасъ Лабану: борьба будетъ продолжаться, если меня и не будетъ болѣе здѣсь. И я хотѣлъ было прибавить, указавъ на тебя: и вотъ, нашъ будущій вождь,— но въ послѣднюю минуту я раздумалъ это говорить, благодаря вотъ этому вздору (указывая на листокъ) и еще многому, что бросилось мнѣ въ глаза и что пришло мнѣ внезапно въ голову... Сынъ мой! Вотъ уже второй день, какъ ты избѣгаешь объясненія со мной... Три года мы въ глаза не видали другъ друга, писалъ ты рѣдко, да вотъ и теперь ты стоишь передъ твоимъ отцомъ въ какомъ-то смущеніи и какъ бы уклоняясь отъ прямого отвѣта. (Подходя къ нему ближе, кладетъ ему на плечо руку.) Сынъ мой, неужели ты хочешь меня покинуть? (Минутное молчаніе.) Эрихъ, говорю тебѣ,—Эрихъ, ты мнѣ необходимъ! Болѣе, нежели ты самъ это предполагаешь, Эрихъ? Необходима мнѣ помощь твоя. Лишь крайнимъ напряженіемъ силъ удерживаю отъ разрушенія эту дряхлую развалину—мое тѣло... Но я не хочу разрушиться, не имѣю еще права разрушиться потому, что я не одержалъ еще побѣды! (Съ трудомъ переводитъ дыханіе).

Эрихъ (испуганный). Я уже вчера говорилъ тебѣ, ты въ высшей степени переутомленъ, добрый, дорогой отецъ мой. Для чего-же вернулся я къ тебѣ, вернулся вдвоемъ съ самой жизнерадостной изъ женщинъ какъ не для того, чтобы освѣтить жизнь твою, цѣлымъ небомъ, сіяющимъ тепломъ и красотой вечерней зари. Мой милый старикъ!

Профессоръ. Я не старикъ! Я не хочу быть старикомъ! Когда послѣдній изъ темныхъ невѣждъ истлѣетъ въ землѣ, тогда я стану старикомъ... Сынъ мой! Спрашиваю тебя съ глазу на глазъ: ты перешелъ къ нимъ, на ихъ сторону?

Эрихъ. Но что ты хочешь?

Профессоръ. Послѣ всѣхъ твоихъ чудесныхъ начинаній. При твоихъ несравненыхъ дарованіяхъ!.. Въ виду моей борьбы и того, чѣмъ стало въ общественномъ мнѣніи имя мое—именно теперь, когда я стою на краю бездны—это было бы подло, это было бы неслыханнымъ позоромъ! Этого невозможно пережить? Прикованный къ скалѣ Прометей, претерпѣвшій столько мукъ отъ клюва коршуна и терзаній, гнѣва, и тотъ закричалъ бы при видѣ такой коварной, отцеубійственной измѣны. (Ходитъ въ страшномъ волненіи по комнатѣ, выпиваетъ залпомъ стаканъ воды).

Эрихъ. Отецъ, не думай, что я перешелъ на сторону какой либо партіи.

Профессоръ. Партіи? На свѣтѣ существуютъ лишь двѣ партіи, съ тѣхъ поръ, какъ земля вращается вокругъ солнца. Партія сильныхъ, могуче опирающихся о скалу, впивающихся когтями въ міръ дѣйствительности, и партія гонимыхъ вѣтромъ мечтателей. Первыхъ величаютъ матеріалистами; людьми безъ нравственныхъ основъ, атеистами, а тѣ другіе,—это идеалисты. Они состоятъ въ борьбѣ между собой со временъ Каина и Авеля: Каинъ былъ мужъ, Авель—пустоголовый ребенокъ. Дымъ Каинова огня опустился тяжелой, черной тучей на землю, дымъ Авелева жертвенника безслѣдно испарялся въ воздухѣ... Смотри на это, какъ на символъ.

Эрихъ. Хорошо, отецъ. Мы, такимъ образомъ, прекрасно поймемъ другъ друга. Обѣ эти силы необходимы для поддержки вселенной. Чрезмѣрно напряженный матеріализмъ можетъ стать отцомъ противоположнаго направленія. Если такъ, то я настоящій сынъ твой.

Професоръ. Хитро придумано. Ты, слѣдовательно, откровенно говоришь, прямо сознаешься въ томъ, что ты отъ меня отрекся?

Эрихъ (спокойно и твердо). Видишь ли, отецъ... я все откладывалъ это объясненіе, желая дать тебѣ время отдохнуть и успокоиться. Но я вижу, что ты такимъ образомъ не добьешься спокойствія. Я долженъ тебѣ во всемъ признаться. Отецъ, я дѣйствительно не могу продолжать твою работу. Твое міровоззрѣніе стало мнѣ чуждымъ... Я долженъ сказать болѣе: я буду стараться побороть—если это окажется нужнымъ—твое міровоззрѣніе... Прости меня, отецъ, но я не могу иначе поступить.

Профессоръ (съ усиліемъ выговаривая слова). Ты—хорошо—прекрасно—ты будешь стараться—побороть меня, побороть меня. (Падаетъ въ кресло, опустивъ въ изнеможеніи руки).

Эрихъ (подходя къ нему). Милый батюшка—я несказанно страшился этого объясненія... повѣрь мнѣ! Сколько разъ находясь среди тихихъ волнъ океана, мысленно видѣлъ я тебя передъ собой сидящаго у рабочаго стола, открывающаго и закрывающаго книги, видѣлъ тебя, трудящагося день и ночь надъ твоими аппаратами, работающаго какъ бы съ вылитыми изъ стали нервами и мускулами; и я видѣлъ, какъ ты все чего-то искалъ и искалъ...и все не находилъ!.. Какъ мнѣ было жаль тебя, отецъ!

Профессоръ. Уходи отсюда—уходи! (Стонетъ.) Сколько тысячелѣтій я... прикованный къ этому рабочему столу! Тысячи лѣтъ жду я—не придетъ ли мнѣ кто-нибудь на смѣну... И вдругъ... теперь...

(Входитъ Гильдегарда, держа въ рукахъ большой пучокъ сирени, который она кладетъ на столъ).

Эрихъ. Поди сюда, Гильдегарда... помоги мнѣ. Это поразило его болѣе, чѣмъ я ожидалъ... (Подходитъ съ ней къ отцу: тотъ вскакиваетъ съ мѣста, дико смотря на нихъ.) Смотри—мы оба тутъ, передъ тобой—мы, дѣти твои! Дѣти твои хотятъ сказать тебѣ, что они всѣмъ сердцемъ любятъ тебя.—Посмотри на нее, на мою милую жену! Я выбрался изъ стѣнъ этого ученаго дома—и хотѣлъ,—чего я хотѣлъ? Хотѣлъ доказать происхожденіе человѣка изъ земли, роясь въ древнихъ, найденныхъ въ ней, костяхъ. И я нашелъ, отецъ — вмѣсто грязной тины и истлѣвшихъ костей — это живое сердце — до краевъ переполненное свѣтомъ солнца. И въ немъ открылось мнѣ истинное происхожденіе наше—происхожденіе человѣка—изъ свѣта!

Профессоръ (глухо шепчетъ, не сводя съ нихъ глазъ). Я васъ уже когда-то видѣлъ... Вы мнѣ когда-то—уже говорили это.

Гильдегарда. Что съ нимъ? (Подходя къ нему.) Милый батюшка.

Профессоръ (отшатываясь отъ нея). Прочь! (Пугается самъ своего возгласа и возвращается снова къ дѣйствительности.) Твое отре-

ченіе... твое отреченіе... я не нахожу словъ... (Садится. Гильдегарда опускается передъ нимъ на колѣни. Онъ стонетъ.) Я не вижу конца... Не вижу его во вѣки вѣковъ...

Гильдегарда. Конца нѣтъ! Его нѣтъ во вѣки вѣковъ! Это говоримъ и мы оба—Эрихъ и я. Но мы говоримъ это въ блаженные часы любви — и говоримъ совсѣмъ не такимъ тономъ, какъ ты. Любви нѣтъ конца — любовь безконечна. Поди съ нами, въ нашу страну любви, отецъ; тамъ ты не будешь болѣе вздыхать— ты будешь лишь радостно повторять съ нами: конца нѣтъ—нѣтъ его во вѣки вѣковъ!

Эрихъ (опускаясь на колѣни по его другую сторону). Да, отецъ— и позволь напомнить тебѣ о твоемъ любимомъ изреченіи: „Знаніе— могущество!" Повѣрь мнѣ, отецъ, любовь — могущество! Слушай, что я тебѣ скажу: если смотрѣть на вещи трезво и съ дѣловой точки зрѣнія—смотрѣть земными глазами, которыми вы стараетесь на все взирать—то вся суть моего странствованія заключается въ слѣдующемъ. Я совершилъ — надо сказать, безъ успѣха—путешествіе съ научной цѣлью, познакомился въ Индіи съ моей невѣстой и возвратился съ нею домой. Хорошо. Вѣдь это, собственно говоря, все—не правда ли? Но насколько радостнѣе, лучше, насколько тоньше и глубже—звучитъ все это, пересказанное языкомъ души? Былъ человѣкъ, который чуть было не погибъ, затравленный борьбой нашего вѣка; но онъ встрѣтился со свѣтлымъ созданіемъ, научившимъ его смотрѣть на все просвѣтленнымъ взоромъ. Она стала его женой и возвратилась съ нимъ въ Европу — и оба они дали обѣтъ открыть людямъ двери къ истинной, полной свѣта, жизни— вѣрно и мужественно трудясь надъ своей скромной работой... И вотъ мы здѣсь—передъ тобой; мы стоимъ оба, преклонивъ колѣна передъ человѣкомъ, въ которомъ сильнѣе нежели въ комъ-либо— воплотился духъ этого жестокаго времени. — Не такъ ли, Гильдегарда? Отецъ — тебѣ не придется принести въ жертву ничего изъ того драгоцѣннаго клада, который ты пріобрѣлъ такимъ неустаннымъ трудомъ — ты ничего не принесешь въ жертву. Дай намъ лишь изгнать отсюда демона ненависти и тревоги; демона ненасытной алчности; позволь намъ изгнать его, какъ изгоняли царство зимы изъ древней Германіи. Не такъ ли, Гильдегарда?

Профессоръ (какъ бы въ забытьи смотря на нихъ.) Все это— не наука!

Эрихъ. Нѣтъ—это наука сердца!

Гильдегарда. Называй это поэзіей, дорогой отецъ; называй премудростью; называй вѣрой въ Божество... ахъ—называйте это

какимъ хотите именемъ!.. Что значитъ названіе—имя?.. Оглянитесь вокругъ. Канунъ Троицына дня сіяетъ на золотомъ небосклонѣ — собирается прозвучать благовѣстомъ колоколовъ надъ землею! О, я такъ уберу зелеными вѣтвями вашу рабочую комнату, что вамъ придется пробираться къ вашимъ аппаратамъ черезъ цѣлую зеленую рощу! Да? Можно? — Вся твоя ученость станетъ вдругъ свѣтлой, радостной, божественной!

Профессоръ (вставая). „Божественной!“ Ты, кажется, должна сама видѣть, что твой способъ перевоспитанія для меня не пригоденъ... (Спокойно и холодно.) Ступайте въ свои комнаты. Здѣсь мы заняты серіознымъ дѣлемъ. (Рѣзче.) Я хочу этимъ сказать: дѣтямъ—мѣсто въ дѣтской—Понимаете? (Сердито толкаетъ ногой кресло).

(Входитъ Яковъ, старикъ съ сѣдыми, кудрявыми волосами, на головѣ шапочка).

Яковъ. Я полагаю — вамъ лучше будетъ оставить господина профессора одного. (Становится между Эрихомъ и Гильдегардой).

Профессоръ (устремивъ на нихъ глаза.) Стойте, стойте! (Хватается рукой за лобъ, какъ бы что-то припоминая.) Васъ — всѣхъ троихъ—я гдѣ-то... гдѣ-то... Уходите отсюда!.. Вы всѣ трое чего-то отъ меня добиваетесь!.. Вы всѣ трое меня преслѣдуете—преслѣдуете меня—цѣлыя тысячи лѣтъ!..

(Эрихъ проситъ знакомъ жену и Якова удалиться. Они уходятъ; онъ остается одинъ съ отцомъ).

Эрихъ. Отецъ, отложимъ пока въ сторону всѣ эти теоретическія препирательства, отнесемся другъ къ другу какъ человѣкъ къ человѣку, какъ отецъ къ сыну. Знаешь, что я предложу тебѣ? Поѣдемъ прокатиться по Рейну. Посмотри, какой чудный, майскій вечеръ! Мы станемъ болтать о вседневныхъ вещахъ, ты расположишься поудобнѣе въ лодкѣ,—а я буду лишь твоимъ сыномъ—и ничѣмъ болѣе...

Профессоръ. Мой сынъ!... Нашъ будущій вождь!.. Ха, ха, ха!.. Вотъ будетъ потѣха для всѣхъ отсталыхъ невѣждъ... О, о!..

Эрихъ. Твой сынъ...

Профессоръ (внѣ себя.) Нѣтъ у меня сына!.. Мой сынъ тотъ, кто трудится надъ моей работой... Лабанъ будетъ моимъ сыномъ! Да! Лабанъ, Лабанъ!.. А ты можешь называть отцомъ—ханжу Якова — вы вѣдь всегда были съ нимъ заодно — вы заговорщики!.. (Надѣваетъ на голову шляпу.) Вы оба—ты и жена твоя—можете итти своей дорогой — препятствій съ моей стороны не будетъ... Лицемѣрія я никогда не выносилъ... сентиментальность мнѣ отвратительна...И потому—намъ всего лучше будетъ—разстаться.

И ты можешь уйти, унося съ собой убѣжденіе въ томъ—что ты въ конецъ разрушилъ дѣло цѣлой жизни, изнемогшаго отъ труда человѣка... Да, ты его разрушилъ... предалъ... А теперь оставь меня одного... Убирайся въ свою дѣтскую!

Эрихъ (собираясь съ духомъ и стараясь сдержать внутреннее раздраженіе.) Въ дѣтскую?.. Хорошо, отецъ... это—съ насмѣшкой повторяемое тобою слово—напоминаетъ мнѣ о томъ, что у меня была тоже и мать, а не лишь ты одинъ. Оно напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ часто запуганная и угнетенная мать моя искала убѣжища въ моей дѣтской—изгнанная высокомѣрными упреками изъ твоего присутствія—осмѣянная и поруганная въ самыхъ святыхъ своихъ вѣрованіяхъ! Если ты желаешь оскорблять какъ неразумнаго ребенка—каждаго, кто осмѣливается внести частицу царственнаго духа въ эту комнату, то я оставлю въ сторонѣ духъ этотъ и буду говорить съ тобою лишь какъ сынъ моей матери—и я тебя спрашиваю: что сдѣлалъ ты съ моею матерью? Что сталось съ тѣмъ счастіемъ, которое ты былъ обязанъ дать ей? Что сталось съ моею молодостью?.. Ты ни единаго раза не подумалъ о томъ—ты, превратившійся среди машинъ въ машину—что тамъ, въ дѣтской, сидитъ твоя измученная жена, держа на рукахъ своего запуганнаго, растеряннаго мальчика; что она плачетъ—плачетъ—и что слезы ея сливаются со слезами ребенка... Или это было лишь сентиментальностью, съ нашей стороны? Или чудная женская душа, считавшаяся, бывало, германскимъ племенемъ за святыню, превратилась въ настолько достойную осмѣянія вещь, что ты считалъ себя въ правѣ растоптать ее ногами, съ высоты своего научнаго фанатизма? На твоей душѣ—ея слезы—слезы, которыхъ ты никогда не понималъ! Эти слезы разрушаютъ теперь дѣло твоей жизни—а не я!—Ты говорилъ сейчасъ о моихъ несравненныхъ дарованіяхъ; неужели я внезапно превратился въ твоихъ глазахъ—въ глупца—потому только, что я не хочу болѣе продолжать вашу враждебную борьбу съ Божествомъ—борьбу, называемую вами—наукой.

Гильдегарда (вбѣгая). Эрихъ!..

Эрихъ (гнѣвно). Я жду отвѣта!.. Онъ долженъ дать мнѣ отвѣтъ. Я весь дрожу отъ негодованія... Тридцать лѣтъ угнеталъ и озлоблялъ онъ меня! Онъ исказилъ человѣческій образъ во мнѣ и въ себѣ! Онъ исказилъ царственную науку! Всѣ они должны дать въ томъ отчетъ... Я не хочу быть ни животнымъ, ни машиною; я хочу, чтобы вы возвратили мнѣ, мой человѣческій образъ!..

Гильдегарда. Прости его, отецъ... Эрихъ, поди сюда... Видишь, отецъ, онъ хочетъ просить у тебя прощенья...

Профессоръ (очень холодно). Это будетъ совершенно лишнимъ потому уже, что я столько же понимаю всю эту болтовню — сколько и вотъ этотъ напыщенный вздоръ — его гимнъ Солнцу!... Яковъ, приготовь мнѣ постель — здѣсь, на диванѣ. Къ ужину можете тоже не ждать меня.. (Хочетъ уходить).

Эрихъ. Нѣтъ, отецъ, нѣтъ... Неужели мы такъ встрѣтимъ съ тобою—Троицынъ день?

Профессоръ (холодно, намѣренно оскорбительнымъ тономъ.) Ступай въ дѣтскую! (Уходитъ).

(Эрихъ, Гильдегарда).

Эрихъ (сильно взволнованный, но съ твердостью.) Итакъ—между нами преграда навѣки... Конецъ всему! Гильдегарда, я потерялъ отца — окончательно потерялъ его! Все, что соединяетъ человѣка съ человѣкомъ—все это изсохло въ этомъ существѣ — все окаменѣло и окостенѣло...

Гильдегарда. Мы еще поборемся съ нимъ, Эрихъ; мы еще завоюемъ его!

Эрихъ. Нѣтъ, нѣтъ—его ты не завоюешь! Я вижу передъ собой глубокую, полную тайнъ человѣческой жизни — бездну. Они и мы! Мы съ ними никогда не сойдемся—развѣ лишь тогда, когда разрушится эта земля и зародится новый міръ. Наша непрерывная борьба, наши побѣды и пораженія—поддерживаютъ жизнь этой звѣзды—такъ же какъ лѣто и зима, какъ день и ночь, какъ любовь и ненависть... Ахъ, Гильда! Сердце мое скорбитъ объ этомъ старикѣ: вѣдь онъ отецъ мой! Какъ радовался я тому, что принесу ему съ собой—плоды моей жатвы—эту радостную, свѣтлую, такъ блаженно одушевляющую насъ, жизнь. Какъ радовался я тому, что буду дѣлиться силами этой внутренней жизни моей со всякимъ, кому будетъ доступно мое слово. Потому что я желалъ быть не только человѣкомъ науки, которую я искренно люблю, Гильда—я желалъ уподобиться поэту и ясновидцу... Но теперь — здѣсь... О темная, тупая дѣйствительность.

Гильдегарда. Не теряй мужества, мой Эрихъ! Развѣ мы не пришли съ тобой подобно борцамъ и крестоносцамъ—въ эту, утратившую свою святыню—землю, для того, чтобы вернуть ее снова къ божественному свѣту! (Раздѣляетъ пучокъ сирени на небольшіе букеты и разставляетъ ихъ повсюду).

Эрихъ. Бороться и работать—этому я научился у отца. И я буду придерживаться этого, усвоеннаго мною навыка со всей настойчивостью сѣвернаго германца.

Гильдегарда. Но мы будемъ бороться въ любви и ра-

дости.... да, Эрихъ? Наше чело должно оставаться яснымъ—не правда ли, милый? (Гладитъ его лобъ.) Вотъ такимъ я люблю тебя. Герои должны быть бодры и веселы. Эта улыбка, свѣтлая и въ то же время чуть-чуть печальная, придаетъ твоему милому лицу выраженіе, поясняющее все внутреннее существо твое... Знаешь, я такъ люблю нидерландскіе воинскіе напѣвы и еще — хоралы временъ реформаціи; какъ часто пѣвали мы ихъ по воскреснымъ вечерамъ, оглашая ихъ звуками индійскую лѣтнюю ночь. Вокругъ стояли, притаясь въ кустарникахъ, смуглые люди и прислушивались къ нашему пѣнію. „Пріиди, Духъ Святый—Господи, Боже нашъ!“ Не правда ли, какъ величаво это звучитъ? И частица этого Духа должна жить и въ насъ обоихъ—да, Эрихъ—мой другъ и братъ—мужъ мой?

Эрихъ. „Въ давно минувшія годины
„Сестра ль моя, невѣста ль ты была?“
О, Гильдегарда! Я лишь твое отраженіе! Я лишь отзвукъ твоего сладкаго голоса.

Гильдегарда. Съ давнихъ, незапамятныхъ временъ люблю я тебя—и буду любить вѣчно! (Нѣжно обнимаютъ другъ друга.) А теперь—я побѣгу въ паркъ—къ отцу и постараюсь задобрить его ласковымъ словомъ—знаешь, такъ—совсѣмъ незамѣтно; начну болтать о разныхъ мелочахъ—о растущихъ по дорогѣ цвѣтахъ—для того лишь, чтобы онъ почуялъ около себя нѣчто человѣческое. Да? Но прежде, нежели я туда пойду, сдѣлай вотъ что: прочти мнѣ—и вотъ этой комнатѣ твой гимнъ Солнцу? Да?

Эрихъ (улыбаясь). Ахъ, ты — съ твоимъ южно-германскимъ— „да“. Сколько разъ на дню повторишь ты это „да“?

Гильдегарда. И вотъ что я еще скажу тебѣ, Эрихъ; не знаю, поймешь ли ты меня. Въ эти печальныя времена легко можетъ показаться притворствомъ свѣтлое душевно-радостное настроеніе въ человѣкѣ—да, милый? Но мы тѣмъ не менѣе—останемся искренними и правдивыми и будемъ твердо стоять на нашей почвѣ, для того чтобы люди не говорили: „Имъ легко смѣяться!“ Ахъ, нѣтъ. Было время, когда намъ вовсе не легко было смѣяться— ни тебѣ, ни мнѣ... Но теперь мы смѣемся и радуемся ото всей души! Да, Эрихъ?

Эрихъ. Да—Гильдегарда? (Задушевно и серьезно.) Да, я понимаю тебя, дорогая моя. Не легко намъ уживаться съ жутко-тяжелымъ настроеніемъ моего отца. Въ немъ все велико—и самыя заблужденія его. Мы постоянно стоимъ въ тѣни этой величавой личности. (Беретъ со стола листокъ бумаги.) Итакъ — мой гимнъ

Солнцу... Гильдочка... (Снова опуская руку съ листкомъ.) мнѣ очень больно... очень, очень больно...

Гильдегарда (отирая ему глаза). Что это—слезы, мой храбрый другъ? (Цѣлуетъ его въ глаза.)

Эрихъ. Не обращай на это вниманія... Это надо какъ-нибудь пережить... Гимнъ Солнцу!...... Онъ ищетъ родину человѣка въ грязной тинѣ; мы—упорно и со слезами—настаиваемъ на томъ, что мы искры Божества, исшедшія изъ того непостижимаго начала, которое сказывается тепломъ и свѣтомъ во всѣхъ ощущеніяхъ нашихъ—вѣрой, надеждой и любовью—въ душахъ нашихъ! (Гильдегарда садится. Свѣтъ вечерней зари освѣщаетъ комнату).

Эрихъ (читаетъ сначала грустнымъ, но затѣмъ все болѣе крѣпнущимъ голосомъ, съ возрастающимъ къ концу воодушевленіемъ).

„Гимнъ Солнцу".

„Праздничная пѣснь моя славитъ тебя, святое Солнце; голосъ мой звучитъ какъ колокола звонъ! Я—звукъ Божіей арфы; я искра безконечнаго огня—огня творческой силы; я—частица вѣчнаго источника любви! Священное пламя — я ниспосланъ тобою! Дитя Солнца—я принесенъ свѣтлыми лучами изъ далекой лучезарной страны для того, чтобы повѣдать о ней—порожденнымъ тѣмъ же свѣтомъ—обитателямъ земли! Дитя Солнца—я взошелъ лучомъ въ земную оболочку—сила Слова осѣнила меня—и я пришелъ къ вамъ посломъ—ясновидцемъ, пророкомъ и борцомъ!

Жизнь моя—благодареніе; смерть и судъ—невѣдомы мнѣ. Я былъ свѣтомъ и возвращаюсь къ свѣту... Сіяніе солнца, краса земныхъ цвѣтовъ—моя радость... и я дѣлюсь съ людьми дарами, принесенными мной изъ отчаго дома, изъ свѣтлаго Божіяго чертога—дарами, во вѣкъ неисчерпаемыми!

Жители душной страны, рабы гнетущей среды—зачѣмъ ищете вы вашу родину во прахѣ могилъ? Зачѣмъ бродите—отчаянно цѣпляясь за земную кору, тщетно ища чего-то въ бездушномъ, чуждомъ Божеству пространствѣ. Поднимите главу! Родина наша—вольная ширь вселенной! Мы привѣты радостно сіяющихъ звѣздъ—мы помышленія, мы пѣснопѣнія Божества! Каждый изъ насъ—слово пламенной, вѣчно звучащей въ горнихъ сіяніяхъ—рѣчи!

Изъ дѣтскихъ глазъ улыбается нашъ небесный свѣтъ; лучи его сіяютъ на дѣвичьемъ лицѣ... Въ яркихъ кораллахъ морского дна—въ огненныхъ нѣдрахъ земли—повсюду разлито это пламя! Каждая благая, зародившаяся въ твоемъ сердцѣ, мысль, каждое доброе, исшедшее изъ души, слово — все это — изливаемый на землю свѣтъ. А когда ночная тьма осѣнитъ твое тѣло, то умирающаго

слуха твоего коснется благодатное, принесенное гостемъ изъ храма Бальдура — слово: „Ты совершилъ свой путь; исходъ открытъ передъ тобою!“

„Тогда ты улетишь на родину—въ безграничную даль, ты возвратишься домой! Хоръ друзей встрѣтитъ тебя, пѣснь блаженныхъ духовъ приметъ тебя... О, если бы я обрѣлъ въ вѣяніи вѣтра лишь единый звукъ этой пѣсни — я бы провозгласилъ по всей землѣ: „Мы—дѣти Солнца“.

Гильдегарда (обнимая его). Мы—дѣти Солнца!—Благодарю тебя, милый. А теперь я побѣгу въ паркъ — къ отцу. Да? До свиданія! (Убѣгаетъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Та же комната. Нѣсколько позднѣе. Темно.

Входятъ Эрихъ и Яковъ; первый несетъ зажженную лампу.

Эрихъ. Онъ все еще въ паркѣ. И Гильдегарда съ нимъ. (Ставитъ лампу на столъ.) Можетъ-быть, ей скорѣе меня удастся найти настоящее слово, для того, чтобы его уговорить.

Яковъ (онъ и Эрихъ — говорятъ оба спокойно, но что-то печальное и жуткое, видимо, тяготѣетъ надъ ними). Я видѣлъ, какъ они шли вдвоемъ, озаренные луннымъ свѣтомъ. Страшно было видѣть ихъ вмѣстѣ. Она шла въ своемъ бѣломъ платьицѣ, такая легкая и молодая, а рядомъ съ ней господинъ профессоръ--такой сумрачный, удрученный, шелъ, потупивъ голову и наклонившись къ землѣ. Точь-въ-точь — старый король и молодая королева въ сказкѣ. Давно уже не зналъ нашъ домъ женскаго присутствія.

Эрихъ. Мнѣ надо поговорить съ тобой объ одномъ серьезномъ дѣлѣ. Скажи, пожалуйста, Яковъ, кто жилъ до меня въ моей комнатѣ?

Яковъ. Докторъ Лабанъ.

Эрихъ. А гдѣ онъ теперь живетъ?

Яковъ. Вотъ тутъ—за лабораторіей.

Эрихъ. Слѣдовательно, онъ занимался за письменнымъ столомъ, стоящимъ въ моей комнатѣ?

Яковъ. Да—разумѣется.

Эрихъ (вынимая изъ кармана бумаги). Я нашелъ забытыя въ этомъ столѣ бумаги. Большая часть изъ нихъ написана стенографическимъ шрифтомъ; но я вѣдь учился стенографіи. Что это почеркъ Лабана?

Яковъ. Да.

Эрихъ (пряча бумаги въ карманъ, спокойно, но мрачно). Отецъ мой очень, очень одинокъ... (Кладя руку на плечо Якова, прислонившись къ столу.) Не будь тебя у насъ, мой вѣрный Яковъ, что сталось бы съ моею молодостью. Какъ лелѣялъ ты мою мать, ты добрая душа! Какъ оберегалъ ты меня ото всего дурного, когда я былъ лишь жалкимъ растеньицемъ, не обросшимъ еще твердой корой. Мы будемъ и теперь служить опорой другъ другу.

Яковъ. Мы пріучаемся жить потихонечку, дорогой мой Эрихъ. Двадцать семь лѣтъ служу я здѣсь домоправителемъ. Вотъ уже двадцать семь лѣтъ смотрю я на то, какъ они все ищутъ здѣсь живую душу. То немногое доброе, что я могъ сдѣлать, приходилось мнѣ дѣлать потихоньку. Не то—они вѣдь осмѣяли бы меня.

Эрихъ. Не умаляй значенія этой тихой работы. Кто знаетъ, гдѣ и когда принесетъ плоды твой преданный трудъ? Ни одна былинка не пропадетъ даромъ во вселенной и ни одно доброе дѣло. Тогда — помнишь — я ушелъ отъ тебя въ слезахъ, а теперь, видишь, какимъ твердымъ я стою передъ тобой, мой старый наставникъ.

Яковъ. Да, Эрихъ, надо быть твердымъ. И не надо забывать вести задушевную бесѣду съ Богомъ — вотъ въ чемъ дѣло, дорогой мой. Посмотрите на эту лампу, Эрихъ. Изъ своего укромнаго уголка она вѣдь освѣщаетъ всю комнату, а сама стоитъ тихо, спокойно, ничѣмъ не смущаясь. Такъ и мы должны быть лампадами и проливать на все свѣтъ добрый... Часто припоминаю я слова Христовы: „Вы свѣтъ міру!“ — Но вы говорили что-то о докторѣ Лабанѣ?

Эрихъ. Какъ относится онъ къ отцу? Честно, преданно, добросовѣстно?

Яковъ. Этотъ человѣкъ постоянно суетится, „Пикантно“—вотъ его любимое слово; насчетъ женщинъ—онъ неразборчивъ, надо всѣмъ смѣется—не знаю, есть ли для него что-либо святое. Вѣроятно, онъ человѣкъ дѣльный; но вліяніе его на господина профессора—не благотворное; онъ словно кнутомъ подгоняетъ его. Всякую, напечатанную въ газетахъ подлость онъ подчеркиваетъ синимъ карандашомъ и кладетъ ему на столъ. Господинъ профессоръ такъ и не выходитъ изъ возбужденнаго состоянія. А тотъ—поти-

раетъ себѣ руки и помогаетъ ему сочинять отвѣтныя статьи; это его забавляетъ. Сказать правду—вѣдь съ нимъ однимъ и можетъ лишь ужиться господинъ профессоръ—тотъ знаетъ, какъ къ нему приступиться. Вѣдь противорѣчія—нашъ господинъ профессоръ—не выноситъ—вы сами это знаете. Человѣкъ съ характеромъ—врядъ ли ужился бы съ нашимъ господиномъ профессоромъ.

Эрихъ. Итакъ, онъ пишетъ въ газетахъ?

Яковъ. Да—какъ же.

Эрихъ. Позови его сюда, Яковъ (Садится къ столу и пишетъ.)

Яковъ. Онъ уже, вѣроятно, легъ спать. Онъ завтра рано уѣзжаетъ отсюда.

Эрихъ. Именно потому-то мнѣ его и надо.

Яковъ. А если сюда придетъ господинъ профессоръ?

Эрихъ. Наше съ нимъ дѣло будетъ скоро кончено.

(Яковъ уходитъ въ лабораторію; слышно какъ онъ стучится въ дверь Лабана).

Яковъ (за дверью). Господинъ докторъ, пожалуйте на минутку сюда. (Возвращаясь.) А мнѣ прикажете уйти?

Эрихъ. Нѣтъ—останься здѣсь.

(Входитъ Лабанъ, въ домашней курткѣ, безъ воротничка).

Лабанъ. Что вамъ угодно, господа? Уже поздно. Извините, я по-домашнему.

Эрихъ. Я долженъ предложить вамъ лишь одинъ вопросъ. (Показывая ему бумаги.) Это вы писали?

Лабанъ (видимо испуганный). Скажите!... Да, да—это несомнѣнно мой почеркъ.—Ахъ, да, теперь понимаю: это я выписалъ изъ газеты—одну пикантную статейку.—Такъ, такъ! Но къ чему такая торжественность? У васъ обоихъ такой озабоченный видъ, точно вы члены тайнаго суда... И обстановка подходящая.—Полночь, старый замокъ—тусклое освѣщеніе...

Эрихъ (пряча бумаги). Слѣдовательно, это вы писали; вотъ все, что я хотѣлъ знать.—Вы пишете статьи объ умственномъ разстройствѣ моего отца?

Лабанъ. Кто это говоритъ? (Якову.) Это вы шпіоните?

Эрихъ. При этихъ рукописяхъ было письмо изъ редакціи, адресованное на ваше имя. Извините, что я принялъ все это за старыя, забытыя бумаги... (Снова пряча бумаги, очень спокойно и рѣшительно.) Я долженъ нѣчто сказать вамъ, господинъ докторъ: я превосходно стрѣляю. Я попадаю въ птицу на лету, а не только что въ неподвижно стоящаго человѣка... Далѣе—такъ какъ подобный образъ дѣйствій противорѣчитъ, вѣроятно, вашимъ—да отчасти и моимъ воззрѣніямъ, то мускулы рукъ моихъ настолько хорошо

развиты, что (сдерживая съ трудомъ усиливающееся раздраженіе) для меня ничего не значитъ—въ особенности, когда я чѣмъ-либо раздраженъ—схватить за воротъ человѣка вашего роста и перебросить его черезъ баллюстраду этого балкона—въ Рейнъ... а именно, въ эту минуту я такъ настроенъ.—Но я буду спокоенъ—вполнѣ спокоенъ... я ограничусь на этотъ разъ другимъ способомъ удовлетворенія. (Беретъ со стола листъ бумаги.) Вотъ письменное заявленіе, въ которомъ вы сознаетесь въ вашей безчестной измѣнѣ—и обязуетесь вашимъ словомъ—не сообщать болѣе ничего—ни теперь, ни впослѣдствіи—о состояніи моего отца. Въ противномъ же случаѣ—ну, да — прочтите сами... Вы подпишитесь въ нашемъ присутствіи, подъ этимъ заявленіемъ. (Беретъ со стола перо.) Вотъ вамъ перо.

Лабанъ (беря бумагу). Я, право, не понимаю... Въ силу чего?.. Въ интересахъ науки...

Эрихъ (вспыхивая). Которую вы опозорили!.. Не смѣйте произносить слово: наука!.. (Спокойнѣе.) Вотъ вамъ перо.

Лабанъ (пожимая плечами). Ну, да, конечно — разъ употребляютъ нравственное насиліе. (Нехотя подписываетъ бумагу и бросаетъ затѣмъ перо).

Эрихъ (беретъ и прячетъ бумагу). Вы собираетесь уѣзжать завтра отсюда. Вамъ не трудно будетъ найти предлогъ для того, чтобы превратить временное отсутствіе ваше — въ постоянное. Отца моего нечего будетъ безпокоить всею этой исторіей. Покойной ночи.

(Лабанъ стоитъ съ минуту въ нерѣшимости; но видя, что на него не обращаютъ вниманія, уходитъ, пожимая плечами, черезъ лабораторію).

Эрихъ (съ облегченіемъ вздыхая, встряхиваетъ рукой, точно желая столкнуть съ нея нѣчто непріятное.) Который теперь часъ?

Яковъ. Остался еще часъ до Троицына дня.

Эрихъ. Троицынъ день! Праздникъ Святого Духа! (Открываетъ окно.) Какая благоуханная, майская ночь. Какъ все живетъ, дышитъ и цвѣтетъ вокругъ этой, увитой плющемъ, темницы. Земля усыпаетъ цвѣтами лоно свое; лозы, деревья, поля — все пышно распускается, стремясь къ небесному своду; Рейнъ струится въ царственномъ спокойствіи среди всей этой благодатной красоты!.. Яковъ, вѣдь это нашъ Рейнъ—наша жизнерадостная, родная рѣка, по которой я ребенкомъ катался въ лодкѣ съ моей матерью, слушая ея пѣсни о веснѣ и любви! Изо дня въ день протекаетъ этотъ живительный потокъ—мимо ихъ оконъ... Какъ не выступитъ онъ изъ своего русла, не поднимется до нихъ—и не схватитъ этихъ людей за воротъ... Слушай! (Вдали слышны звуки арфы и пѣніе).

раетъ себѣ руки и помогаетъ ему сочинять отвѣтныя статьи; это его забавляетъ. Сказать правду—вѣдь съ нимъ однимъ и можетъ лишь ужиться господинъ профессоръ—тотъ знаетъ, какъ къ нему приступиться. Вѣдь противорѣчія—нашъ господинъ профессоръ—не выноситъ—вы сами это знаете. Человѣкъ съ характеромъ—врядъ ли ужился бы съ нашимъ господиномъ профессоромъ.

Эрихъ. Итакъ, онъ пишетъ въ газетахъ?

Яковъ. Да—какъ же.

Эрихъ. Позови его сюда, Яковъ (Садится къ столу и пишетъ.)

Яковъ. Онъ уже, вѣроятно, легъ спать. Онъ завтра рано уѣзжаетъ отсюда.

Эрихъ. Именно потому-то мнѣ его и надо.

Яковъ. А если сюда придетъ господинъ профессоръ?

Эрихъ. Наше съ нимъ дѣло будетъ скоро кончено.

(Яковъ уходитъ въ лабораторію; слышно какъ онъ стучится въ дверь Лабана).

Яковъ (за дверью). Господинъ докторъ, пожалуйте на минутку сюда. (Возвращаясь.) А мнѣ прикажете уйти?

Эрихъ. Нѣтъ—останься здѣсь.

(Входитъ Лабанъ, въ домашней курткѣ, безъ воротничка).

Лабанъ. Что вамъ угодно, господа? Уже поздно. Извините, я по-домашнему.

Эрихъ. Я долженъ предложить вамъ лишь одинъ вопросъ. (Показывая ему бумаги.) Это вы писали?

Лабанъ (видимо испуганный). Скажите!... Да, да—это несомнѣнно мой почеркъ.—Ахъ, да, теперь понимаю: это я выписалъ изъ газеты—одну пикантную статейку.—Такъ, такъ! Но къ чему такая торжественность? У васъ обоихъ такой озабоченный видъ, точно вы члены тайнаго суда... И обстановка подходящая.—Полночь, старый замокъ—тусклое освѣщеніе...

Эрихъ (пряча бумаги). Слѣдовательно, это вы писали; вотъ все, что я хотѣлъ знать.—Вы пишете статьи объ умственномъ разстройствѣ моего отца?

Лабанъ. Кто это говоритъ? (Якову.) Это вы шпіоните?

Эрихъ. При этихъ рукописяхъ было письмо изъ редакціи, адресованное на ваше имя. Извините, что я принялъ все это за старыя, забытыя бумаги... (Снова пряча бумаги, очень спокойно и рѣшительно.) Я долженъ нѣчто сказать вамъ, господинъ докторъ: я превосходно стрѣляю. Я попадаю въ птицу на лету, а не только что въ неподвижно стоящаго человѣка... Далѣе—такъ какъ подобный образъ дѣйствій противорѣчитъ, вѣроятно, вашимъ—да отчасти и моимъ воззрѣніямъ, то мускулы рукъ моихъ настолько хорошо

развиты, что (сдерживая съ трудомъ усиливающееся раздраженіе) для меня ничего не значитъ—въ особенности, когда я чѣмъ-либо раздраженъ—схватить за воротъ человѣка вашего роста и перебросить его черезъ баллюстраду этого балкона—въ Рейнъ... а именно, въ эту минуту я такъ настроенъ.—Но я буду спокоенъ—вполнѣ спокоенъ... я ограничусь на этотъ разъ другимъ способомъ удовлетворенія. (Беретъ со стола листъ бумаги.) Вотъ письменное заявленіе, въ которомъ вы сознаетесь въ вашей безчестной измѣнѣ—и обязуетесь вашимъ словомъ—не сообщать болѣе ничего—ни теперь, ни впослѣдствіи—о состояніи моего отца. Въ противномъ же случаѣ—ну, да — прочтите сами... Вы подпишитесь въ нашемъ присутствіи, подъ этимъ заявленіемъ. (Беретъ со стола перо.) Вотъ вамъ перо.

Лабанъ (беря бумагу). Я, право, не понимаю... Въ силу чего?.. Въ интересахъ науки...

Эрихъ (вспыхивая). Которую вы опозорили!.. Не смѣйте произносить слово: наука!.. (Спокойнѣе.) Вотъ вамъ перо.

Лабанъ (пожимая плечами). Ну, да, конечно — разъ употребляютъ нравственное насиліе. (Нехотя подписываетъ бумагу и бросаетъ затѣмъ перо).

Эрихъ (беретъ и прячетъ бумагу). Вы собираетесь уѣзжать завтра отсюда. Вамъ не трудно будетъ найти предлогъ для того, чтобы превратить временное отсутствіе ваше — въ постоянное. Отца моего нечего будетъ безпокоить всею этой исторіей. Покойной ночи.

(Лабанъ стоитъ съ минуту въ нерѣшимости; но видя, что на него не обращаютъ вниманія, уходитъ, пожимая плечами, черезъ лабораторію).

Эрихъ (съ облегченіемъ вздыхая, встряхиваетъ рукой, точно желая столкнуть съ нея нѣчто непріятное.) Который теперь часъ?

Яковъ. Остался еще часъ до Троицына дня.

Эрихъ. Троицынъ день! Праздникъ Святого Духа! (Открываетъ окно.) Какая благоуханная, майская ночь. Какъ все живетъ, дышитъ и цвѣтетъ вокругъ этой, увитой плющемъ, темницы. Земля усыпаетъ цвѣтами лоно свое; лозы, деревья, поля — все пышно распускается, стремясь къ небесному своду; Рейнъ струится въ царственномъ спокойствіи среди всей этой благодатной красоты!.. Яковъ, вѣдь это нашъ Рейнъ—наша жизнерадостная, родная рѣка, по которой я ребенкомъ катался въ лодкѣ съ моей матерью, слушая ея пѣсни о веснѣ и любви! Изо дня въ день протекаетъ этотъ живительный потокъ—мимо ихъ оконъ... Какъ не выступитъ онъ изъ своего русла, не поднимется до нихъ—и не схватитъ этихъ людей за воротъ... Слушай! (Вдали слышны звуки арфы и пѣніе).

Кто это? Лорелея или Гильдегарда? Знаешь, что это значитъ-милый мой Яковъ? Это значитъ, что Гильдегарда поетъ моему отцу!.. Это значитъ, что отецъ мой хочетъ, чтобы она пѣла... Это значитъ, что моя Гильда...

Яковъ. Это значитъ, что мы должны ко всему поспокойнѣе относиться, мой пылкій Эрихъ! „Быть на все готовымъ"—говорила, бывало, всегда ваша покойница матушка. А теперь я пойду посмотрю, что дѣлаютъ наши полунощники.

Эрихъ. Они идутъ сюда.

(Входитъ Профессоръ взволнованный; за нимъ съ разстроеннымъ лицомъ - Гильдегарда).

Профессоръ (бросая шляпу на столъ). А теперь — уходите отсюда—оставьте меня въ покоѣ!

Эрихъ. Я слышалъ—Гильдегарда пѣла.

Профессоръ. Уходите—говорю я вамъ!

Гильдегарда. Я не въ силахъ что-либо сдѣлать, Эрихъ!

Эрихъ. Оставь его на сегодня въ покоѣ, милая. — Доброй ночи, батюшка.—Пойдемъ. (Дѣлаетъ знакъ женѣ и Якову, чтобы они уходили).

Яковъ. Не желаете ли, чтобы я...

Профессоръ (сердито.) Убирайтесь всѣ къ чорту! (Они уходятъ; онъ запираетъ за ними дверь.) Они поклялись отнять у меня мой міръ... Эта женщина хочетъ добиться этого своимъ пѣніемъ. Мнѣ дѣлается больно отъ этого пѣнія, какъ глазамъ дѣлается больно отъ дыма... И откуда взялся опять весь этотъ сбродъ— эти призраки, эльфы—всѣ эти хороводы рейнскихъ русалокъ—мой здравый разсудокъ не въ силахъ со всѣмъ этимъ совладать... Я видѣлъ ясно: — тѣнь моей жены стояла среди кустовъ... всѣ, всѣ они заодно! Я же — (Смотритъ, крѣпко ли заперта дверь.) я стою одинъ противъ нихъ всѣхъ! (Замѣчаетъ букеты сирени.) Это, что это еще за дрянь? (Выбрасываетъ ихъ на полъ, садится за столъ и перебираетъ книги.) Я гигантъ—въ странѣ этихъ лилипутовъ! Я выброшенъ на эту разслабленную звѣзду — изъ міра исполиновъ! Для чего я здѣсь? Для того ли, чтобы разгадать, наконецъ, послѣ тысячи вѣковъ — тайну мірозданія? Она виситъ лишь на волоскѣ— сила моего ума разорвала завѣсу міровой тайны... Остается рѣшить лишь еще одинъ вопросъ—послѣдній вопросъ и тогда... я буду знать все! (Вскакиваетъ съ мѣста, потирая съ торжествомъ руки.) Я долженъ узнать еще лишь—(Поднимаетъ съ хитрымъ видомъ указательный палецъ.) откуда все — изъ грязи — или изъ свѣта?.. И еще я долженъ узнать: видѣлъ ли я уже, когда-то прежде—этихъ людей— тѣхъ, что все меня преслѣдуютъ?.. Если я уже прежде видалъ

ихъ, если я уже жилъ подъ другимъ именемъ... или подъ нѣсколькими именами—это безразлично—на этой землѣ, если это такъ—то я—лично я—безсмертное существо!.. Я пришелъ изъ невѣдомой сферы на эту землю, запутался въ паутинной сѣти этой земли — и не могу изъ нея выпутаться... Я тутъ роюсь, копаюсь, пытливо ищу чего-то — и не нахожу исхода — и погружаюсь все снова во тьму смерти, для того, чтобы снова возродившись — возвратиться опять сюда же!.. Однимъ словомъ: откуда все? Изъ грязи — или изъ свѣта? Я—и все современное человѣчество—рѣшили за грязь... (Тише.) Но повсюду чуются еще противорѣчія—рои духовъ витаютъ надъ землей—(Озираясь съ возрастающимъ страхомъ вокругъ.) Какое-то пѣніе звучитъ въ воздухѣ — что-то живетъ, дышитъ и цвѣтетъ вокругъ моей кельи... Какъ знать — какъ знать? Пока я, сидя здѣсь, все чего-то допытывался, надо всѣмъ издѣвался и все предавалъ поруганію—Истина прошла, быть-можетъ, мимо моихъ дверей... (Отираетъ платкомъ лобъ.) Постойте—постойте! Кто это сказалъ — проходя мимо меня, такъ спокойно улыбаясь — и въ то же время такъ величаво строго—кто сказалъ: „Я, жизнь, я—Истина?“ (Ходитъ въ глубокомъ раздумьи по комнатѣ, волоча ноги и потирая руки, какъ Агасферъ; затѣмъ подходитъ къ шкафу съ библіотекой и начинаетъ хохотать.) Слова эти—самое пагубное изъ заблужденій, придуманныхъ лѣнью для того чтобы отвлекать людей отъ труда. Истина?—Вотъ здѣсь, въ этихъ 100,000 томахъ—вотъ гдѣ заключается истина! (Все сильнѣе волнуясь.) И трудись мы и допытывайся билліоны лѣтъ—въ нашихъ рукахъ окажутся все лишь одни обрывки знаній... Но въ этихъ поискахъ—наша сила; въ поглощеніи нами пріобрѣтеннаго — наше наслажденіе... Знаніе — могущество! Мы рыщемъ какъ хищные звѣри по вселенной; мы пьемъ и не въ силахъ утолить нашу жажду — изъ ея источниковъ... Я захвачу — силой моего знанія — макрокосмъ, такъ же какъ схватываю рукой этотъ микрокосмъ. (Беретъ со стола черепъ.) Я выброшу солнце, если оно мнѣ не понравится, какъ выбрасываю въ Рейнъ — этотъ черепъ! (Бросаетъ черепъ за баллюстраду балкона и бѣжитъ, торжествуя, за нимъ вслѣдъ.) Вотъ онъ ударился объ воду—кружится—тонетъ! Ха, ха, ха! Солнце умерло. А я? (Скрещиваетъ на груди руки.) Я стою здѣсь!.. На престолѣ земли!.. Да, я стою на скалѣ Лорелеи!.. Я!.. Неприкосновенный, несокрушимый, всемогущій!..

(Внезапно темнѣетъ; въ блѣдномъ свѣтѣ появляется въ окнѣ Лорелея (въ образѣ Гильдегарды) и медленно, съ угрозой, приподнимаетъ палецъ. Въ волосахъ у нея водяныя лиліи и рѣчная трава. Нѣсколько мгновеній спустя, она исчезаетъ и становится попрежнему свѣтло).

Профессоръ (въ испугѣ отшатнувшійся отъ видѣнія, приходитъ

въ себя, потирая лобъ). Это все галлюцинаціи — все галлюцинаціи! Это видѣніе произошло изъ моего черепа, такъ же какъ и всѣ эти рукописи... Или я не властенъ болѣе надъ этими галлюцинаціями?.. Развѣ я не властенъ надъ этими бумагами?.. (Внезапная мысль осѣняетъ его; онъ схватываетъ со стола бумаги, вытаскиваетъ ихъ изъ ящиковъ, бросаетъ въ печку и зажигаетъ.) Въ печь — всю премудрость, исшедшую изъ моего мозга. Также сгоритъ въ печи вселенной вся премудрость земли, вся премудрость, выросшая изъ земного черепа, какъ выросли эти бумаги изъ моей головы; вся наука—всѣ людскіе вымыслы—всѣ они будутъ горѣть—а съ ними и самый упорный изъ вымысловъ—Богъ! Ха, ха, ха! Что тогда, госпожа Лорелея? (Стоитъ, скрестивъ съ вызывающимъ видомъ руки. Снова темнѣетъ. Лорелея снова показывается, грозитъ ему пальцемъ и исчезаетъ).

Профессоръ (подходитъ—погасивъ лампу—изнеможенный къ дивану). Не слѣдуетъ оставлять меня такъ — одного... Дѣло мое плохо... Они оставляютъ меня одного, съ этими призраками моего воображенія... Я весь разбитъ какъ вьючное животное... (Ложится, вздыхая, на диванъ.) Вся жизнь — передвиженіе. Но на мою долю выпало черезчуръ много передвиженія... Не надо объ этомъ говорить, но передвиженіе стало для меня мукой — невыразимой мукой!.. „Cor nostram inquitam est, donec requiescat in te"... Сердце наше безпокойно, пока не найдетъ успокоенія въ Тебѣ... Богъ мой!.. (Вздыхая.) Богъ?.. Бога нѣтъ болѣе... Итакъ, сердце наше никогда не найдетъ успокоенія... (Съ глубокимъ вздохомъ, какъ бы засыпая.) Не найдетъ—никогда—успокоенія.

(Лорелея снова появляется).

Лорелея (съ глубокой грустью, однозвучнымъ, призрачнымъ голосомъ). Въ послѣдній разъ подняли меня лучи луны съ темнаго дна Рейна. Печальная стою я на лунномъ лучѣ, привѣтствуя тебя въ послѣдній разъ!

Профессоръ (не измѣняя положенія, какъ бы во снѣ). Куда манишь ты меня своей блѣдной рукой? Какъ тяжело спускаются къ волнамъ Рейна складки твоей влажной одежды! — Вокругъ лица твоего—рѣчныя лиліи.

Лорелея (глухимъ шопотомъ). Иди за мной!

Профессоръ (вздрагивая, шевелится на своемъ ложѣ, говоритъ нѣсколько громче). Къ смерти стремятся твои родныя волны; но напрасно ищутъ онѣ смерти въ безпредѣльномъ морѣ! Онѣ съ плачемъ возвращаются—дождевыми струями—снова сюда!

Лорелея (съ глубокимъ вздохомъ). Агасферъ! (Исчезаетъ).

Профессоръ (вскакиваетъ съ мѣста, громко крича). Агасферъ! Кто произнесъ сейчасъ это имя: Агасферъ? Кто это крикнулъ среди ночи—что я—Агасферъ?.. Я не Агасферъ! Я не хочу быть Агасферомъ!.. Ну-ка, покажите мнѣ, гдѣ тутъ Іерусалимъ?.. Гдѣ тутъ сіяетъ куполъ храма? Гдѣ дворецъ первосвященника?.. Гдѣ Никодимъ, Іоаннъ, Вероника?..

(Глубина сцены озаряется яркимъ свѣтомъ. Панорама Іерусалима. Никодимъ (Яковъ) стоитъ между Іоанномъ (Эрихъ) и Вероникой (Гильдегарда). Всѣ трое стоятъ, держась за руки, неподвижно и молча. Вдали слышна какъ бы зачарованная, однозвучная, восточная музыка, не смолкающая, пока не прекратится видѣніе).

Профессоръ (смотря на нихъ, не двигаясь и затаивъ дыханіе, начинаетъ медленно говорить). Это ты, Никодимъ, сосѣдъ мой? Вы ли это—Іоаннъ и Вероника, дѣти мои?.. Отчего стоите вы такъ безмолвно—отчего лица ваши такъ полны печали?.. Или не находится уже болѣе словъ между мной и вами?.. (Съ глубокимъ чувствомъ.) Я хотѣлъ бы подойти къ вамъ—о милыя дѣти мои—потому что, видите ли, я искалъ васъ двѣ тысячи лѣтъ — и все не могъ найти! Но я не могу подойти къ вамъ—ноги мои такъ отяжелѣли, такъ отяжелѣли!.. Я прикованъ къ этому земному шару!.. Я не могу выпутаться изъ сѣти многихъ тысячъ земныхъ загадокъ!.. (Видѣніе блѣднѣетъ; онъ простираетъ къ нему руки.) Останьтесь! Сжальтесь! Не оставляйте меня одного среди этой ночи!.. Дѣти мои! Неужели я долженъ жить, пока не разрушится этотъ міръ? (Внезапный мракъ. Онъ дико вскрикиваетъ.) Я не хочу жить! (Падаетъ безъ чувствъ).

За сценой слышно, какъ всѣ сбѣгаются; раздаются голоса Эриха и Якова. Сильный стукъ въ дверь).

Эрихъ (кричитъ за сценой). Батюшка!

Профессоръ (очнувшись, кричитъ внѣ себя). Я не хочу жить, не хочу!.. (Бѣжитъ къ баллюстрадѣ балкона.)

Лабанъ (выбѣгая, обхватываетъ его вокругъ стана). Господинъ профессоръ, вѣдь тамъ, внизу, течетъ Рейнъ!

Профессоръ (въ безумной ярости). Я—Агасферъ! Срокъ мой опять миновалъ!—Бросимся туда! (Дико схватываетъ Лабана за воротъ.) Но завтра я снова возвращусь!—Я буду вѣчно возвращаться снова... Я—Агасферъ! (Бросается съ балкона, увлекая за собою Лабана. Крикъ Лабана „Помогите!"—замираетъ внизу.)

Эрихъ, Яковъ, Гильдегарда вбѣгаютъ, выломавъ, наконецъ, дверь, съ зажженными свѣчами, въ комнату, бѣгутъ на балконъ, заглядываютъ внизъ... Эрихъ и Гильдегарда рыдаютъ, обнимая другъ друга. Яковъ, стараясь ихъ успокоить, кладетъ руки на плеча ихъ обоихъ)

Занавѣсъ.

ХРОНИКА.

Въ дѣятельности заграничныхъ масонскихъ организацій наблюдается большое оживленіе. Въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Парижа, отъ Великой французской ложи Grande Oriente, отправлялось чрезвычайное посольство къ нѣмецкимъ масонскимъ ложамъ. Посольство имѣетъ цѣлью: установленіе братскаго согласія между масонами нѣмецкими и французскими и,—какъ дальнѣйшее слѣдствіе—братскій союзъ между двумя народами и ликвидацію ихъ старыхъ счетовъ по поводу Эльзасъ-Лотарингіи.

Иниціатива этого шага принадлежитъ, какъ сказано, Великой ложѣ французскаго масонства — Grand Oriente; это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться въ чистотѣ движенія. Какъ извѣстно, французское масонство уже давно сдѣлалось организаціею чисто политическою, слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ политическая подкладка посольства—болѣе чѣмъ вѣроятна. Очень жаль если въ водоворотъ политики будетъ вовлечено и нѣмецкое масонство, которое пока еще хранитъ нѣкоторыя мистическія традиціи. Страннымъ образомъ совпадаетъ этотъ шагъ и съ моментомъ новой политической перегруппировки въ области международныхъ отношеній.

Объявлено временное „прекращеніе работъ“ азіатскихъ розенкрейцеровъ въ предѣлахъ Индіи и Америки съ тѣмъ, что члены капитула примкнутъ къ работамъ мистическихъ школъ и обществъ въ другихъ странахъ.

Открыты новыя ложи на территоріи Сербіи, Черногоріи и Болгаріи. Цѣль почти исключительно политическая: національное возрожденіе и союзъ родственныхъ славянскихъ племенъ.

Вышли 2-я, 3-я и 4-я книги новаго журнала „Вѣстникъ Теософіи“. Нумера журнала попрежнему даютъ массу цѣннаго матеріала, но немного сухи, догматичны и мало даютъ историческихъ данныхъ для сужденія о генезисѣ теософи-

ческаго движенія. Слишкомъ много переводныхъ статей Анны Безантъ и не удѣлено вниманія трудамъ прочихъ извѣстныхъ лидеровъ движенія—Синнета, Олькотта, Блавацкой и другихъ. Мы думаемъ что это не вполнѣ правильный путь: главное г. Безантъ значеніе въ неутомимой и прямо колоссальной популяризаторской дѣятельности,—дѣятельности чисто ораторской; въ области же философскаго обоснованія теософіи заслуги г. Безантъ врядъ ли можно назвать слишкомъ крупными. Поэтому, думается намъ, не слѣдовало бы молодому журналу слишкомъ концентрировать свое вниманіе на лекціяхъ и рѣчахъ г-жи Безантъ. Необходимо давать исторію предмета, необходимо давать живую яркую картину всего движенія во всей его полнотѣ, а не отдѣльной только его вѣтви. Намъ будетъ очень жаль, если „Вѣстникъ Теософіи", начавшій свою дѣятельность серьезнымъ выступленіемъ, навлечетъ на себя со стороны освѣдомленныхъ лицъ упрекъ въ узости и догматизмѣ.

Опытные сеансы графа Саракса, о которомъ было упомянуто въ прошломъ № нашего журнала, не состоялись. Обстоятельства складываются для г. Саракса неблагопріятно и общее мнѣніе окончательно склоняется къ объясненію таинственныхъ явленій, производимыхъ графомъ, его искусствомъ.

По слухамъ, г. Сараксъ намѣренъ выступить въ роли издателя какого-то новаго оккультическаго журнала.

Русское Спиритуалистическое Общество въ этомъ году намѣрено приступить къ предварительнымъ работамъ по организаціи 2-го Съѣзда спиритуалистовъ и лицъ, интересующихся вопросами экспериментальной психологіи и психизма.

Москва. 31-го марта въ помѣщеніи Торговой школы на Петровкѣ состоялось годичное засѣданіе членовъ Русскаго Спиритуалистическаго Общества, на которомъ были прочитаны слѣдующіе доклады: „Демоны въ представленіи древнихъ христіанъ и демоны въ современномъ представленіи" (докладъ Сербова). Рефератъ труда профессора Тейхмюллера „О безсмертіи" (Б. И. Тайца) и „Чтеніе мыслей" (П. А. Чистякова). При чтеніи послѣдняго доклада на экранѣ были демонстрированы посредствомъ волшебнаго фонаря многочисленные діапозитивы и снимки съ телепатическихъ и внушенныхъ рисунковъ, полученныхъ выдающимися въ этой области изслѣдователями, при ихъ опытахъ. Несмотря на слишкомъ спеціаль-

ныя темы докладовъ и продолжительность засѣданія, длившагося отъ 8 до 12 ч., вечера, посторонняя публика, собравшаяся въ количествѣ свыше 250 человѣкъ, не покидала зала засѣданія почти до самаго конца.

Религіозно-философское Общество имени В. С. Соловьева заплатило свою дань увлеченія событіямъ послѣднихъ лѣтъ и теперь, освободившись отъ боевой атмосферы христіанскаго соціализма, вступило на новый путь углубленія религіознаго самосознанія и раскрытія христіанскихъ идеаловъ общественности, основанной на духѣ Евангелія.

Отъ души желаемъ успѣха Обществу, но желаемъ также, чтобы работа его была „въ духѣ и истинѣ", ибо Духъ животворитъ, а не буква и не догматъ.

29-го января с/г. г. Свенцицкій прочелъ въ Обществѣ рефератъ на тему „Міровое значеніе аскетическаго христіанства". Желающіе могутъ ознакомиться съ этимъ рефератомъ изъ журнала „Живая Жизнь", редакція которого обѣщала этотъ рефератъ напечатать цѣликомъ.

Усиленное развитіе сектанства, совпавшее съ появленіемъ манифеста о религіозной свободѣ, принесло съ собою не одни только плоды здороваго раціонализма въ области религіозной свободы, но и много ядовитыхъ и нездоровыхъ проявленій.

Нашимъ читателямъ несомнѣнно извѣстны всѣ темныя отрицательныя стороны изувѣрской секты, именующей себя „іоаннитами", которая возникла на почвѣ обожествленія личности весьма популярнаго въ Россіи священника—Іоанна Кронштадтскаго. Для борьбы съ этой сектой и съ широко практикуемыми ею пріемами хищенія и обмановъ образовалось общество подъ предсѣдательствомъ небезызвѣстнаго миссіонера свящ. Булгакова.

Въ то же время газеты приносятъ намъ извѣстіе, что въ С.-Петербургѣ, по иниціативѣ упомянутаго о. Іоанна Кронштадтскаго, организуется братство его же имени и онъ же избранъ и предсѣдателемъ братства; 16 января іоанниты на одномъ изъ собраній рѣшили просить о. Іоанна учредить знакъ братства съ портретомъ самого о. Іоанна.

Между прочимъ, пишущій эти строки самъ лично видѣлъ въ началѣ 1905 г. кощунственное изображеніе Св. Троицы, которое у іоаннитовъ почитается наравнѣ съ иконами. На этой картинѣ изображенъ Богъ-Отецъ въ видѣ почтеннаго старца, надъ головою Котораго рѣетъ Св. Духъ въ

видѣ голубя, а на колѣняхъ этотъ старецъ держитъ поясной портретъ о. Іоанна Кронштадтскаго, т.-е. Бога-сына во второмъ воплощеніи.

Успѣхъ этой картины, безнаказанность темной дѣятельности секты, снисходительное отношеніе популярнаго пастыря къ сектѣ, позорящей его имя—все это наводитъ на грустныя мысли. Неужели процессъ разложенія религіознаго самосознанія захватываетъ собою не только рядовыхъ сыновъ церкви, но и выдающихся ея представителей? Страшное время!

---

2 мая, въ помѣщеніи Московскаго Археологическаго Института состоялся докладъ г-жи Т. О. Соколовской по исторіи русскаго масонства. Докладъ нельзя не признать интереснымъ и несомнѣнно, что большая публика, не ознакомленная съ вопросомъ, вынесла довольно цѣльное и связное впечатлѣніе. Считаемъ долгомъ выразить живѣйшую признательность г-жѣ Соколовской, которая въ литературной изящной и сжатой формѣ ознакомила собравшихся съ нѣкоторыми матеріалами по исторіи новѣйшаго масонства. Привѣтствуемъ благой починъ и, отдавая дань уваженія талантливой докладчицѣ, надѣемся, что затронутый ею вопросъ она будетъ разрабатывать и далѣе. Послѣ доклада были демонстрированы черезъ проекціонный фонарь многочисленные художественно исполненные діапозитивные снимки съ масонскихъ орденовъ, знаковъ и т. п. ритуальныхъ предметовъ.

Изъ области науки.

Знаменитый химикъ Рамзай, неутомимо занимающійся изслѣдованіемъ дивныхъ свойствъ новооткрытаго химическаго вещества—радія,—натолкнулся на поразительнѣйшій фактъ превращенія металловъ одного въ другой подъ вліяніемъ тѣхъ невѣсомыхъ эманацій, которыя испускаются радіемъ.

Это явленіе—явленіе трансмутаціи металловъ—составляющее одну изъ величайшихъ проблемъ алхиміи, какъ древней такъ и современной, ставитъ передъ нашей офиціальной наукой вопросъ: дѣйствительно ли неизмѣнны и постоянны химическіе элементы и дѣйствительно ли ошибались алхимисты, утверждавшіе возможность превращенія веществъ (въ частности металловъ) одного въ другое?

Вотъ какой отвѣтъ, конечно, далеко еще пока неполный, даютъ на этотъ вопросъ опыты Рамзая.

Эманація радія, приведеннаго въ газообразное состояніе, какъ уже извѣстно, превращается въ газъ гелій, котораго на земномъ шарѣ въ чистомъ видѣ не имѣется.

Затѣмъ когда Рамзай взялъ растворъ абсолютно (химически) чистаго мѣднаго купороса и, введя въ него эманаціи радія, запаялъ сосудъ, содержащій сказанный растворъ, то по истеченіи мѣсяца твердый осадокъ отъ этой жидкости обработанной и очищенной содержалъ въ себѣ... новую составную часть—литій, ясно обнаружившуюся при спектральномъ анализѣ.

Таковъ фактъ! Само собою разумѣется, что опытъ этотъ Рамзаемъ былъ тщательнѣйшимъ образомъ и неоднократно повторенъ и провѣренъ; кромѣ того, и самое имя знаменитаго химика служитъ вполнѣ достаточною гарантіею того, что никакой не ошибки здѣсь не произошло.

Дальнѣйшіе опыты Рамзая обнаружили, что азотно-кислый торій при дѣйствіи радіевой эманаціи также превращается въ угольную кислоту.

Сама эманація въ присутствіи воздуха переходитъ въ гелій, въ присутствіи воды переходитъ въ неонъ, а въ соляныхъ растворахъ—въ аргонъ.

Вотъ интересные факты, съ подробнымъ описаніемъ которыхъ интересующіеся могутъ ознакомиться изъ осенней 1907 г. книги англійскаго „Journal of the Chemical Society", а въ ближайшей книжкѣ должна появиться обѣщанная Рамзаемъ и вторая статья его по этому вопросу.

Кстати разъ зашелъ разговоръ о радіи. По примѣру Парижа и у насъ уже начались опыты надъ вліяніемъ радія на корунды, которые благодаря лучамъ радія превращаются въ болѣе драгоцѣнныя породы—въ топазы и сапфиры.

Опыты надъ корундами пока еще въ начальной стадіи и результаты ихъ не особенно интенсивны, но, во всякомъ случаѣ, настолько интересны и такъ многообѣщающи, что побуждаютъ къ дальнѣйшимъ серьезнымъ трудамъ въ этомъ направленіи.

Слѣдующая за этими листами статья имѣетъ отдѣльную нумерацію страницъ и можетъ быть вынута изъ книги для помѣщенія въ отдѣльный переплетъ.

Официальн. Ред.-издатель ***П. А. Чистяковъ.***

Второе отдѣленіе.

Естественно-историческая и философская система „Золотой цѣпи Гомера“.

„Непостижимый *Богъ* создалъ все по своей *волѣ* изъ ничего *). Ибо онъ рѣшилъ и пожелалъ и изрекъ священное и сильное *Слово*: „Fiat“, которое стало безконечнымъ паромъ, туманомъ, дымомъ. Паръ этотъ развивался и сгущался, благодаря постоянному нарастанію, и обращался въ *хаотическую жидкость*. Это та жид-

---

*) Здѣсь рѣчь идетъ не о томъ „первоначальномъ“ „ничто“ изъ котораго Богъ еще *до видимаго* міра создалъ *невидимый*, т.-е, говорится не о такъ называемомъ „первомъ созданіи“, но о „второмъ“, — о томъ, которое Богъ создалъ изъ первоначальнаго „ничто“, т.-е. изъ хаотической жидкости. Это второе твореніе—по мистическому ученію—не имѣло бы мѣста, если бы не палъ Люциферъ; точно такъ же какъ и Христосъ не пришелъ бы, если бы Адамъ не согрѣшилъ. Позитивное „ничто“ второго творенія есть „ничто“ только съ формальной стороны; оно символизируетъ невидимый хаосъ. Розенкрейцеры сравниваютъ очень удачно это второе „ничто“ съ чернилами въ чернильницѣ: „чернила въ чернильницѣ можно назвать относительнымъ „ничто“, въ томъ смыслѣ, что они сами по себѣ не составляютъ ни буквъ, ни цифръ, ни точекъ, ни словъ, ни чиселъ, ни рѣчей, ни счетовъ, ни фигуръ *дѣйствительныхъ*, а только заключаютъ въ себѣ *возможность* ихъ изображенія при помощи творческой руки писателя, который творитъ все это своими начертаніями. Изъ этого примѣра ясно вытекаетъ, что Творецъ стоитъ *внѣ* творенія, подобно тому, какъ писатель стоитъ внѣ чернильницы. Только посредствомъ акта творчества сходятъ сверху внизъ „тихіе лучи божественной свѣтлой влаги“. они сходятъ *извнѣ*. Богъ погружаетъ свой „духъ“ или своего двигателя въ хаосъ тоже *извнѣ*, чтобы открыть его міру такъ точно, какъ поступаетъ писатель, погружая свое перо (какъ выразителя своей мысли) въ чернила.—Вспомнимъ при этомъ, что, по ученію мистиковъ, не только актъ творчества является актомъ извнѣ приходящимъ, но также и „наитіе“ или „внутреннее освѣщеніе“ приходятъ „*сверху внизъ*“, т.-е. *извнѣ*, и что всякое истинное открытіе есть „вдохновеніе“; далѣе, что никакое спасеніе невозможно при помощи „собственнаго я“, но исключительно при помощи божественнаго я, т.-е. милости неба, слѣдовательно опять-таки *извнѣ* и т. д. Вспомнивъ все это, мы увидимъ, что *какъ крайняя мистика, такъ и крайняя механика разсуждаютъ аналогичнымъ путемъ и оперируютъ съ тѣми же понятіями* (алломатическими). Но дальнѣйшую связь между мистикой и механикой мы пояснимъ дальше.

кость, изъ которой создался весь огромный міръ со всѣми его обитателями; это та жидкость, „изъ *которой Богъ создалъ всѣ естественныя и сверхъестественныя вещи; она же первоначальная и первопричинная ткань всѣхъ вещей, до насъ бывшихъ и послѣ насъ будущихъ*“. Начало же ея въ самомъ Богѣ и въ вышедшемъ отъ него Словѣ, ибо Слово это—Духъ, исполненный Силы. Духъ этотъ обращается въ видимый и постижимый паръ или туманъ, а этотъ послѣдній—въ воду. Здѣсь мы заключили двѣ вещи въ одну: видимую, т.-е. воду, и невидимую, т.-е. духъ, заключенный въ той же водѣ. Вода есть субъектъ, т.-е. тѣло, обиталище, инструментъ; духъ есть дѣятель, міровая энергія, душа, вѣчно дѣйствующій духъ Божій, всемірное сѣмя (sperma universi), истинный агентъ, кузнецъ всѣхъ естественныхъ вещей“.

Изъ „единаго“ хаоса (несмотря на его двойственную природу) возникаетъ міръ путемъ постепенной дифференціаціи. Отъ хаоса до человѣка ведутъ безконечныя ступени, различаемыя по степени ихъ „количественной“ дифференціаціи. Выдѣлять ихъ различіе, подраздѣлять ихъ — дѣло „художника“. Но и въ этомъ существуютъ уже извѣстныя общепринятыя правила.

Возьмите песокъ и воду; взболтайте ихъ вмѣстѣ въ стеклянномъ сосудѣ хорошенько и оставьте. Черезъ нѣкоторое время „грубое“ или „стойкое“—„alcali“—осядетъ на днѣ; въ то же время „тонкое“, „летучее“, „легкое“—„меркурій“—останется вверху. Между низомъ и верхомъ цѣлый рядъ переходовъ. Отдѣливъ искусственно эти переходныя ступени одну отъ другой, надо дать имъ „названія“, чтобы не перемѣшать ихъ при обратномъ дѣйствіи—синтезѣ. То же происходитъ съ образованіемъ степеней дифференціаціи хаотической жидкости.

Единый хаосъ можно подраздѣлить на двѣ части (nitrum и sal), на три (Mercur, sulfur, sal), на четыре (небо, воздухъ, вода, земля) и на нѣсколько (напр., семь); но надо только помнить: 1) что всѣ эти части первоначально и по существу составляютъ одно и 2) что онѣ не отдѣлены одна отъ другой перегородками и не координированы, а подчинены одна другой. Такъ, напримѣръ, три начала: ртуть, сѣра и соль не равносильны, но различны *по степени историческаго* развитія; изъ ртути возникаетъ сѣра, изъ сѣры—соль *и наоборотъ*. Также и среди четырехъ элементовъ: изъ неба возникаетъ воздухъ, изъ воздуха — вода, изъ воды —

земля *и обратно.* Наконецъ, также постепенно возникаютъ минералы, растенія, животныя, которые различаются *между собой не существенно, а „случайно“, т.-е. по степени развитія* —не качественно, а количественно. *Все по сущности едино, идентично въ принципѣ.* Каждая вещь представляетъ собою какую-нибудь степень готовности первобытной жидкости.

За дифференціаціей созданій слѣдуетъ ихъ интеграція. Природа доводитъ эту интеграцію только до извѣстнаго пункта,—сообразно своей *временной* цѣли поддержанія и размноженія твореній,—до состоянія „сѣмени“, до слизисто-студенистаго аггрегата или отвердѣнія. Искусство же должно итти дальше, разлагая тѣла до состоянія „ мірового сѣмени“, т.-е. „хаоса“, чтобы затѣмъ соединить, сконцентрировать этотъ хаосъ до состоянія твердаго „стекла“. Земля впослѣдствіи будетъ доведена до состоянія стеклянной массы; но (кристаллически) пока дѣло еще не дошло до этого; задача художника—умѣть въ частныхъ случаяхъ заканчивать этотъ великій процессъ.

Соединивъ, сплотивъ *всѣ* разъединенныя ступени сгущенія, „художникъ“ *получаетъ снова хаосъ.* Онъ достигаетъ такимъ образомъ „возрожденія хаоса“, т.-е. *квинтъ-эссенціи міра,* которая для него, какъ мы дальше увидимъ, имѣетъ огромную цѣнность.

Чтобы понять нѣсколько всѣ эти *механическія* процедуры („механическія“, вопреки опредѣленію Розенкрейцеровъ), мы здѣсь должны оговориться. Для болѣе яснаго пониманія ихъ надо имѣть въ виду слѣдующее.

Главнымъ образомъ, надо научиться разбираться въ различныхъ родахъ „воды“ (жидкости).

Прежде всего встрѣчаемъ мы хаотическую воду (I), которую „нашъ древній греческій братъ Ѳалесъ“, какъ посвященный въ египетскія тайныя науки, считалъ первопричиной всѣхъ созданныхъ вещей. Символъ ея такой ⊕.

Эта первичная вода состоитъ изъ двухъ факторовъ нераздѣлимыхъ: изъ духа и воды. Какъ факторъ хаоса, эта вторая *духовная вода* (II) обозначается символомъ ⊖; духъ же символомъ ⦶, что въ соединеніи и даетъ символъ ⊕

Третій родъ воды есть *элементарная* вода (III) съ символомъ ▽, которая въ соединеніи съ своимъ противовѣсомъ небеснымъ—огнемъ △ даетъ ✡.

Наконецъ, есть еще *обыкновенная вода* (IV); роса, дождь, снѣгъ, градъ, иней... съ символомъ▽. Эта вода представляетъ, какъ увидимъ, лучшій сырой матеріалъ для художника" для полученія камня жизни и квинтъ-эсенціи жизни. Она называется поэтому „возрожденнымъ хаосомъ", міровымъ главнымъ сѣменемъ, микрокосмомъ.

Автора „Золотой цѣпи Гомера" можно было бы назвать философомъ воды [1]), ибо между его I водой и IV лежитъ вся его система, вся его теорія и практика, т.-е. ученіе его о *созиданіи* вещей (I часть книги „De generatione rerum") съ одной стороны и объ *раствореніи* ихъ съ другой (II часть книги: De corruptione rerum et anatomia earum").

Природа выходитъ изъ хаоса, формируя его, т.-е. образуя естественныя творенія; нѣкоторыя же снова растворяетъ, возвращая въ первоначальный хаосъ. Путь этотъ долгій и еще не законченный.

„Художникъ" идетъ обратнымъ путемъ. Исходя изъ естественныхъ вещей (въ которыхъ заключается materia prima), онъ растворяетъ ихъ (при помощи химіи), снова соединяетъ, отдѣляетъ отъ ихъ сущности, откуда получаетъ снова хаосъ. Количественно различныя распаденія онъ снова соединяетъ и комбинируетъ, получая такимъ образомъ „камень" (lapis philosophorum), при помощи котораго онъ можетъ лѣчить людей и металлы.

Отсюда: Solve et coagula! т.-е. сперва до конца раздѣли, а потомъ составляй вновь. И „fac volatile fixum et fac fixum volatile!", т.-е. сперва обрати твердое въ летучее, въ хаосъ и затѣмъ создай снова „Chaos regeneratum" до степени „камня".

„Но говорю вамъ: кто хочетъ получить такое божественное знаніе, тотъ *долженъ начать съ земли* (т.-е. снизу, отъ твер-

---

[1]) То, что здѣсь говорится о водѣ, относится также къ „свѣту", т.-е. огню, небу, ртути, купоросу, солямъ и т. д. существуютъ различные виды каждаго изъ этихъ предметовъ и съ этими видами надо ознакомиться для пониманія герметической литературы. Пока читатель не сдѣлаетъ этого, онъ будетъ пребывать въ туманѣ, смѣшивая между собой различныя значенія одного и того же опредѣленія (названія) автора. Вина въ этомъ будетъ лежать исключительно на читателѣ. Точно такъ же, если бы мы разбирались въ различныхъ значеніяхъ „свѣта" у Моисея, мы не получили бы никакихъ анахронизмовъ и противорѣчій, но это между прочимъ.

даго) и только отъ нея и черезъ познаніе ея подняться къ небу (т.-е. къ верху, къ воздушному), со ступени на ступень. Здѣсь надо помнить слова Христа, который говорилъ: „Вы, не понимающіе земнаго, какъ хотите вы понять небесное?"

„Небо превращается въ землю, воздухъ въ воду, земля въ небо и вода въ воздухъ и все это составляетъ Aurea Catena Homeri, Annulus Platonis, Superius ef Inferius Hermetis, высшее и низшее и нѣтъ различія въ матеріи, кромѣ различія градацій. Земля есть твердое небо, небо есть летучая земля, воздухъ—разрѣженная вода, вода—сгущенный воздухъ. Отсюда ясно, что одно отъ другого отличается только степенью твердости или воздушности, жидкости и сгущенія. И какъ воздушное превращено было въ твердое, такъ твердое обратится въ воздушное, сгущенное обратится въ разрѣженное, такъ какъ одно есть степень превращенія другого и вмѣстѣ съ тѣмъ—то же самое, чѣмъ оно было въ началѣ, т.-е. первоначальная матерія вещей.

„Если это недостаточно основательно — (говорятъ издатели книги 1781 года)—ясно, точно и отчетливо выраженная философія природы, то мы не знаемъ, гдѣ искать еже болѣе основательной, ясной, точной и естественной философіи вещей".

Третье отдѣленіе

Конечная цѣль „Золотой цѣпи".

„То, что природа начала и не закончила, предоставлено заканчивать человѣку"; „что природа создала временнымъ, то художникъ" долженъ сдѣлать прочнымъ; изъ сырого матеріала создать законченное твореніе и найти „квинтъ-эссенцію" подготовленнаго природою матеріала". „Но „художникъ" долженъ умѣть согласовать конечныя цѣли природы и искусства. Природѣ не зачѣмъ чрезмѣрно разрушать тѣла растительныя и животныя; достаточно, если распаденіе ихъ выразится въ состояніи соляной, главной сѣменной водянистой жидкости—пригодномъ для воспроизведенія другого подобнаго же существа; но у природы нѣтъ того могущества, которое необходимо для созданія *квинтъ-эссенціиро-*

ваннаго и вѣчно-прославляемаго тѣла, нетлѣннаго по существу, это дѣло искусства; таковы всѣ кристаллическія тѣла, которыя болѣе прочны, чѣмъ золото и серебро". Художникъ же долженъ добиваться возрожденія въ состояніе пятаго, стойкаго, безсмертнаго, самаго прочнаго, каменнаго, прозрачнаго и просвѣтленнаго существа—всепроницающаго духа, быстро дѣйствующаго, такъ какъ человѣкъ не долговѣченъ. Вещество это или духъ долженъ спасать все живущее отъ излишней вредной сырости; оно должно быть приведено въ твердое, соле подобное, легко растворимое состояніе, чтобы, будучи принято внутрь тѣла, легко проникало бы въ него и пропитывало бы его, какъ дымъ напитываетъ воздухъ; это лѣкарство должно распространяться по всему тѣлу отъ желудка до крайнихъ точекъ конечностей, дабы могло получиться полное излѣченіе болѣзней. Тогда укрѣпится „жизненный духъ" („духъ жизни", „животная сила") во всѣхъ членахъ и такимъ путемъ природа сама придетъ себѣ на помощь: *ибо больная природа или поврежденный Археусъ**) *нуждается только въ подмогѣ, въ подкрѣпленіи*, чтобы преодолѣть болѣзни и побѣдить ихъ; онъ поэтому ждетъ покорно, пока придетъ эта помощь, чтобы оказать съ ней вмѣстѣ сопротивленіе врагу. *Получивъ ее, Археусъ собираетъ всѣ неповрежденныя еще естественныя силы и съ ними вмѣстѣ выступаетъ навстрѣчу болѣзни*. Начинается споръ, длящійся до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не будетъ побѣждена. Онъ же какъ побѣдитель снова воцаряется, пока не придетъ въ прежнее состояніе. *И ученый врачъ хорошо понимаетъ, что природа нуждается только въ подкрѣпленіи, при помощи котораго она уже сама справится съ болѣзнію и поможетъ себѣ*, **„чтобы получить такое укрѣпляющее средство, не можетъ быть лучшаго способа какъ возрожденіе въ пятомъ существѣ для полученія очищеннаго, стойкаго и все же духовнаго лѣкарства"**.

Чѣмъ болѣе *сосредоточенъ* духъ или вода, *тѣмъ большую силу* онъ пріобрѣтаетъ. Если бы онъ въ своемъ наибольшемъ разрѣженіи въ видѣ росы или дождя имѣлъ бы силу наибольшаго сосредоточенія, какъ въ золотѣ или философскомъ карбункулѣ, тогда дождевая вода сдѣлалась бы всеобщимъ лѣкарствомъ въ сы-

---

*) Археусъ ничто иное, какъ общая міровая душа, создающая въ человѣкѣ начало жизни и управляющая всѣми отправленіями его.

ромъ, необработанномъ видѣ, и человѣчеству не представлялось бы больше нужды производить химическія распаденія индивидуумовъ и перегонять ихъ въ пятое состояніе или—Магистеріумъ. Но духъ не обладаетъ такой силой въ состояніи росы или дождя, что Гермесъ *) и выражаетъ въ словахъ: Vis ejus integra est, si versa fuerit in terram—т.-е. его сила совершенна, когда онъ обращенъ въ землю (т.-е. въ сухое крѣпкое тѣло). Поэтому слѣдуетъ собирать, концентрировать, упрочивать разъединенный духъ и воду, чтобы благодаря этому получилась сила сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ. „То, что въ природѣ временно, ядовито, не обработано — художникъ долженъ закрѣпить". Извѣстно, что всѣ минеральные, растительные и животные яды большею частью — въ летучемъ, сыромъ и непрочномъ видѣ; превратившись же въ стойкія вещества, они перестаютъ быть ядами, а становятся противоядіемъ и *лучшимъ укрѣпляющимъ сердце лѣкарствомъ.*

„Тогда (т.-е. по окончаніи химическихъ операцій для полученія философскаго камня и всеобщаго лѣкарства) разбей свою колбу, вынь оттуда пятое вещество, помѣсти его въ коробку изъ буксоваго дерева и носи съ собой, въ сухомъ видѣ, по всему свѣту. Когда тебѣ надо будетъ употреблять его, то *возьми нѣсколько гранъ*, разбавь въ водѣ или винѣ изъ ближайшей аптеки; оно растаетъ, какъ сахаръ или ледъ. Тогда давай его и измѣряй его дѣйствіе".

Это общее главное лѣкарство, 1, 2, 3—до 6 гранъ котораго излѣчиваютъ съ корнемъ всѣ болѣзни и представляютъ собой—естественный животный и жизненный духъ и полный животный жизненный бальзамъ. Тѣ, кто не признаютъ общаго лѣкарства—станутъ смѣяться, считая это вздоромъ и нелѣпостью. Но истинныхъ герметическихъ врачей это нимало не смущаетъ, ибо они черпаютъ свое знаніе изъ вѣками міровой мудрости. Они знаютъ, *что всѣ болѣзни происходятъ отъ одной основной причины, а именно отъ ослабленной или прерванной дѣятельности Археуса или духа жизни; въ сказанномъ же лѣкарствѣ является тотчасъ существенное вспомогательное средство для возстановленія его дѣятельности и для возможнаго исцѣленія.*

---

*) Смарагд., табл.

ваннаго и вѣчно-прославляемаго тѣла, нетлѣннаго по существу, это дѣло искусства; таковы всѣ кристаллическія тѣла, которыя болѣе прочны, чѣмъ золото и серебро". Художникъ же долженъ добиваться возрожденія въ состояніе пятаго, стойкаго, безсмертнаго, самаго прочнаго, каменнаго, прозрачнаго и просвѣтленнаго существа—всепроницающаго духа, быстро дѣйствующаго, такъ какъ человѣкъ не долговѣченъ. Вещество это или духъ долженъ спасать все живущее отъ излишней вредной сырости; оно должно быть приведено въ твердое, солеподобное, легко растворимое состояніе, чтобы, будучи принято внутрь тѣла, легко проникало бы въ него и пропитывало бы его, какъ дымъ напитываетъ воздухъ; это лѣкарство должно распространяться по всему тѣлу отъ желудка до крайнихъ точекъ конечностей, дабы могло получиться полное излѣченіе болѣзней. Тогда укрѣпится „жизненный духъ" („духъ жизни", „животная сила") во всѣхъ членахъ и такимъ путемъ природа сама придетъ себѣ на помощь: *ибо больная природа или поврежденный Археусъ**) *нуждается только въ подмогѣ, въ подкрѣпленіи*, чтобы преодолѣть болѣзни и побѣдить ихъ; онъ поэтому ждетъ покорно, пока придетъ эта помощь, чтобы оказать съ ней вмѣстѣ сопротивленіе врагу. *Получивъ ее, Археусъ собираетъ всѣ неповрежденныя еще естественныя силы и съ ними вмѣстѣ выступаетъ навстрѣчу болѣзни.* Начинается споръ, длящійся до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не будетъ побѣждена. Онъ же какъ побѣдитель снова воцаряется, пока не придетъ въ прежнее состояніе. *И ученый врачъ хорошо понимаетъ, что природа нуждается только въ подкрѣпленіи, при помощи котораго она уже сама справится съ болѣзнію и поможетъ себѣ*, **„чтобы получить такое укрѣпляющее средство, не можетъ быть лучшаго способа какъ возрожденіе въ пятомъ существѣ для полученія очищеннаго, стойкаго и все же духовнаго лѣкарства".**

Чѣмъ болѣе *сосредоточенъ* духъ или вода, *тѣмъ большую силу* онъ пріобрѣтаетъ. Если бы онъ въ своемъ наибольшемъ разрѣженіи въ видѣ росы или дождя имѣлъ бы силу наибольшаго сосредоточенія, какъ въ золотѣ или философскомъ карбункулѣ, тогда дождевая вода сдѣлалась бы всеобщимъ лѣкарствомъ въ сы-

---

*) Археусъ ничто иное, какъ общая міровая душа, создающая въ человѣкѣ начало жизни и управлящая всѣми отправленіями его.

ромъ, необработанномъ видѣ, и человѣчеству не представлялось бы больше нужды производить химическія распаденія индивидуумовъ и перегонять ихъ въ пятое состояніе или—Магистеріумъ. Но духъ не обладаетъ такой силой въ состоянiи росы или дождя, что Гермесъ *) и выражаетъ въ словахъ: Vis ejus integra est, si versa fuerit in terram—т.-е. его сила совершенна, когда онъ обращенъ въ землю (т.-е. въ сухое крѣпкое тѣло). Поэтому слѣдуетъ собирать, концентрировать, упрочивать разъединенный духъ и воду, чтобы благодаря этому получилась сила сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ. „То, что въ природѣ временно, ядовито, не обработано — художникъ долженъ закрѣпить". Извѣстно, что всѣ минеральные, растительные и животные яды большею частью въ летучемъ, сыромъ и непрочномъ видѣ; превратившись же въ стойкія вещества, они перестаютъ быть ядами, а становятся противоядіемъ и *лучшимъ укрѣпляющимъ сердце лѣкарствомъ*.

„Тогда (т.-е. по окончаніи химическихъ операцій для полученія философскаго камня и всеобщаго лѣкарства) разбей свою колбу, вынь оттуда пятое вещество, помѣсти его въ коробку изъ буксоваго дерева и носи съ собой, въ сухомъ видѣ, по всему свѣту. Когда тебѣ надо будетъ употреблять его, то *возьми нѣсколько гранъ*, разбавь въ водѣ или винѣ изъ ближайшей аптеки; оно растаетъ, какъ сахаръ или ледъ. Тогда давай его и измѣряй его дѣйствіе".

Это общее главное лѣкарство, 1, 2, 3—до 6 гранъ котораго излѣчиваютъ съ корнемъ всѣ болѣзни и представляютъ собой—естественный животный и жизненный духъ и полный животный жизненный бальзамъ. Тѣ, кто не признаютъ общаго лѣкарства—станутъ смѣяться, считая это вздоромъ и нелѣпостью. Но истинныхъ герметическихъ врачей это нимало не смущаетъ, ибо они черпаютъ свое знаніе изъ вѣками міровой мудрости. Они знаютъ, *что всѣ болѣзни происходятъ отъ одной основной причины, а именно отъ ослабленной или прерванной дѣятельности Археуса или духа жизни; въ сказанномъ же лѣкарствѣ является тотчасъ существенное вспомогательное средство для возстановленія его дѣятельности и для возможнаго исцѣленія.*

*) Смарагд., табл.

На это „врачи - механики“ опять улыбнутся насмѣшливо и скажутъ: „Этотъ господинъ хочетъ откопать давно погребенное ученье о всемірномъ лѣкарствѣ, но мы вѣдь знаемъ, что оно не имѣетъ подъ собой почвы. Помощью анатоміи мы дошли до полнаго убѣжденія, что тѣло человѣка можетъ быть уподоблено часовому механизму. На этой точкѣ зрѣнія должно стоять и лѣченіе его: когда колесики и пружины часовъ слишкомъ туги, надо возвратить имъ эластичность и гибкость соотвѣтственными средствами; если же они слишкомъ слабы и потеряли свой тонусъ, то надо ихъ укрѣпить; но двѣ разнородныя болѣзни не могутъ быть излѣчены одинаковымъ лѣкарствомъ; поэтому универсальное лѣкарство — нелѣпость“.

„Если бы эти господа могли подобно намъ убѣдиться тысячелѣтнимъ опытомъ, что *духъ одинъ, что онъ пребываетъ какъ въ верхнемъ, такъ въ нижнемъ, что онъ непрерывно разрушаетъ и непрерывно созидаетъ*, то они измѣнили бы свой взглядъ на это дѣло и принялись бы прилежно изучать *этотъ общій духъ природы;* и какъ на единственное достовѣрное естественно-историческое изслѣдованіе, они обратили бы вниманіе на „Золотую цѣпь“: они постарались бы добыть этотъ духъ въ его обиталищѣ хаотической жидкости, связать его и сдѣлать пріемлемымъ для человѣческаго организма. Тогда они достигли бы настоящаго медицинскаго знанія и оставили бы свою домашнюю философію безъ огорченія. Но они— противники духовнаго вещества, какъ въ общественномъ, такъ и въ физическомъ смыслѣ; и потому они остаются при своихъ заблужденіяхъ; этимъ они конечно, избавляютъ, себя отъ лишней работы, но зато и лишаются всякой силы излѣченія болѣзней“ (примѣчаніе Розенкрейцеровъ).

Послѣ всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что конечная цѣль перваго автора „Золотой цѣпи“, а также и всего „общества истинныхъ естествоиспытателей“ состоитъ въ томъ, чтобы *найти теоретическое основаніе и практическое осуществленіе идеи универсальнаго средства отъ всѣхъ болѣзней.*

Возрожденный хаосъ долженъ былъ лѣчить не только людей, но и незаконченные, сырые, *неблагородные металлы*. Другими словами, *Aurea Catena въ конечной цѣли добивается того же, что и всѣ алхимическія книги*—нахожденія химическаго препарата, могущаго одновременно дать богатство и здоровье. Наша

книга отличается отъ обыкновенныхъ алхимическихъ книгъ тѣмъ, что ея главное содержаніе—есть ученіе. въ основаніи котораго лежитъ нахожденіе *только лѣкарства* для людей и металловъ; она считаетъ это возможнымъ и необходимымъ.

Всѣ же философско-космогоническія теоріи уходятъ такъ далеко въ глубь, что забываютъ о главной цѣли. Таковы, напр., ученые въ родѣ Германа Коппа. Что дѣло идетъ о лѣкарствѣ для людей, онъ даже не упоминаетъ (ни въ своей „Aurea Catena Homeri“ 1880, ни въ „Алхиміи“ 1886). а мысль о лѣкарствѣ для металловъ, т.-е. о трансмутаціи ихъ въ золото. онъ даже оспариваетъ. Онъ заявляетъ также, что примѣчанія Розенкрейцеровъ только затемняютъ мысль книги (что не вѣрно) и что предпринятый имъ опытъ передачи содержанія „А. С. Н.“ оставляетъ его самого неудовлетвореннымъ“.

Хотя идея лѣкарства для людей здѣсь старательно обходится, но тѣмъ не менѣе она существуетъ, какъ показываютъ наши цитаты. Эта игра въ прятки съ идеей лѣкарства для металловъ идетъ еще дальше. Вопросъ о ней ясно поставленъ, но мы его не замѣчаемъ, пока не можемъ устремить наше вниманіе на него. Въ томъ-то и трудность чтенія и пониманія герметической литературы, что сперва не знаешь, на что намекаетъ и къ чему ведетъ авторъ. Но разъ найденъ ключъ—или гвоздь,—тогда всѣ эти книги теряютъ свою кажущуюся неясность. Нашедши этотъ „гвоздь“, надо уже не упускать его изъ виду, чтобы снова не запутаться въ умышленныхъ хитросплетеніяхъ автора. Что же касается „А. С. Н.“, то въ ней такой пріемъ отсутствуетъ совершенно. Здѣсь все ясно и безъ противорѣчій, (откуда не слѣдуетъ, конечно, что все сказано въ ней правильно и дѣйствительно).

Двойная алхимическая цѣль этой книги выясняется уже изъ приведеннаго вначалѣ поясняющаго стихотворенія.

Когда благородное сѣмя отвердѣетъ,
Паръ и вода обратятся въ землю,
Тогда достигнется вполнѣ то,
Что весь міръ выше всего цѣнитъ.
Отвердѣть должно воздушное,
Изъ воды и пара вернуться въ землю
И обратиться въ сухую красную кровь,

Это сокровище и высшее благо міра,
Совершенное совершенство,
Которое гонитъ прочь бѣдность и болѣзнь.

„Если оно обращаетъ элементы одни въ другой: небо и огонь въ воздухъ, воздухъ въ воду и воду въ землю и обратно, то и металлы, отъ нихъ рожденные, должны быть легко обращаемы одинъ въ другой, ибо вся разница между ними только въ степени стойкости и отвердѣнія". Далѣе, Коппъ противорѣчитъ самъ себѣ, оспаривая идею трансмутаціи металловъ; онъ говоритъ: „Такія превращенія я готовъ здѣсь допустить, но не между металлами (напр.,—превращеніе мѣди или свинца въ золото); я допускаю, что природа можетъ производить перерожденія минераловъ въ растенія, а растеній—въ животныя". Но Коппъ, очевидно, упустилъ изъ вниманія слѣдующую же страницу, которая гласитъ, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы „*всѣ* металлы" обратить въ золото, „а только ихъ чистыя меркуріальныя части". Но перипатетикъ скажетъ на это: „Аналитики не такъ должны понимать процессъ растворенія; послѣднее должно при помощи тинктуры обращать всѣ различные металлы непосредственно въ золото и серебро". Такой спорщикъ не понимаетъ природы минераловъ; въ противномъ случаѣ онъ разсуждалъ бы иначе. *Ибо тинктура можетъ воздѣйствовать не на весь минералъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ растетъ въ рудникахъ, а только на его чистѣйшую меркуріальную составную часть*, которая освобождается отъ всякихъ шлаковъ сильнымъ огнемъ. Ибо всѣ ученые знаютъ, что мудрецы не берутъ руду изъ земли, чтобы обливать своей тинктурой, но сперва отдѣляютъ отъ нея огнемъ сырыя части, легко тлѣющія, потомъ сѣру, мышьякъ и т. д., пока не останется чистое зерно металла.

Его-то и подвергаютъ мудрецы дѣйствію своей готовой тинктуры, превращая въ высшее, т.-е. въ золото и серебро, и такое превращеніе смѣло можетъ быть названо лѣченіемъ болѣзни металла.

Свинцу приписываютъ меланхолію, цинку—судороги, желѣзу—желчь и горечь, мѣди—возбудимость печени, ртути—падучую болѣзнь, серебру—водянку. Такія болѣзни (металловъ) излѣчиваются лѣкарствами (тинктура или возрожденный хаосъ), путемъ обращенія металловъ въ соотвѣтствующую свѣтлую породу (т. е. приводя

больные и неблагородные металлы въ золото). Къ этому Розенкрейцеры дѣлаютъ слѣдующее примѣчаніе: „Отсюда происходитъ то, что когда эти металлы возвышены въ соотвѣтственную степень и освобождены отъ приросшихъ къ нимъ пороковъ, они получаютъ силу излѣчивать въ человѣкѣ тѣ же болѣзни, которыми они, будучи металлами, болѣли сами“.

„Всѣ люди произошли отъ сѣмени одного совершеннаго чистаго человѣка, но различаются другъ отъ друга видомъ, сложеніемъ, свойствами, болѣзнями и другими случайными различіями, и никогда два человѣка не бываютъ сходны въ строеніи тѣла, ни въ стремленіяхъ чувствъ. Подобно этому и металлы, происходя отъ одного сѣмени, отъ общей кислоты (Acidum *) принимаютъ различные облики въ зависимости отъ степени образованія вещества. Всѣ они металлы отъ одного сѣмени, отъ одного металла, но случайное (количественное) различіе раздѣляетъ ихъ, какъ и людей. Такъ, одинъ является меланхоликомъ другой—сангвиникомъ, третій флегматикомъ, четвертый—холерикомъ; у пятаго больше одного качества и меньше другого. Такъ, свинецъ—меланхоличенъ, серебро флегматично, желѣзо—холерично, мѣдь—сангвинична; такіе металлы нуждаются въ смягчающемъ лѣкарствѣ, чтобы перейти въ солнечную матерію (золото), т. е. возвыситься въ совершенное состояніе своей природы при помощи искусства. *Этимъ искусствомъ занимаются философы, которые лѣчатъ уже очищенные металлы; но не обращаютъ минераловъ въ золото и серебро.*

Такъ дѣло обстоитъ съ металлами и минералами; *лѣкарство изъ тинктуръ имѣетъ въ виду лѣчить не сѣру, арсеникъ или марказитъ, но чистый металлъ.*

Здѣсь окончательно выясняется, *что мысль автора А. С. Н. направлена не только на лѣченіе болѣзней человѣческихъ тѣлъ, но и на лѣченіе металловъ, т.-е. онъ стремился сдѣлать людей здоровыми и при помощи очищенія металловъ богатыми.*

Что же касается самаго производства такого общаго лѣкарства для людей и металловъ, то мы отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ, имѣющихъ на то достаточно времени, денегъ и оптимизма, къ самому оригиналу. Остальнымъ довольно будетъ знать,

---

*) Acidum играетъ роль средняго вещества (Гермафродитъ Янусъ) между газообразными и щелочами такую же, какъ средняя безразличная точка между положительнымъ и отрицательнымъ полюсами.

что *универсальное лѣкарство можетъ быть добыто изъ любой вещи* (ибо всѣ вещи заключаютъ въ себѣ квинтъ-эссенцію первичную матерію, хаотическую воду) и что добывается она *при помощи разложенія, гніенія и броженія*. Лучшимъ матеріаломъ является однако *застоявшаяся дождевая вода* (конечно по воззрѣнію нашего брата Гомера). Послѣдовательность процесса всегда одинакова: сперва аналитическая часть: „разложеніе, дестилляція, ректификація“, потомъ синтезъ: „сложеніе, упроченіе, возрожденіе“. Всегда дѣло сводится къ тому, чтобы вновь получить первоначальный хаосъ изъ тѣхъ веществъ въ которыя онъ вошелъ матеріаломъ. *Это вновь-полученіе, возрожденіе первоначальнаго хаоса въ пятомъ существѣ даетъ относительный продуктъ—твердое кристалическое тѣло,* которое, несмотря на свою твердость, или, скорѣе, благодаря ей, обладаетъ высшей мѣрой духовной силы и наименьшей мѣрой воды и даетъ *поразительныя лѣчебныя свойства примѣнительно къ людямъ и металламъ*.

Химическій процессъ, необходимый для того, чтобы добыть „камень“ изъ обыкновенной „воды“, разлагая ее на первоначальныя части и синтезируя ихъ потомъ, другими словами, — проводя воду черезъ макрокосмическую точку безразличія, т.-е. черезъ хаосъ этотъ алхимическій процессъ считался, понятно, всегда необыкновенно труднымъ и длиннымъ. Въ общественномъ мнѣніи очень высоко стояли поэтому тѣ искусники, которые могли кратчайшимъ путемъ *превратить воду непосредственно въ камень*. Эта способность приписывалась гофрату Шмиту, о которомъ мы поговоримъ впослѣдствіи болѣе подробно.

Для удачи „великаго дѣла“ необходимо еще одно, и кто этого не имѣетъ, тому ничто уже не поможетъ—тотъ можетъ работать безъ пользы всю свою жизнь: философскаго камня онъ не получитъ никогда. Это—одно необхоимое—есть *милость Божія!* Не во власти „художника“ результатъ, а единственно во власти Бога.

Именно потому, что озареніе должно придти свыше, „великое дѣло“ удается не всякому, кто примется за него, а лишь тому, кто обрѣтетъ милость Бога и будетъ имъ избранъ и просвѣщенъ. Безъ этого искатель вѣчно будетъ корпѣть надъ своей работой, какъ всѣ перипатетики, пребывая въ темнотѣ духовной и въ пустой болтовнѣ.

То, что сказано относительно добыванія лѣкарства, примѣняется

и къ его „употребленію“. *Безъ воли Бога никто не выздоровѣетъ.* И всѣ универсальныя лѣкарства дѣйствуютъ укрѣпляюще только до тѣхъ поръ, пока Божья воля еще поставляетъ цѣль жизни данному субъекту. Такъ думали въ старину!

Заключеніе

По поводу химическихъ терминовъ.

Когда „художникъ“ разлагаетъ вещества, онъ долженъ всегда помнить, что газообразныя летучія соотвѣтствуютъ высшимъ опредѣленіямъ: небу и воздуху, твердыя же—водѣ и землѣ; или, говоря *химическимъ языкомъ*, что превращенія совершаются: въ газообразное, алкалоидное или кислотное состоянія—въ ртуть, сѣру и соли—въ душу, духъ и тѣло или же въ четыре элемента по ученію Аристотеля—огонь, воздухъ, воду и землю. *Отъ желанія каждаго зависитъ давать любыя изъ этихъ обозначеній съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы не перепутывать ихъ между собой* ибо тогда получится несообразное. *Дѣло не въ терминахъ; каждый можетъ окрестить ребенка, какъ хочетъ*: раздѣлитъ ли онъ вещество на 3 или 4 части—это не важно; онъ можетъ даже подраздѣлить каждую изъ этихъ 3—4 частей на оттѣнки, какъ я упоминалъ уже относительно дождевой воды, напримѣръ, на тонкую, тончайшую и наитончайщую части; или же—на плотную, плотнѣйшую и наиплотнѣйшую и т. д., давая такимъ образомъ названія каждой степени сгущенія. При разложеніи оно можетъ замѣнить слова: конъюнкцію, коагуляцію и фиксацію, другими—гніеніе, разложеніе, распаденіе.

Выше я сказалъ, что чѣмъ болѣе разложилось и утончилось вещество, тѣмъ оно стало нѣжнѣе и летучѣе. Что такое горящій „спиртъ “,какъ не высокая степень разложенія „масла“ или въ высокой степени утонченный „Salpeter“ или сѣмя горящаго „Nitrum“.

Я уже достаточно пояснилъ то, что летучее и стойкое—кислоты и щелочи *-различны не по существу сгущенія. Этимъ же обусловливаются и различныя названія, имъ даваемыя, по матеріалу же они idem omnia et universa.* Всю разницу и смѣшеніе вещей создаетъ самъ человѣкъ: *раздѣляя субъектъ*

или матерію на два названія, онъ тѣмъ самымъ не раздѣляетъ ихъ силу и свойства тоже на-двое, на-трое и т. д. Всѣ они остаются одной и той же вещью и вся разница между ними только въ степени сгущенія".

Такъ духъ (единый) различается по своимъ степенямъ—*двойственно:* мужчина и женщина; агентъ и паціентъ; Nitrum и sal; *тройственно:* тѣло, духъ, душа; соль, ртуть, сѣра; кислота, щелочь, летучій газъ; *четверично:* небо, воздухъ, вода, земля и *пятерично* (квинтъ-эссенція). И тѣмъ не менѣе, это *тотъ же единый духъ и различаются только различныя степени его дѣйствія*. Газообразный воздушный онъ названъ небомъ или воздухомъ, агентомъ, мужчиной, душой и т. д.; полустойкій—онъ вода, кислота, спиртъ, сѣра nitrum, стойкій же—земля, паціентъ, щелочь, женщина, магнитъ, тѣло, соль. *И въ этомъ все пониманіе вещей, ибо сообразно тому, въ какой формѣ и образѣ предстанутъ передъ нами вещи, мы даемъ имъ названія въ отличіе отъ другихъ;* если же бы все носило одно и то же названіе, то одна вещь бралась бы вмѣсто другой и получилось бы вавилонское смѣшеніе.

Изъ всего этого ясно и недвусмысленно вытекаетъ то, что *всѣ различныя химическія искусственныя названія,* надъ которыми столько издѣвались и за которыхъ сбивались съ толку читатели химическихъ книгъ—всѣ они *не болѣе, какъ „этикеты" для различныхъ степеней совершенства первичной матеріи,* хаотической жидкости. Всѣ они служатъ только для того, чтобы разобраться среди разныхъ ингридіентовъ въ процессѣ разложенія и возстановленія вещества. *Химическія названія служили только обозначеніемъ степеней коагуляціи и аггрегаціи хаоса или первичной матеріи.*

„Если ты меня ясно понялъ, то храни это въ тайнѣ, будь молчаливъ, ибо слишкомъ многіе это прочтутъ и поймутъ, что каждый можетъ войти въ эту дверь; между тѣмъ, придется оченъ тяжело тому, кто не избранъ для этого (Богомъ)".

„*Дверь открыта, войди въ горницу, другъ!* Но замѣть, что я даю тебѣ только ключъ, открывающій всѣ замки; но замокъ этотъ не таковъ, какъ всѣ: его придется много разъ пробовать открыть, пока онъ откроется. У тебя есть ключъ и есть руки, чтобы открыть ворота, и есть ноги, чтобъ войти въ нихъ; или дол-

женъ я тащить тебя? Ну, хорошо! Садись мнѣ на спину и я понесу тебя черезъ всѣ двери къ постели нагой королевы. Но берегись прихода короля, твоя голова въ опасности; если твое чувство грѣховно, онъ разгнѣвается и ты погибъ".

Входи же поэтому съ чистымъ набожнымъ и цѣломудреннымъ духомъ! Иначе, отяжелѣвшая твоя совѣсть не пропуститъ тебя. Берегись, говорю тебѣ, ибо король есть тотъ, кто испытуетъ сердца и мысли, т.-е. Богъ! (qui scrutatur corda et renes—Deus).

„Съ Богомъ начинай—съ Богомъ кончай"!

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Объ Алькаэстѣ

Взглядъ на старую и на современную алхимію.

Въ послѣдней главѣ А. С. Н. авторъ касается столь прославленнаго Алькаэста.

Мы также закончимъ имъ нашу работу, бросивъ *взглядъ и на будущее алхиміи*.

Ученіе объ универсальномъ абсолютномъ, радикальномъ все растворяющемъ веществѣ, или, какъ его короче называютъ, объ Алькаэстѣ, представляетъ ключъ къ научному пониманію алхиміи.

Главное удареніе падаетъ на „Solve radicaliter!"

Раствори сперва необходимыя, многообразныя сырыя вещества, изъ которыхъ искусственно создается золото. Выдѣли ихъ изъ феноменальнаго существованія. Верни въ трансцендентальное. Возстанови prima materia—безразличный первичный матеріалъ, хаосъ, хаотическую воду, шамаимъ и пр. Раствори матерію.

Раствори и снова соедини, прибавь каждаго вещества до состоянія покоя (индифферентнаго) и ты узнаешь искусство алхимика".

Такъ говоритъ Кункель фонъ-Левенштернъ въ своей химической лабораторіи.

Когда изъ сырого матеріяла помощью редукціи, т.-е. анализа, получали сперва materia proxima (ближайшую), потомъ materia remota (отдаленную) и, наконецъ, materia prima, то считали дѣло почти сдѣланнымъ; тогда, думали, что уже не представляетъ боль-

шой трудности превратить этотъ матеріалъ, т. е. безразличную матерію перевести въ любомъ направленіи въ любой синтезъ, хотя бы и въ золото.

Главной трудностью было и осталось его приведеніе въ первичную матерію.

Но теперешніе алхимики-изслѣдователи и описатели далеко не придаютъ такого значенія этому процессу. „Камень мудрецовъ“ разсматривается теперь подъ другимъ угломъ зрѣнія, какъ средство лѣченія того металла, для котораго онъ предназначенъ: тогда актъ превращенія становится логически допустимымъ и подлежащимъ научному разсмотрѣнію. *О непосредственномъ превращеніи* свинца въ золото (безъ перехода свинца черезъ безразличную точку), о созданіи золота (безъ предварительнаго разрушенія) нѣтъ теперь и рѣчи.

Это стало ясно и старымъ алхимикамъ, почему у нихъ и было столько теорій, писаній, техническихъ выраженій и полемики по поводу Алькаэста.

У классическихъ алхимиковъ Алькаэстъ считался препаратомъ *химическимъ*. И переходъ матеріи въ хаотическое состояніе считался понятно тоже химическимъ процессомъ.

Всѣ попытки найти такое *химическое* универсальное средство не привели къ цѣли. Много было отыскано подходящихъ веществъ, но всѣ они не выдержали позднѣйшаго контроля научной критики.

И все-таки древніе держались крѣпко за идею возможности нахожденія этого средства, они ждали, когда явится алхимическій мессія „Илія-артистъ“.

Ошиблись ли они въ этой надеждѣ? Нѣтъ!

Конечно, ихъ надежда осуществилась не такъ, какъ они себя представляли—не „химически“, но „физически“.

Физическій Алькаэстъ возникъ для старой традиціонной алхиміи благодаря современному изученію природы! И съ его появленіемъ возрождается старая алхимія, проходя черезъ новое крещеніе, лучше котораго и не представлялъ себѣ нашъ дорогой покойный братъ Гомеръ.

Подъ *физическимъ* Алькаэстомъ мы разумѣемъ сумму физическихъ (механическихъ, химическихъ, оптическихъ, электрическихъ условій, а также тяготѣнія и пр.), условій, при которыхъ тѣло, какъ, напримѣръ, химическій элементъ, теряетъ „совершенно“ свои спе-

цифическія свойства и отличія. Дѣло не въ *химическихъ* дѣйствующихъ силахъ, а въ *физическихъ;* не *химическая* среда необходима, а физическая, подъ вліяніемъ которой тѣло (элементы его) разрушается, теряетъ свою сущность, радикально распадается, превращается въ „хаосъ", въ „квинть-эссенцію".

Такое разрушеніе совершается не надъ „молекулами", а надъ „атомами". Эти послѣдніе распадаются при этомъ на первичные атомы—атомы хаоса и первичной матеріи.

Къ этому убѣжденію о распадаемости атомовъ всякаго тѣла, а также и химическихъ „элементовъ" современное естествознаніе подошло вплотную не только въ теоріи, но и на практикѣ—экспериментально. Оно полагаетъ, что атомы *составлены изъ электрическихъ элементарныхъ величинъ или электроновъ и, слѣдовательно, могутъ быть на нихъ же и разложены.* Даже, болѣе того, оно фактически признаетъ то, *что за разрушеніемъ атома слѣдуетъ его перерожденіе въ новую матерію! Разлагая радій, получимъ соединеніе—гелій!* Произойдетъ ли это превращеніе при помощи химическаго или физическаго Алькаэста — это безразлично; эффектъ тотъ же! Одинъ элементъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Получается нѣчто новое,—другое, вещество съ новыми свойствами. Элементъ „переродился".

И если современное „искусство превращенія" произойдетъ не въ кратчайшій срокъ и безъ помощи *искусственно-химическаго* Алькаэста, а потребуетъ многолѣтняго дѣйствія *естественно-физическаго Алькаэста*, т.-е. данной природой физической среды, то въ принципѣ это—одно и то же: *превращеніе остается превращеніемъ,* скоро ли, долго ли оно совершается, а „химически" или „физически"—это безразлично.

Если спросятъ, почему въ первомъ и единственномъ случаѣ такого превращенія (хотя одно существенное подтвержденіе дороже сотни умозаключеній), почему радій превращается именно въ гелій, а не въ свинецъ или золото, то я отвѣчу, что причина этого лежитъ, съ одной стороны, въ подлежащемъ матеріалѣ (радіи), а съ другой—въ природномъ физическомъ Алькаэстѣ, *который, однако, можетъ быть искусственно видоизмѣняемъ.*

Вездѣ, въ природѣ, во всѣхъ отдѣльныхъ существахъ, мы видимъ проявленіе закона „optimum'a", который для каждаго частнаго случая ставитъ извѣстныя границы въ формахъ и способно-

стяхъ, въ матеріи и силѣ, въ движеніяхъ и воспріятіяхъ. Этотъ законъ учитъ насъ, что границы эти въ отдѣльномъ существѣ (какъ со стороны „высшаго", такъ и „низшаго", какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ) нельзя переступать безнаказанно, т.-е. безъ измѣненія временнаго вида и состоянія даннаго существа.

Законъ этотъ распространяется какъ на большой, такъ и на малый міръ, на планеты и атомы, на людей и животныхъ, на растенія и камни.

Даже для атомовъ существуетъ, повидимому, мѣра высшей величины и вѣса. Какъ только они переступаютъ ее, теряется ихъ стойкость и они „распадаются". Въ границахъ этой стойкости подлежатъ они дѣйствію своего естественнаго Алькаэста. Тогда изъ нихъ возникаетъ новое. Съ нимъ происходитъ перемѣна—„превращеніе". Физическій Алькаэстъ разлагаетъ атомы на субъатомы, первичные атомы, которые далѣе группируются въ новые атомы, а эти въ новые элементы, такимъ образомъ, они упрочняются, „коагулируются".

Когда распадаются атомы элементовъ, обладающихъ максимальнымъ атомнымъ вѣсомъ (напримѣръ: ураній, торій, радій), то продукты распаденія комбинируются, перейдя черезъ первичную атомную точку безразличія, снова въ элементы, но съ относительно минимальнымъ атомнымъ вѣсомъ (гелій).

Такимъ образомъ, замыкается земное „кольцо", „цѣпь" развитія элементовъ и ихъ атомнаго вѣса. И мы снова возвращаемся къ ученію: Aurea Catena Homeris, Annulus Platonis, Superius et Inferius Hermetis.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Рукописи „А. С. Н"., находящіяся въ Гамбургской городской библіотекѣ.

Мы уже упоминали о томъ, что А. С. Н. распространялась не только до изданія ея въ 1723 г. но и позже въ видѣ рукописей. Интересно познакомиться ближе съ этими рукописями.

Въ Гамбургской библіотекѣ находятся три манускрипта.

I подъ № 763.

„Чистая истина герметической философіи. Раздѣлена на 4 класса: I.—Ex regno minerali, II—Ex regno animali, III—Ex regno vegetabili, и наконецъ IV.—Ex regno coelesti seu principio aethereo, дорога къ открытію тинктуры для людей и металловъ.

IV классъ распадается на нѣсколько померовъ № 2 озаглавленъ: Lapis Philosophorum ex spermate mundi. Затѣмъ, изображенія фигуръ „Abyssus Duplicatae“ и „Aurea Catena Homeri“ и 8 главъ по 11 страницъ, ничего общаго не имѣющихъ съ нашей А. С. Н. № 5 помѣченъ датою Ао: 1718 d. 24 Martii. „Здѣсь мы видимъ оба изображенія А. С. Н. въ рисункахъ, сдѣланныя еще за 5 лѣтъ до перваго печатнаго образца ея. Въ томъ же сборномъ томѣ слѣдуетъ дальше, написанное уже другой рукой на 92 страницахъ — должно быть рукою гофрата Шмидта — „Третья книга или третья часть „Золотой цѣпи.“ De transmutatione mettallorum—объ превращеніи и очищеніи металловъ въ благородные металлы.

II № 777.

Nucleus sive Supplementum Catenae Aureae Homeri propter abusum ab ipso sic dicto Libro aurea recisum atque in usum Filoorum Artis divinae reservatum.

Манускриптъ, написанный самимъ гофратомъ Шмидтомъ, содержитъ также 27 страницъ корректуры и примѣчаніе къ А. С. Н. на нѣмецкомъ языкѣ.

III № 621.

„Замѣчательныя явленія въ минеральномъ царствѣ, вычитанныя изъ греческаго манускрипта Гомера“. Золотая цѣпь, переведенная на латинскій языкъ аббатомъ ордена Бенедиктинцевъ — Іоганомъ Тритгеймомъ, впослѣдствіи переденная на нѣмецкій языкъ M. J. M.

Манускриптъ написанъ переписчикомъ гофрата Шмидта. Заключаетъ въ себѣ 156 с траницъ. Въ началѣ его—цвѣтной рисунокъ, изображающій двойную бездну золотой цѣпи (Abyssus duplicatus). Содержаніе захватываетъ только 23-главу первой части и 9-й второй А. С. Н., въ которыхъ говорится о разложеніи минераловъ.

Особый интересъ заключается въ предисловіи, которое мы приводимъ здѣсь въ сокращеніи:

„Здѣсь я хочу подѣлиться съ вами, мои братья, тѣмъ, что я съ большимъ трудомъ прочелъ въ греческомъ оригинальномъ манускриптѣ и перевелъ во время моего странствованія въ Ватиканъ. Вы увидите, насколько это превосходитъ въ достоинствахъ писаніе патера Николая, ибо онъ, имѣя много времени, не сумѣлъ разобраться въ греческомъ языкѣ, а потому и не могъ сдѣлать точной передачи смысла автора; онъ часто беретъ ошибочныя, обозначенія матеріи и многое пропускаетъ изъ сказаннаго авторомъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго времени, я извлекаю изъ рукописей только самое важное, а именно то, что авторъ говоритъ о рожденіи и свойствахъ минераловъ и даетъ очеркъ ихъ анатоміи: это—важнѣйшее въ его писаніяхъ—необходимо имѣть у себя безъ ошибокъ; Остальное можно прочесть и у патера Николая. Этотъ Гомеръ, вмѣстѣ съ Зороастромъ, лучше всего изучилъ рожденіе металловъ и минераловъ, и эту тему онъ излагаетъ ясно и открыто. Потому я и даю себѣ трудъ перевести это мѣсто съ греческаго на латинскій, который понимаютъ мои братья по ордену, чтобы они могли основательно изучить алхимическую мудрость“.

„*Trithemius Abbas*“.

Изъ этого предисловія мы узнаемъ двѣ новости. Знаменитый Іоганнъ Тритеміусъ изъ Спонгейма (1462—1516), другъ Корнелія-Агриппы и учитель Парацельса, а также патеръ Николай связаны съ нашей „Золотой цѣпью“. Если бы можно было удостовѣрить критикою эти данныя, то исторія нашей книги получила бы новое освѣщеніе. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Въ трудахъ Триттеміуса я не нашелъ ничего, говорящаго объ А. С. Н., а личность патера Николая я не могъ удостовѣрить.

Во всякомъ случаѣ, существуютъ три манускрипта еще до гофрата Шмидта, приписываемые августинскому патеру Іоганну-Николаю. Они слѣдующіе.

№ 626.

Іоганна-Николая, патера ордена Августинцевъ—„Истинное свидѣтельство о тинктурѣ и камнѣ древняго мудраго мастера“. Своему

монастырю, на память, съ любовью, посвящаетъ Базиліо-Валентинъ, братъ ордена Бенедиктинцевъ. Годъ MCCCCLXXX.

69 страницъ манускрипта написаны переписчикомъ Шмидта, которымъ нѣкоторыя мѣста исправлены.

Изъ словъ Базиліо-Валентина вытекаетъ, что онъ былъ ученикомъ Николая; что послѣдній много путешествовалъ по свѣту, въ качествѣ миссіонера (въ Китаѣ и др.); что онъ былъ величайшимъ философомъ, астрономомъ, естествоиспытателемъ и владѣльцемъ „большого универсальнаго камня" и умеръ 104 лѣтъ отъ роду.

Содержаніе манускрипта не имѣетъ ничего общаго съ А. С. Н

№ 627.

Есть дубликатъ № 626. Здѣсь прибавлены еще четыре цвѣтныя иллюстраціи, аллегорически изображающія описанный химическій процессъ.

№ 775.

Clavis патеру Іоганну-Николаю.

24 страницы текста, относящіяся къ № 626.

Эти данныя не даютъ тоже никакого положительнаго результата. Напротивъ, чтобы внести еще больше путаницы (умышленно), приводятся слова проблематическаго Базиліо-Валентина.

Мы должны заключить отсюда, что такъ какъ ни аббатъ Тритеймъ не былъ въ Римѣ, ни патеръ Николай не существовалъ (во всякомъ случаѣ, *этотъ* патеръ Николай), то здѣсь, въ манускриптѣ № 621, является обычная, любимая герметической литературой, мистификація. Было въ обычаѣ выставлять на манускриптахъ и заглавіяхъ книгъ имена знаменитыхъ и общеизвѣстныхъ авторитетовъ (дѣйствительныхъ или воображаемыхъ), чтобы сдѣлать ихъ приманкой для покупателей-любителей. Такъ, фигурировали, напримѣръ, Тритеміусъ, Базиліо-Валентинъ Зороастръ, Гермесъ, Фаустъ и др.

Наша „А. С. Н." не нуждалась въ такой приманкѣ. Она говоритъ за себя сама, что, какъ надѣюсь, мнѣ удалось показать съ полною очевидностью.